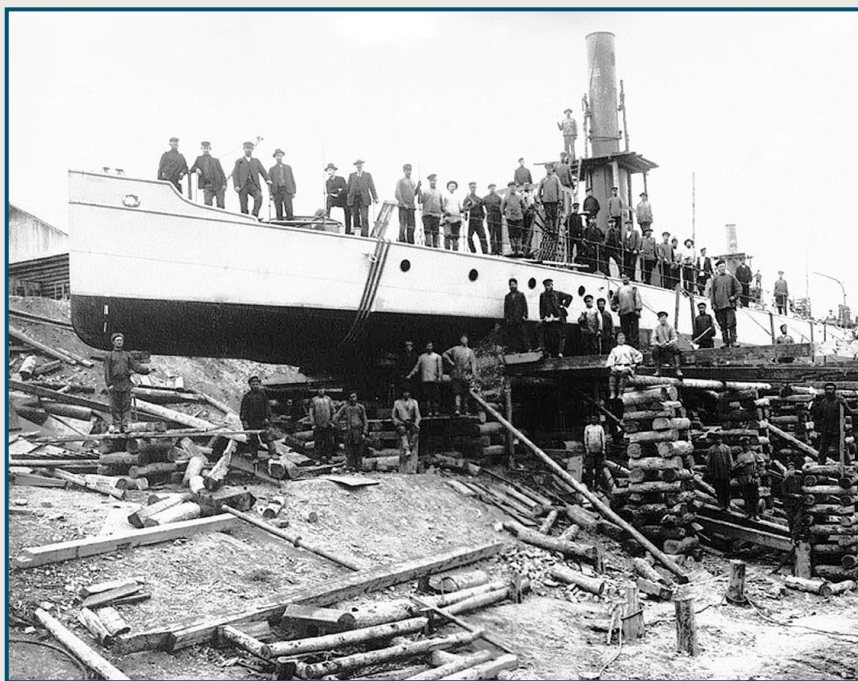

Забайкальский исторический журнал ХРОНОГРАФ

Родина Амурской флотилии

2012

Год Российской истории

«Годы учат многому, чего дни и не знают»
Ральф Уолдо Эмерсон

ул. Бабушкина, 46

ул. Амурская, 40-а

ул. Амурская, 39

ул. Ленина, 37

ул. Анохина, 37

ул. Ленина, 84

Вы держите в руках первый номер нового забайкальского исторического журнала «Хронограф». Несколько причин побудили меня выступить инициатором его издания.

2012 год объявлен Годом Российской истории. Это обстоятельство заставляет всех нас еще раз задуматься о значении истории в нашей жизни. Великий русский историк Василий Осипович Ключевский говорил, что «знание своего прошлого не только потребность мыслящего ума, но и существенное условие сознательной и корректной деятельности. Вырабатывающееся из него историческое сознание дает обществу тот глазомер положения, то чутье минуты, которые предохраняют его как от косности, так и от торопливости».

Год истории – это замечательный повод сделать что-то хорошее для сохранения исторической памяти. В нашем крае большой вклад в это общее дело внесли сотрудники масштабного проекта «Энциклопедия Забайкалья». К сожалению, формат энциклопедического издания не позволил сделать достоянием общественности многие краеведческие материалы, а сделать это необходимо. Так возникла идея издания специального журнала, полностью посвященного нашей забайкальской истории, которая много богаче и значительнее сложившихся стереотипов «каторги и ссылки».

В 2011 году мне довелось впервые побывать в Порт-Артуре и увидеть те места, о которых прежде знал только из книг. Читая на мемориальной стеле названия воинских формирований – участников героической обороны Порт-Артура, нашел среди них Читинский и Нерчинский полки Забайкальского казачьего войска. Помним ли мы об этом, и что мы знаем об этих людях, чьи потомки живут среди нас? Запомнились тогда строки, высеченные на одном из памятников на русском кладбище Порт-Артура:

«Всему на свете есть предел.
Любви и счастью, и страданию,
Лишь одному воспоминанию,
Бог долговечность дать велел»

В 1980 году я был выпускником историко-филологического факультета нашего педагогического института, и это обстоятельство во многом определило всю мою жизнь. Я убежден, что прав был мудрый Василий Ключевский, когда говорил, что «определяя задачи и направление своей деятельности, каждый из нас должен быть хоть немного историком, чтобы стать сознательно и добросовестно действующим гражданином».

Мы назвали журнал «Хронограф» и расположили материалы именно так, как в летописном своде: век за веком и год за годом.

Любители истории, может быть, вспомнят, что именно «Хронографом» назывался составленный в начале XVI века русский исторический свод, в котором впервые русская история была вплетена в контекст истории всемирной.

Рассказывая об истории Забайкалья, мы также хотели представить историю нашего края как неотъемлемую часть российской и мировой истории, тем более, что пограничное положение края открывает для этого большие возможности.

Хронографом, как известно, называют еще и механизм для определения промежутков времени путем сравнения отметок начала и конца наблюдаемых периодов. Собственно говоря, этим и занимаются историки.

Мы приглашаем к сотрудничеству историков и краеведов, всех, кому дорога история нашего края, и надеемся, что сотрудничество наше будет на пользу общему делу – сохранению исторической памяти.

Академик Дмитрий Лихачев когда то очень верно заметил: «Россия не абстрактное понятие. Надо знать, что она представляла собой в прошлом и чем является сейчас. Как это ни сложно, Россию необходимо изучать».

**Сергей Кудрявцев,
редактор**

В НОМЕРЕ:

XVIII

СЕКРЕТЫ ШИЛКИНСКОГО СТЕКЛА стр.6

XIX

НЕИЗВЕСТНАЯ ИСТОРИЯ стр.10

СЛУЖИЛ В ЗАБАЙКАЛЬЕ ЗЕМСКИЙ ИСПРАВНИК стр.18

ПЕРВЫЙ ГЕОПОЛИТИК ЗАБАЙКАЛЬЯ стр.24

**ЖЕЛТУГИНСКАЯ РЕСПУБЛИКА
(АМУРСКАЯ КАЛИФОРНИЯ)** стр.28

XX

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ РЕФОРМА стр.38

**КОКУЙ – РОДИНА
АМУРСКОЙ ВОЕННОЙ ФЛОТИЛИИ** стр.44

**СРЕТЕНСКИЙ ЛАГЕРЬ ВОЕННОПЛЕННЫХ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914-1918 ГГ.)** стр.54

**1917 ГОД В ЖИЗНИ А.К. КУЗНЕЦОВА,
ГЛАСНОГО ЧИТИНСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ** стр.84

ЗНАМЕНСКИЕ стр.88

СПЕЦИАЛИСТЫ МИРОВОГО УРОВНЯ стр.90

Алексей Мясников
(Чита)

Секреты ШИЛКИНСКОГО СТЕКЛА

ЛЕТ ДВЕСТИ НАЗАД ОПЫТЫ ПО ИЗГОТОВЛЕНИЮ ВЫСОКОКАЧЕСТВЕННОГО СТЕКЛА ПРОВОДИЛИСЬ ВО МНОГИХ УГОЛКАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, В ТОМ ЧИСЛЕ И В ЗАБАЙКАЛЬЕ.

В 70-х годах XVIII столетия здесь жил стекольных дел подмастерье Григорий Малахов, командированный императорским кабинетом из Колывано-Воскресенских заводов. Ему вменялось в обязанность организовать при Шилкинском заводе производство всевозможной посуды и передать свои знания молодым ученикам.

Одними из первых забайкальцев, которые постигли основы нового для них ремесла, были Матвей Позднин и Дмитрий Чечелин. В 1778 году они под руководством наставника начали выпуск стаканов, чаш, солонок, банок, реторт, колб. Все это делалось в одной экспериментальной печи.

Тогда горное начальство с целью получения «казенной прибыли» постановило построить особую стекольную фабрику. Вскоре Шилкинская заводская контора отрапортовала: «Предписанная стеклянная фабрика строением начата, на месте по течению речки Чалбучи на правой стороне...». По завершении строительства на новом предприятии имелось четыре печи, изба, сарай и другие подсобные помещения.

В 1779 году Григорий Малахов заявил, что завершает обучение своих подопечных. И действительно, во время экзаменов ученики продемонстрировали умение самостоятельно делать разную посуду, а также шары для «электрической машины».

Они изготавливали стекло трех цветов: белое, вишневое и зеленое. Цвет и качество продукции определялись соотношением разных веществ в особой

Эрик Лаксман

смеси – шихте, расплавлявшийся в течение нескольких часов, а то и суток.

Вот, например, старинный рецепт для выплавки белого стекла:

«120 фунтов белого песку;

6 фунтов пожженого потшу;

15 фунтов гипсу, а за неимением такового употребить можно гипсового шпату;

1 фунт более или менее марганцу, смотря по цвету стекла.

Сей смес плавится 12 часов до употребления».

ХА

покровителю доставать «из подо льда селитру, коя под водою и под тиною лежит пластом».

Нерчинская горная экспедиция, желая проверить это сообщение, командировала на озеро читинского управителя Ивана Мелехина и капрала Ситникова. Залуцкий поехал с ними в качестве проводника. Никакой селитры они не нашли, зато обнаружили по берегам гуджир, использовавшийся местным населением в качестве добавки к чаю или моющего средства.

Шилкинская контора рапортовала горному начальству: «тот кужир, по пробе оказался минеральною щелочностью, которая в составе стекла оказалась весьма способна и употребляется вместо поташа с большею пользою; стекло получается чище и крепче».

С тех пор Нерчинское горное начальство направляло каждое лето на содовый промысел от трех до шести человек. Они высматривали на озере места, где на дне лежит корка минеральной щелочности – «череп». Подплывали туда на плотках, а потом при помощи металлических шестов и решетчатых коростелей

поднимали кусочки «черепа» на борт. В начале девятнадцатого века за один пуд добытой соли рабочим платили по двадцать пять копеек. Вдобавок они имели право получать по два пуда съестных припасов из читинских магазинов.

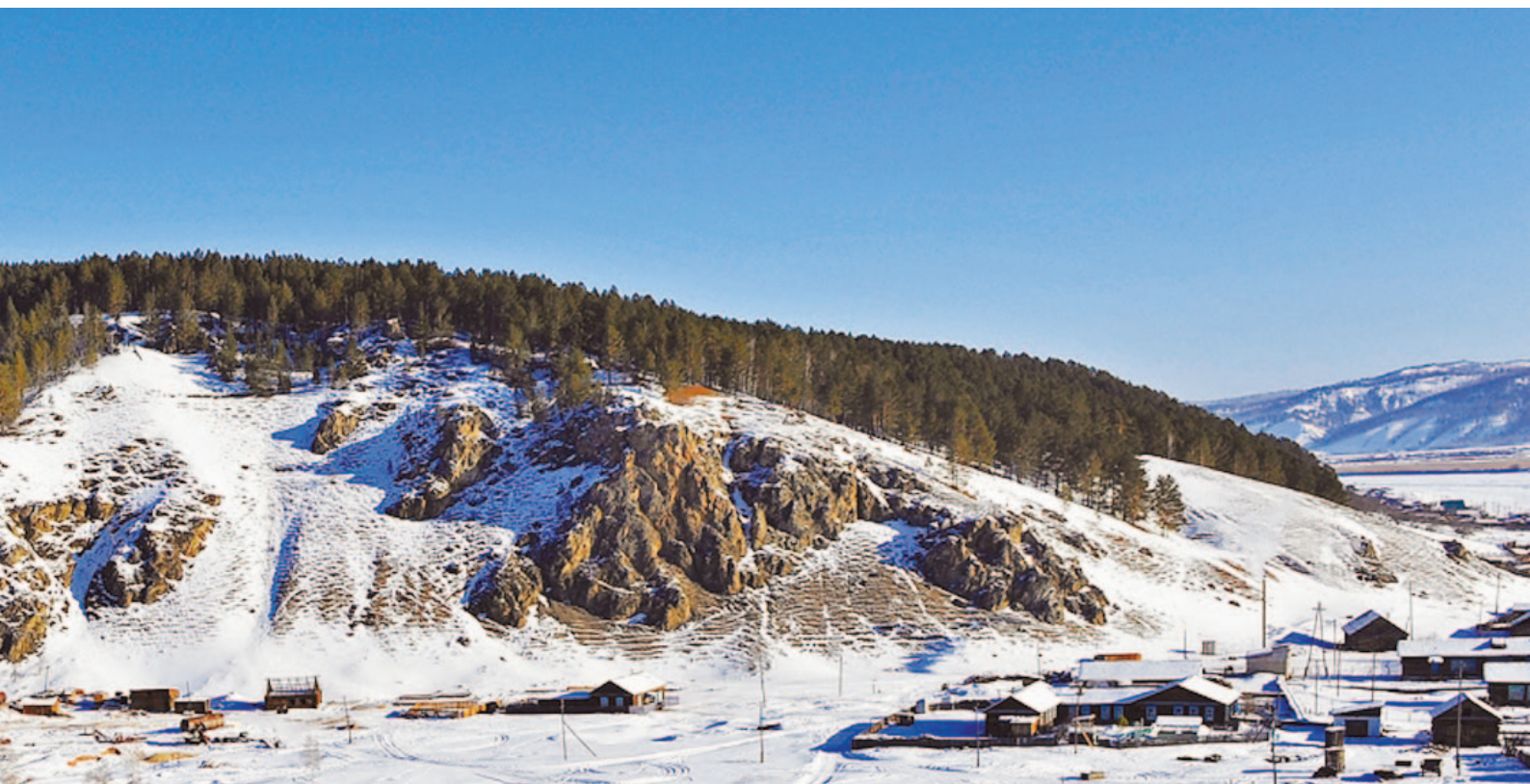
Используя дары Доронинского озера и других минеральных озер, Лаксман сумел получить стекло, по качеству превосходившее английское. Для этого не надо было вырубать леса и сжигать древесину. Пагубное влияние стекольной фабрики на природу удалось свести к минимуму.

В 1795 году начальник Нерчинских заводов, коллежский советник Е.Е. Барбот де Марни обратился в Губернское правление с просьбой об отводе Доронинского озера в заводское ведомство. Через год его просьба была удовлетворена. Горное начальство получило исключительные права на разработку этого крупнейшего в Восточной Сибири месторождения соды. Цаган Нор стал сырьевой базой для стекольного производства.

В XIX веке шилкинские мастера освоили новые способы производства, научились варить стекло практически

Шилкинский Завод
Фото Алексея Мясникова

Евгений Семенов, кандидат исторических наук
(Улан-Удэ)

НЕИЗВЕСТНАЯ ИСТОРИЯ

В XIX ВЕКЕ ЧЕРЕЗ ЗАБАЙКАЛЬЕ ПРОШЛИ СОТНИ ПОЛЬСКИХ ССЫЛЬНЫХ – УЧАСТНИКОВ ВОССТАНИЙ 1830 И 1863 ГОДОВ. БЫЛ СРЕДИ НИХ И ГУСТАВ ЭРЕНБЕРГ – ВНЕБРАЧНЫЙ СЫН РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

После окончания войны с Наполеоном российский император был кумиром всех европейских дворов. За ним была победа на Венском конгрессе. Ему досталось Варшавское княжество, и он мог без опасения провозгласить себя польским королем. Когда император впервые после войны появился в Варшаве, польская аристократия ждала подтверждения данных ей Напо-

его давнего друга Адама Чарторыского, царь танцует полонез с Изабелой Чарторыской, матерью друга. Он одет в польский мундир, на груди у него орден Белого орла. Княгиня И. Чарторыская взволнованно запишет после в своем дневнике: «Польша существует, у Польши есть король, который носит польский мундир и польский орден. У меня есть родина, и я оставляю ее своим детям». Можно легко понять волнение княгини, после стольких лет забвения, казалось, Польша возрождается. Александр обходителен с польской аристократией, уклончиво отвечает на вопросы, касающиеся будущего устройства страны. В то же самое время дает понять, что поляки могут надеяться на большее. Он поразил всех светских львиц. В него влюблялись с первого взгляда. Существует большое количество портретов императора. С них на нас смотрит Александр. «Все единодушно восхищаются высокой статной фигурой Александра, тонкими чертами его лица, мечтательными и мягкими голубыми глазами, вьющимися светлыми волосами, ямочкой на подбородке и чарующей улыбкой, унаследованной от Екатерины. Манеры его просты и изящны, он никогда не повышает голоса, из-за легкой глухоты чуть наклоняет голову к собеседнику, подчеркнуто любезен с нижестоящими и умеет внушить почтение самым надменным. Он и сам любит себя, любит красивые жесты и театральные речи, которые так воздействуют на публику и окружают его имя легендой». На одном из балов он встретился с красавицей, молоденькой тогда полькой Хеленой Дзержановской. По

Портрет императора
Александра I
в польском мундире

леоном свобод. И она не обманулась в своих ожиданиях. В неофициальных разговорах император обещал широкие свободы полякам в рамках вновь образованного Царства Польского. На балу, данном в его честь в доме матери

свидетельству современников это была одна из самых красивых дам польской аристократической элиты того времени. Мы, к сожалению, не располагаем ни одним ее изображением. Роман был кратковременным. Подписав конституцию, Александр вернулся в Петербург. После он еще не раз проезжал через Варшаву, направляясь в Западную Европу и возвращаясь в Россию. Юная поляка оставалась в Варшаве. Результатом ее романа с российским монархом явилось рождение на свет ребенка, сына. Мальчик родился 4 июля 1818 году. В скором времени Хелена вышла замуж за генерала армии Юзефа Понятовского Юзефа Раутенстраух. Чтобы избежать скандала, мальчик был отдан на воспитание в чужую семью. В метрике о его рождении родителями значились варшавский мельник Фердинанд Эренберг и его жена Кристина. Сам Эренберг, позднее, на допросе скажет: *«Зовут меня Густав Эренберг, 20 лет, католик, холост, родился в Варшаве, будучи младенцем, лишился своего отца и не могу сказать, кем он был. Мать моя Хелена Держановская жива и проживает в Варшаве»*. Знал ли он о тайне своего рождения, нам сейчас трудно сказать с полной уверенностью. Вскоре после смерти приемных родителей, воспитанием мальчика занялся влиятельный дворянин, барон, российский дипломат Павел Осипович Моренхейм (Mohrenheim). Как сам позднее признавался Эренберг, то влияние Осипа Моренхейма способствовало развитию и укреплению патриотических настроений. Получив домашнее образование, будущий поэт был направлен в Варшавский лицей, где учился в период 1826-1830 гг. Окончив только 5 классов, по неизвестным нам причинам, не стал продолжать обучение в лицее. В то время полный курс обучения в лицее продолжался 8 лет. Скорее всего, это было связано со вспыхнувшим восстанием в Польше. После поражения восстания был закрыт и Варшавский лицей. Восстание длилось с ноября 1830 года до марта 1831 г. Результатом этого порыва поляков явилась отмена данной Александром конституции. В течение 1833 года Г. Эренберг самостоятельно готовится и летом того же года сдает

экзамен на аттестат зрелости. Дальнейшее образование юноша решает получить в Кракове, древней польской столице. К тому времени Краков по приглашению Венского конгресса получил статус вольного города. Город имел и собственную конституцию. Здесь еще, казалось, ощущалась атмосфера номинальной независимости Польши. Уни-

Густав Эренберг

верситет в Кракове имел свои глубокие традиции, основанный в 1364 г., это был первый университет в Польше и второй по счету в Восточной Европе. В Краков молодой человек прибыл в июле 1833 года. Паспорт для выезда за границу оформил его новый опекун, Винценты Козловский, поскольку после смерти барона П.О. Моренхейма он принял на себя обязанности опекуна молодого Эренберга.

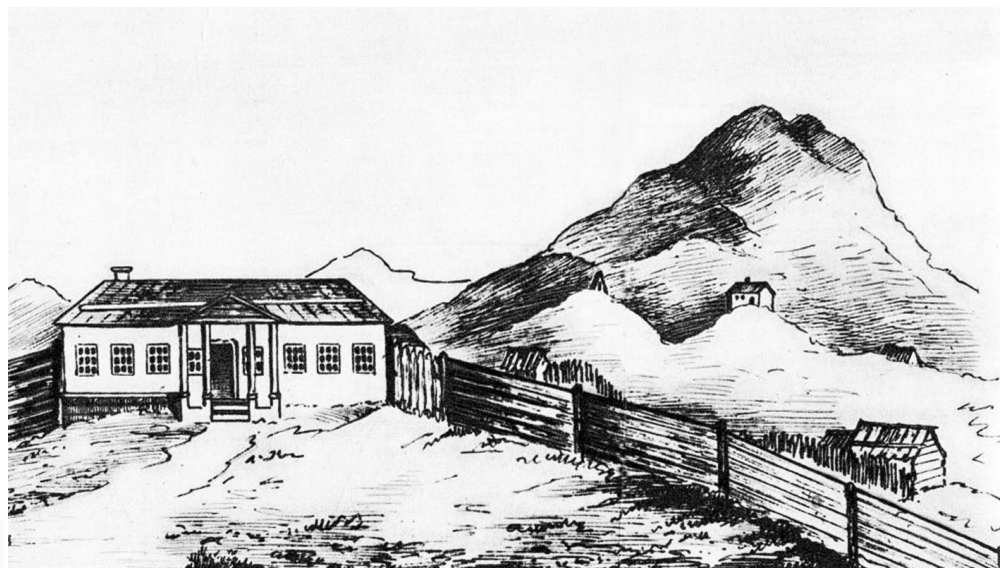
Густав поступает на философский факультет университета. Уже в ранней юности начинает проявляться поэтический талант молодого человека. Находясь в университете, он примыкает к студенческому кружку, существовавшему в то время в среде краковского студенчества. Основной целью, которую

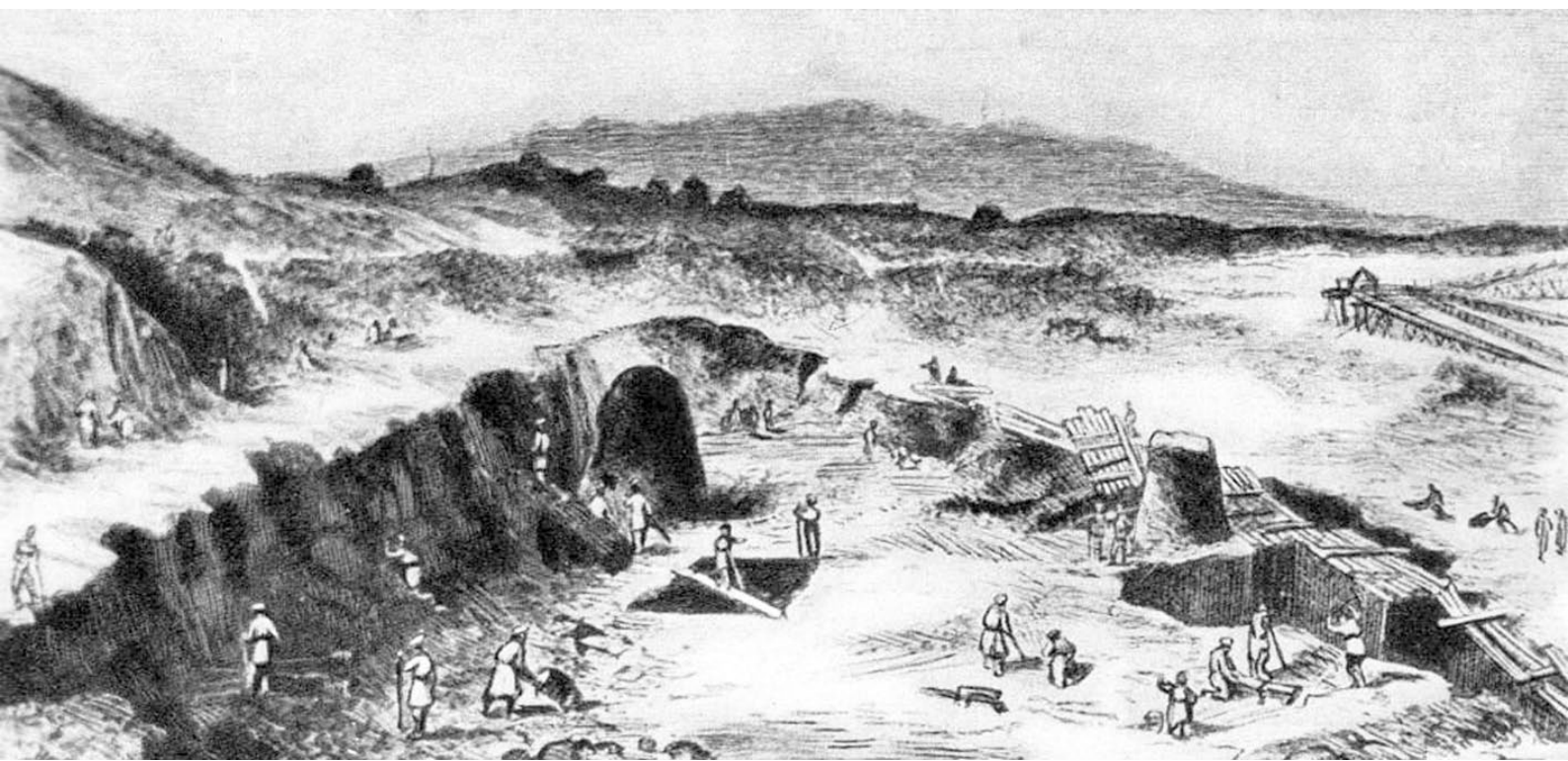
преследовали члены кружка, было поддержание патриотических настроений среди учащейся молодежи. Особенно это было актуально после поражения последнего восстания. Г. Эренбергу во время восстания было 13 лет, возможно, что он и не осознал тогда значимости момента. Позднее он выразит свое отношение и отношение передовой демократической молодежи в своем стихотворении «Шляхта в 1831 году». Для студентов младших курсов старшечкурсники читали лекции. Эренберг взял на себя чтение лекций по философии. Фактически, данный кружок являлся подготовительной школой для будущих конспираторов, членов тайного патриотического общества «Содружество польского народа». Эта организация возникла в Краковской республике в 1835 году и в скором времени распространила свою деятельность на обширную территорию. Ее филиалы были образованы в Галиции, на Волыни, в Беларуси, Литве и собственно в Царстве Польском. Своей основной целью «Содружество» ставило освобождение крестьян от крепостной зависимости и восстановление независимости Польши.

В 1836 году Г. Эренберга принимают в ряды этой организации, и в сентябре того же года он возвращается в

Варшаву, окончив курс обучения. В это же время руководство «Содружества» переезжает из Кракова во Львов, что было связано с оккупацией Краковской республики армиями государств-разделителей. Прибыв в Варшаву, Г. Эренберг продолжает свою конспиративную деятельность. Вместе со своим товарищем по учебе в университете Александром Венжигом молодой поэт организовал здесь филиал «Содружества польского народа». Члены этого филиала «Содружества» больше известны в исторической литературе как «свентокшижцы». Это название происходит от названия улицы Свентокшижской (Святого Креста – Е.С.), на которой в доме одного из активных членов организации, Александра Краевского, чаще всего проходили собрания конспираторов. Наравне с патриотической деятельностью продолжает Г. Эренберг и литературное творчество. В это время им было написано несколько произведений революционного характера, в частности, такие его известные стихотворения, как «Шляхта в 1831 году», «Виселица Завиши». Эти его стихи выйдут в сборнике «Звуки минувших дней» в Кракове в 1848 году, с пометкой «издано в Париже», в то время когда автор уже будет находиться в Сибири. Стихотворе-

Александровский завод.
Рисунок неизвестного ссыльного.
1860-е годы

ние «Шляхта в 1831 году» очень быстро стало популярным в среде демократической молодежи. В произведении в резкой форме выражалось негативное отношение к восстанию аристократических кругов Польши, единственно заинтересованных в сохранении своих привилегий и не поддерживавших национально-освободительные идеи передовой части польского общества.

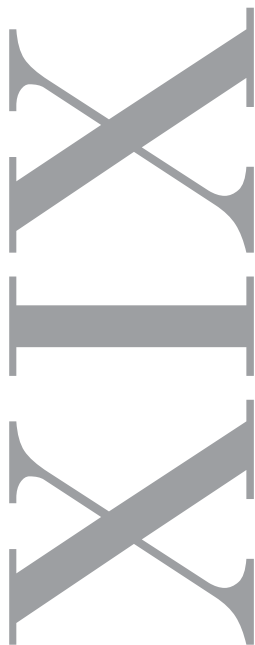
*Когда опоясалась Польша мечом,
Паны языками трепали,
Народ восклицал:
«Победим иль умрем!» –
Паны об оброках мечтали.
С косой и секирой за счастье страны
Крестьяне на бой выходили,
А в сейме ученые речи паны
Твердили, твердили, твердили.*

Первый арест Г. Эренберга состоялся в марте 1837 году. Находясь в Варшавской цитадели, главной следственной тюрьме, он никого не выдал и не признался в своей подпольной деятельности. Решение следственной комиссии было отдать его в солдаты. Наместник Царства Польского И. Паскевич не у-

вердил подобного решения и приказал освободить Г. Эренберга с установлением над ним полицейского надзора.

Когда в 1838 году была раскрыта деятельность организации, Г. Эренберг, в числе многих других конспираторов, был повторно арестован. Теперь уже по решению военного суда молодого конспиратора – Г. Эренбергу в то время едва исполнилось 20 лет – приговорили к смертной казни. Впоследствии смертная казнь была заменена ему бессрочными каторжными работами в Сибири. Дорога из Варшавы до Иркутска длилась 8 долгих месяцев. Из Варшавы он был отправлен 11 июня 1839 года. Этапом в Иркутск, в партии со своими товарищами, Г. Эренберг прибыл 7 января 1840 года. Практически сразу же он был отправлен за Байкал, в Нерчинские горные заводы. Первоначальным местом отбывания наказания ему был предназначен Кличкинский рудник. В 1841 году оттуда молодой человек был переведен в Александровский сереброплавильный завод. В «Списке о политических преступниках и польских уроженцах, находящихся при Нерчинских заводах в каторжной работе за сентябрьскую треть 1842 года»

Александровский
завод
Рисунок неизвестно-
го ссыльного.
1860-е годы

он уже числился при Кутомарском горном заводе.

Г. Эренберга, как наиболее опасного врага, царское правительство долго не амнистировало. В отличие от других его товарищей, которые в течение 40-х гг. в большинстве своем уже были освобождены от каторжных работ и переведены на поселение, Г. Эренберг был переведен на поселение только в 1854 году.

Несмотря на то, что Г. Эренберг был приговорен к тяжелым каторжным работам, фактически был от них освобожден и в скором времени переведен в Большой Нерчинский Завод. Именно здесь в 40-е гг. находилась самая большая колония польских ссыльных в Забайкалье. Здесь же находился и единственный за Байкалом католический храм. Проживавшие в Заводе польские политические ссыльные организовали кассу взаимопомощи, помогавшую им в тяжелых материальных условиях Сибири. Это общество, получившее название «Огул» (ogół – пол. общество), служило также поддержанию национального духа изгнанников и укреплению их надежды на скорое возвращение на родину. Чаще всего ссыльные собирались в доме Антония Бопре, также ссыльного. Материальное состояние доктора Бопре, получавшего значительные гонорары за врачебную помощь и получаемые из дома существенные денежные суммы, позволяло ему помогать более бедным своим товарищам. Им была устроена столовая, в которой кормились его менее состоятельные земляки. Кроме этого им покупалась литература, и выписывались польские и иностранные газеты и журналы. Так что в 50-е гг. эта библиотека уже состояла из 3 тысяч томов литературы различного содержания.

Совместно польские ссыльные праздновали религиозные, национальные и семейные праздники. На особо значимые религиозные праздники – Рождество и Пасху, в Большой Нерчинский Завод стремились приехать ссыльные поляки, размещенные по другим горным заводам Нерчинского округа. Многие приезжали за десятки и сотни километров. Г. Эренберг активно включается в культурную деятельность местной колонии поляков. Он продолжает

заниматься литературным творчеством. Его творчеством очень интересовался декабрист Вильгельм Карлович Кюхельбекер. Находясь на поселении в Акше, декабрист подружился с польскими ссыльными Константином Савичевским и Александром Краевским. Они познакомили его с творчеством их товарища. В.К. Кюхельбекер никогда не встречался с Г. Эренбергом. О нем и его творчестве декабристу писал А. Краевский в своем письме в марте 1844 года. *«Много творческой силы, в особенности же чистые эстетические понятия, верный взгляд на литературу и критику и превосходный слог – вот что я должен признать Г. Эренбергу, хотя он мне и старинный приятель. О литературной его деятельности не много можно сказать: все еще впереди. О нескольких критических статьях в краковских журналах, о нескольких лирических стихотворениях, как бы они, впрочем, хороши ни были, нечего распространяться. Главным и, по-моему, весьма замечательным творением Эренберга была трагедия в стихах «Два скульптора» (или «Два ваятеля», – не знаю, как лучше), написанная в Варшаве в 1837 году. ... В другое время, если этого пожелаете, я Вас могу познакомить с содержанием этой трагедии довольно оригинальной по своему вымыслу и исполнению. Здесь уже написал Эренберг лирическую драму под заглавием «Могила Забоя», которой содержание заимствовано отчасти из известной древнебогемской песни «Забой, Славой и Людек». Писана стихами различных размеров, везде обработанными и прекрасными; впрочем, по своему славянскому предмету незанимательна она для меня – Эренберг еще только 26 лет; если он оставит свой непохвальный обычай много начинать, а ничего не кончить, то можно от него ожидать произведений высокого достоинства. Он, впрочем, работает с трудом, и никогда не будет принадлежать к писателям легким и обильным».* Кроме драмы «Забой, Славой и Людек», написал в ссылке еще несколько знаковых произведений. Одним из них, несомненно, является поэма «Stella Maris» (1845 г.). В ней выражена горячая молитва ссыльного поэта к Богородице и надежда на

скорое возвращение на родину. В Забайкалье Эренбергом был написан цикл элегий, впоследствии названных «даурскими», и несколько сонетов на мотивы библейских псалмов. К сожалению, не все произведения поэта периода его забайкальской ссылки сохранились до наших дней. В частности, из сонетов сохранился только один. Больше повезло «даурским» элегиям, которые были изданы автором при помощи А. Краевского, после их возвращения на родину. В 1875 году они появились на страницах популярного женского журнала «Bluszc» (пол. – плющ).

Несомненно, что прежде, чем эти произведения увидели свет, они были прочитаны им на дружеских встречах изгнанников в Большом Нерчинском Заводе. К некоторым его произведениям была написана музыка талантливым музыкантом, также польским ссыльным Адамом Гроссом. А. Гросс, находясь на поселении в Заводе, подрабатывал, давая уроки музыки детям богатых забайкальских купцов и влиятельных чиновников. Именно он играл во время богослужений в католической часовне на фисгармонии. В 1855 году он выезжал

из Завода в Кяхту, где дал свой концерт. В свободное время он сочинял музыку к поэтическим произведениям известного польского поэта Адама Мицкевича, Г. Эренберга и др.

Г. Эренберг, так же, как и многие польские ссыльные, получая скудное казенное пособие, предназначавшееся ссыльным, и нерегулярную помощь от родных, начал преподавать в семье местного чиновника. К сожалению, мы не знаем, каким предметам он обучал. Можно предположить, что это были иностранные языки. Г. Эренберг в совершенстве владел французским, английским, немецким, итальянским. Знал латынь и древнегреческий язык. Неизвестно и имя того чиновника, чьих детей обучал Г. Эренберг. Когда в 1852 году начальник горного округа, полковник Ковригин, попытался удалить Эренберга из Нерчинского Завода, возможно при вмешательстве этого влиятельного человека дело дошло до генерал-губернатора Восточной Сибири Николая Николаевича Муравьева. И он «порекомендовал» Ковригину оставить Г. Эренберга в Нерчинском Заводе. Г. Эренберг был оставлен на прежнем своем месте.

Тадеуш Билиньский.
Группа польских
ссыльных у обелиска
на границе Европы и
Азии

На поселение поэт был переведен только в 1854 году, в то время основная масса польских ссыльных уже давно была освобождена от каторжных работ и находилась на поселении.

В 1854 году Г. Эренберг обращается с прошением к Военному губернатору Забайкальской области следующего содержания:

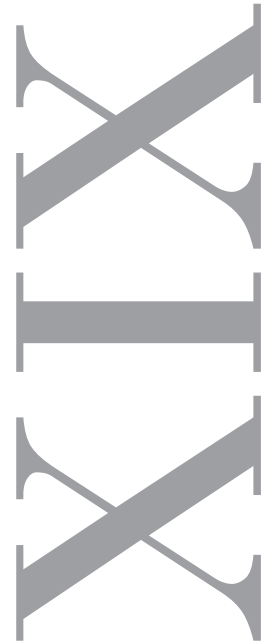
«Ваше Превосходительство.

Осмеливаясь обратиться частным письмом в собственной моей нужде к Начальнику Края, полагаюсь единственно на Его снисходительность. Сосланный в каторжную работу по политическому делу в 1839 г. (будучи тогда лет 20), ныне я по высочайшей милости уволен на поселение, но еще не приписан ни к какой волости. Для удобнейшего снискания себе пропитания занятиями, дозволенными в моем положении и для разделения участи моего соизгнанника и родственника Рабцевича, я бы желал поселиться в Иркутской губернии. Представляя в залог как самую оказанную мне Высочайшую милость, так и четырнадцатилетнее беспорочное пребывание

мое в Нерчинских заводах, осмеливаюсь просить Вас, Генерал, не отказать мне в одобрительном своем мнении, и исходатайствовать для меня причисление к одной из волостей Иркутской губернии. Почту себя истинно облагодетельствованным, если Вы, Ваше Превосходительство, обратите благосклонное внимание на мою просьбу, во всяком же случае и тем я уже доволен, что имею случай выразить глубочайшее почтение, с каким честь имею быть Вашего Превосходительства покорным слугой

*Густав Эренберг
Нерчинский Завод, мая 29, 1854 года».*

Упомянутый в письме «соизгнанник и родственник Рабцевич», не кто иной, как Владислав Рабцевич, также ссыльный. Он, как и Г. Эренберг, являлся членом «Содружества польского народа». Вместе с Эренбергом и другими товарищами по тайной организации был арестован в 1838 г. и сослан в каторжные работы в Сибирь. Наказание В. Рабцевич отбывал в Нерчинском Заводе. В отличие от Г. Эренберга на поселение он был переведен в 1845 году. Хотя местом поселения

ему была определена Иркутская губерния, ссыльный решил остаться в Забайкалье. Связано это было, скорее всего, с тем, что, как выражался Ю. Сабиньский, также ссыльный, проживавший в Иркутске, В. Рабцевич «в Нерчинском Заводе имеет собственный дом и хорошую работу у богатого купца». В 1846 году к В. Рабцевичу в ссылку приехала его невеста Катажина Непокойчицкая. Их свадьба состоялась в Иркутске. Подружками невесты во время обряда бракосочетания были дочери декабристов Волконского и Трубецкого. После бракосочетания супруги Владислав и Катажина Рабцевичи возвратились в Большой Нерчинский Завод. В 1853 году Рабцевич с семьей переезжает в Иркутск. Сюда же к нему и хотел приехать Г. Эренберг.

Этот вопрос был решен положительно и в 1855 году Г. Эренберг оставляет Забайкалье. В Иркутске поэт находился недолго. В 1856 г. по случаю восшествия на престол императора Александра II была объявлена амнистия государственным и политическим преступникам. Г. Эренбергу было назначено новое место поселения – Нижний Тагил. В своем дневнике Ю. Сабиньский 27 июля 1856 года сделал следующую запись «Сегодня дорогой Густав Эренберг выехал в Тагил. С тяжелым сердцем прощался с ним, думая о том, что вижу его

последний раз. Привязался к нему как к родному брату. Пусть же всегда будет счастлив, поскольку заслуживает на это своими благородными поступками». В течение двух лет, 1857-1858, Г. Эренберг служил переводчиком французского языка в канцелярии графа Анатолия Демидова в Нижнем Тагиле. В 1858 году он вернулся на родину. В этом году ему исполнилось 40 лет, всю свою молодость поэт провел в ссылке.

Густав Эренберг скончался 28 апреля 1895 году, в возрасте 77 лет, прожив долгую и непростую жизнь. Литературной деятельностью после возвращения на родину он больше не занимался. Более того, пережив в ссылке серьезную переоценку прежних жизненных ценностей, отказался от своих убеждений. В сохранившихся сборниках «Звуки минувших лет» по требованию поэта были вырезаны его наиболее революционные произведения «Шляхта в 1831 году» и «Виселица Завиши».

Также никогда он не говорил о тайне своего рождения. Единственным свидетельством этого были письма баронессы Хелены Держановской к Александру I, в которых она сообщала императору о рождении сына. Но и эти письма были утрачены во время Варшавского восстания 1944 года. Таким образом, эта история по-прежнему остается загадкой.

Валерий Филоненко
(Чита)

Служил в Забайкалье земский исправник

ТУТ БЕКЛЕМИШЕВ, ЧТО ЛОЗАМИ
ПЛЕБЕЕВ ДО СМЕРТИ ДЕРЕТ.
КРЕСТЬЯНЕ ФЕДЕНЬКЕ ИГРУШКА,
ИХ МОЖНО КАК СКОТИНУ БИТЬ,
И ЕСЛИ ТИХО ВОЗЯТ ПУШКИ, –
К НИМ ПРИВЯЗАВ, ИХ УМОРИТЬ.

Из анонимной сатирической
«Оды на отъезд графа Амурского»

ЧИНОВНИЧЬЯ «ДОЛЯ»

Общественный престиж чиновника в России XVIII-XIX века был очень низок. Не случайно русская культура того времени практически не создала образов беспристрастного и справедливого администратора. Чиновник в общественном сознании тогда ассоциировался с крючкотвором и взяточником. Однако нельзя забывать, что чиновниками были и великие реформаторы М.М. Сперанский и П.А. Столыпин, декабристы И.И. Пущин и Г.С. Батеньков, писатели М.Е. Салтыков-Щедрин и И.А. Гончаров.

Видимо не случайно, и не без горечи, Ивану Александровичу Гончарову в книге «Фрегат «Паллада» пришлось написать о чиновниках следующие строки: «А кто знает имена многих и многих титулярных и надворных советников, коллежских асессоров, поручиков и майоров, которые каждый год ездят в непроходимые пустыни, к берегам Ледовитого моря, спят при 40° мороза на снегу – и все это по казенной надобности? Портретов их нет, книг о них не пишется, даже в формуляре их сказано будет глухо: «исполняли разные поручения начальства».

Не удалось найти портрета и чиновника, о котором пойдет речь. Это Федор Андрее

Николай Муравьев-Амурский
(Константин Маковский, 1863 г.)

ЧИНОВНИЧЬЯ «ДОЛЯ»

Общественный престиж чиновника в России XVIII-XIX века был очень низок. Не случайно русская культура того времени практически не создала образов беспристрастного и справедливого администратора. Чиновник в общественном сознании тогда ассоциировался с крючкотвором и взяточником. Однако нельзя забывать, что чиновниками были и великие реформаторы М.М. Сперанский и П.А. Столыпин, декабристы И.И. Пущин и Г.С. Батеньков, писатели М.Е. Салтыков-Щедрин и И.А. Гончаров.

Видимо не случайно, и не без горечи, Ивану Александровичу Гончарову в книге «Фрегат «Паллада» пришлось написать о чиновниках следующие строки: «А кто знает имена многих и многих титулярных и надворных советников, коллежских асессоров, поручиков и майоров, которые каждый год ездят в непроходимые пустыни, к берегам Ледовитого моря, спят при 40° мороза на снегу – и все это по казенной надобности? Портретов их нет, книг о них не пишется, даже в формуляре их сказано будет глухо: «исполняли разные поручения начальства».

Не удалось найти портрета и чиновника, о котором пойдет речь. Это Федор Андреевич Беклемишев, по имени которого названо село в Читинском районе. Однако удалось собрать довольно интересные сведения о нем. Причем они довольно противоречивые, поэтому и однозначную оценку его деятельности до сих пор дать пока невозможно. Тем не менее, этот человек оставил заметный след в истории Забайкалья.

После своего назначения новый генерал-губернатор Восточной Сибири Николай Николаевич Муравьев пригласил на службу нескольких молодых людей в небольших чинах на должности чиновников особых поручений и доверил им важные дела, предоставив широкие полномочия и настойчиво продвигая их по службе. К концу «муравьевского времени» из 43 высокопоставленных восточно-сибирских чиновников половина были из числа тех, кому покровительствовал генерал-губернатор. Они искренне уважали Муравьева, признавали его авторитет, безоговорочно подчинялись и стремились заслужить его похвалу или же избежать гнева.

Практически каждый из них не раз побывал с важными поручениями на

Генерал-губернатор Н. Н. Муравьев-Амурский с членами Совета Главного управления Восточной Сибири (Фото. Иркутск. 1861. Собрание ИОКМ).

Камчатке, в Якутии, Забайкалье и на Амуре. Особую группу составляла, как ее называли, «золотая молодежь». Перешедшие из столичной гвардии адъютанты генерал-губернатора, молодые чиновники с петербургскими рекомендациями, они тем более обращали на себя внимание, что в Сибири не было поместного дворянства.

НЕБЫВАЛАЯ КАРЬЕРА

Признанным лидером этой группы был Федор Андреевич Беклемишев. Он родился 10 сентября 1830 года в семье генерала Андрея Николаевича Беклемишева, участника Отечественной войны 1812 года, из старинного русского дворянского рода, происходящего, по преданию, от выходца «из прусских земель». Один из предков имел прозвание Беклемиш. Отсюда и пошли Беклемишевы.

По окончании курса наук в Императорском Александровском лицее Федор 9 июня 1850 года был определен в МВД с чином титулярного советника, а вскоре, по его прошению был направлен в Главное Управление Восточной Сибири (ГУВС). Начав служить помощником столоначальника ГУВС с 21 апреля 1851 года, с этого же дня он был определен чиновником особых поручений в Забайкальское областное правление. С этого времени происходит взлет его небывалой карьеры.

Через три года бывший лицеист стал Верхнеудинским земским исправником – редкое явление в истории российского чиновничества. В его формулярном списке зафиксировано очень быстрое восхождение по лестнице чинов. Приехав в Сибирь в 1851 году титулярным советником, в 1852 году он получает чин коллежского асессора «за отличие», в 1854-м – надворного советника «вне правил за особые труды», через год – опять за отличие – коллежского советника. Таким образом, Федор Беклемишев поднялся на три чина всего за четыре года, вместо положенных шести-девяти, достигнув высоких должностей – члена Совета ГУВС и чиновника канцелярии иркутского генерал-губернатора. Заслуживает внимания и перечень наград, которых он был удостоен: орден Св. Анны 3-й

степени (1855), Св. Владимира 4-й степени (1856), Св. Станислава 3-й степени (1858).

«СЕЛИТЬСЯ ПО ТРАКТУ»

В 1851 году была образована Забайкальская область, и Чита, как пишет Ф. Болонев в работе «Старообрядцы Забайкалья в XVIII-XX вв.» (Новосибирск: АОЗТ. Изд-во «Февраль», 1994.) «из постного села, население которого составляло 669 чел., становится властным центром, так как ее географическое положение оказалось более удобным, чем расположение Нерчинска и других городов Восточного Забайкалья. Потребовались новые тракты, дороги, коммуникации».

Из Верхнеудинска до Читы был построен новый тракт, названный Читинским. Обустройство и заселение Читинского тракта в основном легло на плечи семейских крестьян. Ряд селений по этому тракту в верховьях реки Хилок был населен, главным образом, из староверческих сел Верхнеудинского округа.

Селение Беклемешево, названное так по имени чиновника особых поручений Ф.А. Беклемишева, возникло сначала как заимка, вероятно, в 1850 году. Об этом можно узнать в очерке Павла Миловецкого «Иргыньское селение в Забайкальской области», в котором автор был в июне 1859 года. О с. Беклемишевском, откуда он прибыл накануне, пишет, что оно возникло лет десять назад.

По другим данным с. Беклемишево было основано в 1854-1856 годах. Сюда «по кличу селиться по тракту» стали прибывать семьи из густонаселенных районов, и оттуда, где наступило хроническое малоземелье. Освоение Амура и возвышение г. Читы как административного центра при Н.Н. Муравьеве-Амурском потребовало новых дорог и почтовых трактов. К этому делу заселения тракта на Читу был и подключен молодой исправник Ф.А. Беклемишев.

О пребывании в Забайкалье Ф.А. Беклемишева лучше всего расскажут его современники и исследователи его биографии. Ниже – их оценка работы Беклемишева в должности Верхнеудинского

земского исправника. Даты его назначения на эту должность найти не удалось, однако так его называет Наталья Матханова в очерке «Служить бы рад» (журнал «Родина» №5, 2000).

Мнения современников об этом человеке весьма противоречивы. Декабрист Д.И. Завалишин называет его мошенником, соблазнителем, приводящим в свой дом переодетых в мужское платье девок, который за малейшую провинность сек своего крепостного человека, не на живот, а на смерть.

Князь П.А. Кропоткин в 1863 г. писал о нем: «Беклемишев страшная скотина, он делал невообразимые мерзости с крестьянами, вот хотя бы в деревне, носящей его имя на тракте, как он выселял крестьян, запарывал крестьян и т. п.».

А вот воспоминания крестьян с Беклемешево об этом чиновнике. Их записал в 1927 г. исследователь Александр Добромыслов. «Прасковья Асташина (она же Милютинина) рассказывала: «Исправник Беклемешев был очень деятельный, но и строгий, лентяев не любил. За медленное строительство наказывал плетью (с ним всегда были казаки). Та-а-а-а драли, адали белье колотили».

Крестьянин Глотов вспоминал: «Поселением заведовал Беклемешев, молодой человек, лет 17, шепелявый, серьезный. У него с каким-то была ссора. Стрелялись. Тот не попал. Беклемешев того убил из пистолета, заряженного солдатской пуговицей».

А вот какую характеристику Беклемешеву дает М.И. Венюков, один из активных участников заселения Амура и видевший в крестьянских избах портреты Беклемишева: «Он был человек дела ненавидящий паразитов, ничем дотол не замаранный. Правда над ним смеялись, что он при заселении Читинского тракта брал с верхнеудинских староверов взятки не деньгами, а красавицами, семьи которых выселял на большую дорогу, чтобы почаще их видеть, но я не раз говорил о нем с самими староверами, как высланными, так и оставшимися на местах, и постоянно слышал от них, что время исправничества в Верхнеудинске Беклемешева было для них золотым веком. «Душевный был человек Федор Андреевич: никаких поборов сам не брал и

другим не позволял брать. Попросишь о чем – коли можно, сейчас сделает. Ни попы, заседатели, ни казаки, ни горные чиновники, ни купцы при нем обижать нас не смели».

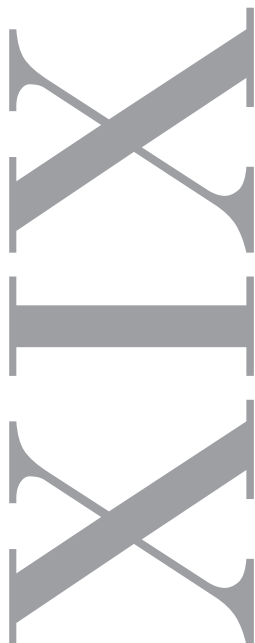
Но самая объективная оценка Беклемишеву дана купцом П.И. Пахолковым по рассказам крестьян. Беклемишев «был пугалом, грозой всего Забайкалья... Перепороть 20-50 человек в деревне – для Беклемишева это было делом игрушки». Однако, по словам Пахолкова «полный жизни и кипучей энергии, с железной волей, от природы обладая душой Стеньки Разина», он «делал чудеса». «Стоило только крикнуть Беклемишеву, как хлеб покупался по дешевой цене и доставлялся в Читу... чуть ли не даром... четырехпудовые пушки везлись из Верхнеудинска в Читу на санях по голой земле!». Несмотря на «грешки» Беклемишева, его имя, по мнению этого мемуариста, «должно стоять в числе лучших сотрудников Муравьева по занятию Амура».

ПЕРВАЯ ДУЭЛЬ В СИБИРИ

Скандальную известность Беклемишев приобрел после дуэли с чиновником М.С. Неклюдовым. Дуэль случилась 15 апреля 1859 года по инициативе Беклемишева, когда тот достиг вершины своей сибирской карьеры, заняв должность члена Совета ГУВС.

До слуха Неклюдова дошло, что 12 апреля Беклемишев публично назвал его вором. На другой день Неклюдов стал требовать от Беклемишева объяснений по поводу распускаемой им клеветы. Будучи взволнованным, он толкнул Беклемишева, за которого вступилась прислуга и нанесла побои Неклюдову. С прислугой он был отправлен к полицеймейстеру и посажен под арест, из-под которого был вскоре выпущен по желанию Беклемишева.

Тут же к нему приехал секундонт Беклемишева, сразу предложивший условия поединка. Неклюдов просил отложить дуэль до 14 числа и изменить условия дуэли: драться на 20 шагах (вместо предложенных десяти) с тем, чтобы выстрелы были по очереди, и чтобы в случае промаха, дуэль окончилась.

Согласия не последовало, и Неклюдов попросил отсрочить дуэль до приискания себе секунданта. Нашелся надворный советник Мефодий Молчанов, который сам напросился в секунденты к Неклюдову.

Весть о предстоящей дуэли быстро облетела Иркутск, и никто не пытался ее предотвратить. Напротив, все с любопытством следили за исходом дела. Ведь это был первый поединок сибирского края.

Наконец, в 7 часов утра 15 апреля дуэль состоялась. Неклюдов был убит.

Многие подробности этого дела впоследствии возбудили в местном обществе сомнение на счет правильности дуэли. Возник вопрос: пал ли Неклюдов от изменнической руки убийцы, прикрывшегося дуэльной обстановкой, или же был убит на правильном поединке.

1 сентября 1859 года труп Неклюдова вырывали из земли и подвергали его анатомическому исследованию. Правительствующий Сенат, рассмотрев дело по повелению Александра II, пришел к заключению, что поединок Неклюдова с Беклемишевым «имел место по всем правилам, с совершенным уравнием дуэльных случайностей и без всякого изменнического против Неклюдова с чьей-либо стороны действия».

Неблаговидная тень, «наброшенная» на Беклемишева и его секундентов, с целью заранее условленного покушения на жизнь человека, была отброшена. Однако Беклемишев был приговорен к заключению в крепости на 3 года.

ТАЙНА ФОТОГРАФИИ

Говоря о герое публикации, нельзя не остановиться на истории одной фотографии. Она была опубликована в Чите в книге Татьяны Константиновны «Губернаторы Забайкалья. 1851-1917 гг.» (Чита, 2001) с пометкой, что снимок сделан предположительно в 1857 году. Позже, в 2006 году, фотография появилась на страницах книги В.А. Абеленцева «Амурские губернаторы. 1856-1917». Надпись под ней гласит: «Чиновники из окружения Н.Н. Муравьева. Иркутск, 1857 г.». Ниже приводился список лиц, запечатленных на снимке. Все они, глав-

ным образом, являются членами Совета Главного управления Восточной Сибири (ГУВС).

Казалось бы, да, редкая старинная фотография. Она заинтересовала прежде всего тем, что на ней запечатлены два губернатора Забайкальской области – М. Корсаков и Б. Кукель. При дальнейшем изучении персон, изображенных на фотографии, появились сомнения в ее датировке. Дело в том, что автору этих строк пришлось однажды прочесть (источник, к сожалению, не был отмечен), что состав Совета ГУВС в 1859 году претерпел изменения: с шести чиновников увеличился до десяти. А на фото членов Совета – семеро.

Все бы осталось как есть. Но при поиске материалов о Федоре Беклемишеве пришлось обратиться к журналу «Земля Иркутская», в котором нашлись некоторые сведения о нем, а главным образом о ранее заинтересовавшей меня фотографии. Оказывается, иркутские краеведы еще с 1995 года вели кропотливую работу по изучению этой фотографии из фондов краеведческого музея. Она у них датировалась 1856 годом. В конце концов, идентифицировав личности по времени назначения, мундирам и орденам, исследовав нахождение в Иркутске Забайкальского губернатора М. Корсакова в одно время с Муравьевым, они пришли к выводу, что фотография была сделана в январе 1861 года. Это было самое подходящее время для снимка на память – граф Муравьев-Амурский собирался уезжать в столицу, а его преемник – Корсаков ожидал назначения на пост генерал-губернатора Восточной Сибири. Очерк об этой фотографии опубликован в 1997 году в журнале «Земля Иркутская» № 8. Она так и называется: «Прощальное фото графа Н.Н. Муравьева-Амурского».

Но самым главным для нашей статьи является то, что наш незадачливый исправник Федор Беклемишев как член Совета ГУВС не попал в историю прощания с Муравьевым. Автор указанного очерка Р. Брюховецкий сообщает, что «Ф.А. Беклемишев был назначен членом Совета ГУВС, управляющим IV отделением, после Извольского, 17 июля 1858 г. 16 апре-

ля 1859 г. состоялась знаменитая дуэль». В это время, благодаря ходатайствам Муравьева, он уже был освобожден. С 3 лет заключения срок ему был сокращен до 1 года.

В дальнейшем Беклемишев вновь сделал стремительную карьеру. Он был

сначала саратовским вице-губернатором (1862), в 1864 году назначен харьковским вице-губернатором. В 1865 году был произведен в действительные статские советники, длительное время исправлял должность губернатора. Камергер Двора Е.И.В. с 1 января 1868 года.

Ф.Ф. Болонев «Старообрядцы Забайкалья в XVIII-XX вв.», Новосибирск: АОЗТ. Изд-во «Февраль», 1994. 148 с.: ил. Библиогр.

Н.П. Матханова, «Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века», Новосибирск, 2002.

Н.П. Матханова, кандидат исторических наук «Служить бы рад...», «Родина» № 5, 2000 г.

М.И. Пыляева «Знаменитые дуэли в России», С. -Петербург, изд. А.С. Суворина, 1898.

Александр Баринов, кандидат исторических наук
(Чита)

ПЕРВЫЙ ГЕОПОЛИТИК ЗАБАЙКАЛЬЯ

ОН БЫЛ ПЕРВЫМ ИСТОРИКОМ ЗАБАЙКАЛЬЯ. ОН ПЕРВЫМ НАЗВАЛ НАШ РЕГИОН «ЗАБАЙКАЛЬСКИМ КРАЕМ». ОН ПЕРВЫМ ОБРАТИЛ ВНИМАНИЕ НА ТО, КАК ФОРМИРОВАЛАСЬ ЕГО ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКАЯ РОЛЬ. ОН ПЕРВЫМ ДАЛ ВЫСОКУЮ ОЦЕНКУ «НАКАЗАМ» ПЕТРА ВЕЛИКОГО, ДАННЫМ РУКОВОДИТЕЛЯМ НАШЕГО КРАЯ. РЕЧЬ ИДЕТ О ГЕНЕРАЛ-МАЙОРЕ ВЛАДИМИРЕ КОНСТАНТИНОВИЧЕ АНДРИЕВИЧЕ.

ОН НЕ БЫЛ ЗАБЫТ, НО...

Безусловно, нельзя сказать, что имя этого человека было вычеркнуто из истории Забайкалья или просто замалчивалось. Нет. Владимиру Константиновичу (Калистратовичу) Андриевичу повезло больше, чем многим его современникам.

Во-первых, он попал в составленный знаменитым забайкальским краеведом Е.Д. Петряевым биобиблиографический указатель «Краеведы и литераторы Забайкалья. Дореволюционный период», изданный в Чите в 1981 году. Во-вторых, в год, когда В. Андриевичу исполнилось 150 лет со дня рождения, другой известный краевед и библиофил Ирина Куренная опубликовала о нем два материала – статью «Оценят по достоинству» в газете «Забайкальский рабочий» и материал в «Библиографическом указателе знаменательных и памятных дат Читинской области на 1988 год». Наконец, в-третьих, в 2004 году во II томе «Энциклопедии Забайкалья» его краткую биографическую справку написала архивист Ирина Куриленко.

Теперь несколько слов о его главной работе – книге «Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времен до 1762 г.». Ей, в отличие от автора, везенья почти не досталось. Ее экземпляр хранится в Забайкальской краевой библиотеке им. А.С. Пушкина, но, во-первых, это ксерокопированная копия, во-вторых, весьма плохого ка-

чества. Может, именно поэтому часть приведенных в ней данных до сих пор и не введена в современный научный оборот. При этом этот труд можно сме-

Ген. шт. ген.-майоръ
В. К. Андриевичъ.

ло называть не только первым историческим, но и первым геополитическим трудом о Забайкалье. А два тома его «Истории Сибири», к примеру, сегодня можно купить через Интернет за... 15

тысяч рублей. Так что и эти работы доступны далеко не всем.

БЫЛО С ЧЕМ СРАВНИТЬ

До того, как попасть в Забайкалье, Владимиру Андриевичу довелось побывать во многих местах.

Родился он 14 сентября 1838 года в городке Моздок. Рано лишившись родителей, Володя воспитывался в Императорском Александровском (Царскосельском) сиротском и в Первом кадетском корпусе. В 1857 году 19-летний подпоручик был направлен в 1-й гренадерский саперный батальон. Там он приготовился к поступлению в Академию Генерального штаба. По окончании Академии возвратился обратно в батальон, где пробыл, однако, недолго и с 1865 года служил в Генеральном штабе. Вероятно, именно тогда ему привили опыт и интерес к аналитической работе, которая и пригодились годы спустя в Забайкалье.

В 1871 году В. Андриевич был произведен в подполковники и назначен командиром батальона в 129-м пехотном Бессарабском полку. В 1874 году получил чин полковника и был определен начальником штаба 3-й кавалерийской дивизии. Казалось, военная карьера складывается удачно. Но для него это было не главным. И в 1876 году, увлекшись славянским движением, В. Андриевич уехал добровольцем в Сербию. Возможно, добираться пришлось через Италию. Сербия в тот год вместе с Черногорией ввязалась в войну с Османской империей, вступившись за восставших славян Боснии и Герцеговины. Там полковник В. Андриевич поступил в Дринскую армию генерала Алимпича, сражался храбро и в бою у Устья получил контузию. В тот год Россия вступилась за балканских союзников, Турция с трудом, но пошла на подписание мирного договора. Однако война между двумя империями стала неизбежна. Началась она в 1877 году.

Владимир Константинович, как он стал себя именовать, в тот момент отдыхал в должности начальника штаба 41-й пехотной дивизии и Нижне-Дунайского отряда, предназначавшегося для обороны Одессы. Во время войны это его не

устраивало. В конце концов его направили сражаться с турками, правда, на Кавказ. Здесь он вошел в состав отряда генерала Алхазова «не имея определенного назначения». Можно только гадать, в каких операциях он с его опытом участвовал. Затем его назначили командиром 77-го пехотного Тенгинского полка. Знаменательным стал 1881 год – В. Андриевича произвели в генерал-майоры, наградили очередным орденом и отправили в... Сибирь, точнее, в Забайкалье.

ЗНАТЬ ВСЕ ОБ ЭТОМ КРАЕ

В этом регионе он занял должность начальника штаба войск Забайкальской области. Главным его занятием стало руководство проведением переписи казаков Забайкальского казачьего войска и систематизацией собранных данных. Напечатанные в 1883–1885 гг. четыре выпуска «Материалов для статистики населения в Забайкальском казачьем войске» послужили началом целого ряда его исторических работ.

«Приступив к изданию материалов, извлеченных из данных, доставленных переписью Забайкальского казачьего войска, я желал предпослать изданию краткий исторический очерк забайкальских казаков, – писал позже Владимир Константинович. – Выполнить это желание не представилось однако возможности по совершенному отсутствию в Забайкалье каких-либо источников, касающихся прошлого войска. Изложенное обстоятельство побудило меня вместо предполагаемого очерка заняться сбором материалов для истории Забайкальского казачьего войска. А как деятельность забайкальских казаков тесно связана с гражданским устройством и колонизацией Забайкальского края, то настоящее пособие для составления истории забайкальских казаков, по необходимости, должно включить в себя данные, пригодные для написания истории Забайкальского края».

Проанализировав то, как Забайкалье жило, начиная со времени царя Алексея Михайловича и завершая временем Императрицы Елизаветы Петровны, Владимир Константинович пришел к весьма интересному выводу: «Забайка-

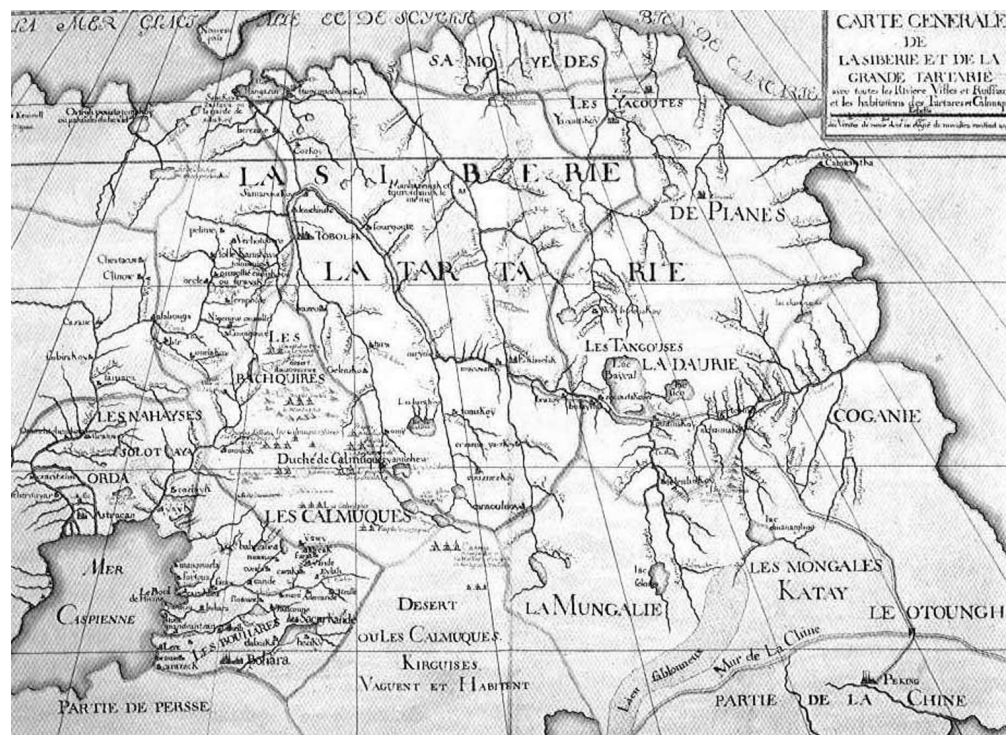
лье, величающееся сибирской Италией, нуждается не в таких щедрых денежных затратах, которые расходуются на амурские земли, в чаянии будущих благ; – оно нуждается в установлении администрации, которая бы соответствовала настоящему экономическому положению края; нуждается только в некотором внимании к нуждам края; чувствует необходимость в прекращении действия в оном областного положения и, обладая более чем полумиллионным населением, оно имеет больше права, чем Иркутская губерния, пользоваться губернскими учреждениями».

С определенной корректировкой эта оценка весьма актуальна и сегодня.

дом, в котором автор анализировал ту геостратегическую роль, которую край играл в 17-м и 18-м веках.

О «НАКАЗАХ» ПЕТРА ВЕЛИКОГО

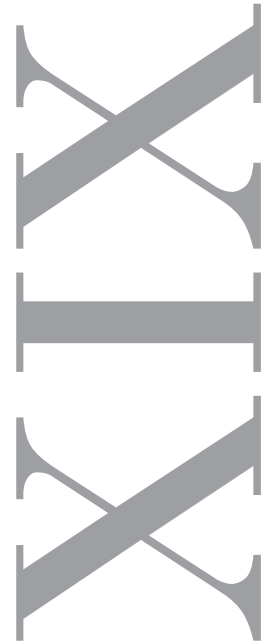
Владимир Андриевич был первым и на сегодня все еще единственным автором, давшим очень верную оценку документам, подготовленным для края Петром Великим, особенно его первому «Наказу нерчинским воеводам», подписанному 315 лет назад. В.К. Андриевич назвал его первым систематическим положением «правительственного руководства к управлению землями, лежащими за Байкалом».

В 1887 году он выпустил свой знаменитый «Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времен до 1762 г.», ставший первой исторической работой о Забайкалье, изданной человеком, здесь прожившим несколько лет.

Более того, эту работу можно смело назвать первым геополитическим тру-

Этот наказ, как и документы, направленные в Даурию Петром I, никогда не были под запретом и сегодня хранятся во многих библиотеках и архивах в томах документов, изданных до 1917 года. Но, однако, по какой-то не совсем понятной причине они до сего дня не были удостоены должного внимания со стороны историков.

«Поглощенный заботами о приготовлениях к походу на Азов, Петр не забывал Забайкалье и деятельно занялся составлением наказа нерчинским воеводам, которым определен круг их обязанностей как по гражданскому, так и по военному управлению краем, – писал Владимир Константинович. – Наказ этот объявлен 18 февраля 1696 года, то есть, вслед за указом о выступлении войск в поход, состоявшимся 6 февраля того же года... Из этого наказа легко усмотреть, что в данную эпоху, то есть через 40 лет от появления в Забайкалье первого воеводы, край этот приобрел уже некоторую долю гражданского устройства; мог существовать самостоятельно, содержать войска, администрацию; приносил доход правительству; земли в нем приобрели известную ценность...».

Петр Великий, кажется, предусмотрел буквально все. И как руководить людьми служивыми, и как поступать с гражданским населением, как обращаться с коренным (тогда его именовали иноземным) населением, как беречь границу и выстраивать отношения с великим южным соседом – Китаем. Петр I подчеркнул, что «на китайских людей, без указа Великого Государя ему воеводе войною не ходить и никого не посылать».

Актуально звучат и «наказы» о правильной организации административной работы:

– «Чинить суд и расправу безволочно вправду».

– Воспрещено увеличивать денежный и хлебный оклад служилым людям;

годовой отчет об окладах представлять в Москву и без указа Великого Государя и грамот из Сибирского приказа в дети боярские и в пятидесятники никого не верстать и окладов не чинить.

– Предписано наблюдать, чтобы служилые люди в даурах «на службе живучи не воровали, зерною и в карты не играли, и не бражничали, и табаку и иноземного кумысу не пили и Великого Государя жалованье не проживали и не проигрывали, и драки бы у них и разбоя и душегубства меж себя никакого воровства нигде не было, и всяким иноземцам в Нерчинских острогах и ходя по ясакам утеснения и обид никаких не чинили».

Даже этот небольшой перечень говорит о многом. А вот Петр этим не ограничился, и после того, как вернулся из заграничной учебы, направил нерчинским воеводам еще один «Наказ». Это было уже в новом веке – в 1701 году.

В 1884 В.К. Андриевича перевели в Иркутск губернским воинским начальником. В 1886 году его направили в Красноярск, затем в 1888 году назначили комендантом Очаковской крепости, а в 1890 отправили в отставку. Не стало его 2 января 1897 года.

Ни петровы «наказы», ни книга В. Андриевича своей актуальности не потеряли до сих пор. Если что и потеряно, так это связь с читателями. Но эта проблема вполне может быть решена. Тем более, что это может вернее сформулировать новую геостратегическую роль Забайкалья в современной России.

Виктор Петров

ЖЕЛТУГИНСКАЯ РЕСПУБЛИКА (Амурская Калифорния)

КОНЕЦ 19-ГО СТОЛЕТИЯ БЫЛ, ВЕРОЯТНО, ОДНИМ ИЗ САМЫХ УВЛЕКАТЕЛЬНЫХ ПЕРИОДОВ В ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ И РУССКОГО ДАЛЬНОГО ВОСТОКА. ВЕЛИКИЙ СИБИРСКИЙ ПУТЬ, КОТОРОМУ ПРЕДСТОЯЛО СВЯЗАТЬ ЭТИ САМЫЕ ОТДАЛЕННЫЕ РАЙОНЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ С МЕТРОПОЛИЕЙ, ЕЩЕ НЕ БЫЛ ПОСТРОЕН.

По всем уголкам необъятной, таежной Восточной Сибири, Приамурья и Приморья появились искатели золота – небольшими группами или одиночками. И, конечно, как лесной пожар, разносились слухи о сказочных находках богатых золотоносных россыпей и самородков невероятной величины. Нет сомнения в том, что золото находили везде – и в песчаных отмелях мощных притоков Амура: Зее и Бурее, и в далеком величавом Алдане – везде. Все эти, вновь обнаруженные золотоносные места, естественно, привлекали многочисленных искателей золота и не только голытьбы: бывших каторжан, отбывших свои сроки, и беглых с каторги, но и людей, которых можно просто назвать искателями приключений. Все эти сотни и тысячи людей приобретали лопаты и мотыги, забирали провизию и, один за другим, исчезали в темной, дремучей тайге.

И в это время, летом 1883 года, по всему Приамурью и Забайкалью распространились слухи о найденных сказочных россыпях золота в соседней Маньчжурии, на небольшой речке, которая у местных инородцев носила название «Желта». Первые русские золотоискатели, попавшие на эту речку, дали ей название «Желтуга», более подходившее для русского уха.

К концу лета законтрактованные рабочие восточно-сибирских приисков заканчивали свою работу с приближе-

нием зимы. Многие из них бросились в город Благовещенск, где к осени они переполнили все гостиницы, трактиры и постоялые дворы. Начался массовый исход этих рабочих через Амур в Маньчжурию, на Желту, где, как они слыша-

ли, «золото гребут лопатами». Переход на другую сторону Амура, служившего границей между русскими и китайскими владениями, больших затруднений не представлял – граница была открыта и никем не охранялась. Только кое-где, по небольшим поселкам и станицам, стояли небольшие военные посты.

Многие рабочие, уже получившие задатки для работы на сибирских золотых приисках, не вытерпели и тоже бежали за Амур. В Желтуге в короткий срок скопилось большое сборище самых разнообразных людей – рабочих приисков, каторжан, бежавших с Карийских приисков, много ссыльных и вообще всякого сорта авантюристов. Там основался довольно большой поселок, жители которого, не признававшие никакой администрации, во многом напоминали вольницу знаменитой Запорожской Сечи. В самое короткое время, на этих новооткрытых Желтугинских приисках было уже до семи тысяч искателей золота, среди которых оказалось и несколько сот китайцев и корейцев, которых тоже привлекли туда слухи о богатых залежах золота.

По некоторым источникам, года через полтора после обнаружения золота на Желтуге, там уже скопилось до 15 тысяч человек. Это было необыкновенное скопление вольницы, никого и ничего не признававшей и, как и следовало ожидать, началась вакханалия преступлений, грабежей и убийств. Нечему было и нечем остановить эту волну преступлений. Для самозащиты люди стали объединяться в артели, члены которых не только искали золото, но и старались оказывать друг другу поддержку и защиту.

Непомерно раздувшийся и разросшийся поселок вначале получил громкое название, подобное названиям сибирских приисков. Рабочие называли свой поселок и прииски именем «Администрация Желтугинских золотых приисков», но это длинное и неудобопроизносимое название вскоре было забыто и вольница стала называть поселок и прииски, окружающие его, «Желтугинской республикой». В памяти многих искателей золота все еще были живы рассказы бывалых людей, слышавших о «Золотой горячке» или «Золотой лихорадке» в Ка-

лифорнии незадолго до этого, сманившей туда тысячи людей со всей Америки. Постепенно и они стали называть свою новоиспеченную республику «Амурской Калифорнией».

Желтугинские золотые прииски, открытые в Северной Маньчжурии, недалеко от русского Приамурья в 1883 году, стали известными не только богатством золота, добытого на них, но и необычным образом жизни искателей золота, массами, нахлынувшими в новую колонию, основавшими, как было сказано выше, новую «Сечь», в некотором отношении напоминавшую «Запорожскую Сечь» Тараса Бульбы.

же, а за бутылку шипучей воды разбогатевшие золотоискатели часто платили 12 рублей. Так же непомерно поднялась цена за пуд сухарей, за которые платили 12 рублей, а позже и 16 рублей.

Нет ничего удивительного в том, что эти вздутые цены привлекли внимание многих торговцев, которые хлынули в Желтугу из Забайкалья и Приамурья. В самое короткое время в Желтугинском поселке появилось не менее 150 лавок, в которых можно было приобрести все необходимое по вздутым ценам. Во многом этот новый поселок с его золотоискателями, свободной жизнью, полным отсутствием власти, законности и

Желтугинский поселок непомерно разросся в самый короткий срок настолько, что в нем стал ощущаться недостаток в пищевых продуктах. Цены на самые необходимые продукты стали быстро расти, и уже в первый год существования Желтуги фунт хлеба, который продавался в Благовещенске за 10 копеек, стоил в Желтуге 40 копеек. Некоторые вещи, необходимые для рабочих, такие, как лопаты, кирки и топоры, можно было достать только за баснословную цену. Так, простая лопата стоила на рынке 10 рублей, топор стоил столько

порядка, жадной быстрой наживы любыми средствами, напоминал подобные же «новоиспеченные» поселки в новооткрытых территориях американского «Дикого Запада». Так же, как и в Америке, люди стремились быстро разбогатеть, одни – поисками золота, другие – более верным способом, открытием лавок, гостиниц, бань и даже банков.

В самое короткое время в центре поселка появился ряд гостиниц, носящих такие громкие названия, как «Марсель», «Беседа» и, конечно, «Калифорния». У всех этих людей, жителей

Желтуги, было какое-то теплое чувство к американской Калифорнии. Может быть, они чувствовали и понимали какую-то общность в своих интересах и желаниях, которые связывали их с далекой Калифорнией и ее знаменитыми «золотыми лихорадками».

Кроме гостиниц в поселке появились две бани, из которых одна была общая, а другая – номерная для клиентов побогаче. Как и следовало ожидать, немедленно же, как грибы, выросли игорные дома, в которых процветала рулетка и другие виды игр – где крупные состояния меняли руки в течение нескольких часов. Игорные дома были поставлены на широкую ногу, с буфетами, в которых можно было найти самую изысканную пищу. В некоторых из таких заведений даже были оркестры.

Ко времени расцвета Желтугинской республики, по сообщениям сибирских газет того времени, там появился зверинец, а также группа жонглеров, фокусников, цирковых гимнастов и несколько наездников, все это на основе жадности быстро разбогатеть.

Не прошло много времени, как слава о новом сказочном поселке распространилась по всей Сибири, и в Желтугу устремились люди со всех концов необъятной Сибири. И самым удивительным было то, что все эти люди, поселившиеся в Желтуге, отрицавшие любую форму законности и признававшие только беззаконие, в конце концов вынуждены были создать общество на основе необычайно суровых порядков, ввели право и законность для того, чтобы защитить и сохранить свою необыкновенную и, можно сказать, экзотическую республику.

По сообщениям газеты «Сибирь», в Желтуге к концу 1885 года уже находилось не менее 12.000 русских и, вероятно, около 500 китайцев. Вскоре число их увеличилось до 15 тысяч.

Большинство жителей этой необыкновенной республики селилось и строилось по обеим сторонам одной большой, широкой улицы. Жили они в очень непритязательных зимовьях, которые были ничем иным, как самыми примитивными, простыми срубами из бревен, с небольшими окнами и дверя-

ми. Для сохранения тепла зимой, срубы конопатились мхом, а на крыши, тоже построенные из массивных бревен, насыпалась земля. Полы в таких жилищах большей частью были земляные. В очень редких случаях можно было найти в зимовьях бревенчатый пол. Очевидно нетерпеливым золотоискателям не терпелось, хотелось скорее бежать на прииски, искать золото, и им не хотелось тратить времени на настилку полов – благо были стены и крыша, защищавшие их от непогоды и суровых зимних, тридцати и сорокаградусных морозов. Для отопления жилищ, в морозные дни, пользовались иногда железными печами, но чаще устанавливались типичные русские глинобитные печи.

О том, насколько селение расстроилось и разрослось, можно судить по тому, что в нем находилось не менее 400 жилищ. Специалисты-плотники «рубил» такую избу для золотоискателей в очень короткий срок. Зарабатывали они за постройку такой избы, в среднем, до 200 рублей за каждую.

Поселок Желтуга имел свой собственный колорит. Построен он был, вероятно, по способу многих сибирских сел и деревень, с одной единственной

улицей, вдоль которой тянулись зимовья в два ряда. Новоприбывшие поселенцы строили свои новые жилища в конце улицы. Название улицы – Миллионная – как нельзя лучше подходило к ней, потому что на этой улице, в ее игорных домах, магазинах и гостиницах, крупные состояния переходили из рук в руки. Многие люди богатели, но еще большее число людей разорялось, бесшабашно тратило золото в попойках, гулянках и в рулетной игре.

Самым необыкновенным было то, что эта республика, которую многие называли «Амурской Калифорнией», возникла и существовала на китайской земле, хотя в большинстве жители поселка были русские. Китайская колония там была немногочисленной.

Центром Желтуги была довольно обширная площадь, на которой происходили важные сборища, где решались судьбы колонии и ее жителей. Площадь носила название «Орлиного» или «Орлового» поля, главным образом потому, что на ней ежедневно свободные от работы люди играли в популярную «орлянку».

Вокруг площади стояли здания получше и крепче жилищ золотоискателей. В этих зданиях были гостиницы,

бани и игорные дома. Здесь был центр активной деятельности колонии. В самом центре площади стояло длинное здание казарменного типа, над входом в которое висела вывеска с довольно громким названием, оповещающим всех, что здесь находилось «Управление Желтугинскими приисками».

Перед зданием управления стояло деревянное возвышение, нечто вроде лобного места, рядом с которым на столбе висел большой двухпудовый колокол. По обеим сторонам возвышения стояли две чугунные пушки, а перед ними небольшая пирамида ядер.

Самым интересным на площади было то, что там же, рядом со зданием управления, был построен молитвенный дом, который казался каким-то анахронизмом в этой колонии, состоявшей главным образом из беглых каторжан. У этих людей, у которых возможно и рука не дрогнула бы убить человека, как видно сохранилась религиозная искорка, и они нашли возможным построить для себя молитвенный дом, в котором находили утешение и моральную поддержку многие из беглых преступников.

Для выполнения духовных нужд жителей поселка, при молитвенном доме

находился чтец, сам беглый каторжник, в прошлом недоучившийся семинарист. Над входом в молитвенный дом очень аккуратно была выведена надпись, которую в те времена можно было найти над воротами каторжных тюрем на Каре в Сибири. Надпись гласила: «Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы».

из трех блюд. Содержание больного в больнице обходилось в пять рублей в сутки. Принимались в больницу только серьезные больные, такие, как больные тифом или цингой.

Жило население Желтуги и работало группами или артелями. В каждой артели было от десяти до 15 человек и к зиме 1884 года число артелей в республике

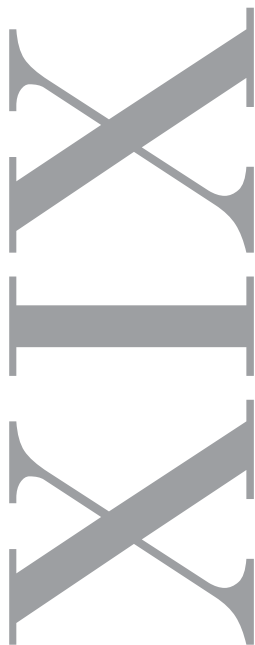
Золото лилось рекой из рук золотоискателей, как и можно было ожидать, в руки предприимчивых и ловких китайских покупателей. Желтуга богатели. Условия жизни настолько улучшились, что в поселке даже была построена больница в четыре палаты. По описаниям в прессе того времени, в первой самой большой палате находилось 15 коек с мягкими войлочными подстилками и, что особенно поразительно, на постелях были чистые, белые простыни, подушки, набитые соломой, и байковые одеяла. В другой палате была аптека. В третьей – было амбулаторное отделение для приходящих больных и, наконец, в последней, четвертой палате помещалась больничная прислуга и находилась кухня.

Больные, принятые в больницу, лечились там на общественный счет и находились на полном коште. Им подавался утренний и вечерний чай, завтрак и обед

превышало 700. Жить там было небезопасно, особенно в начале существования Желтуги. Воровство было заурядным явлением, нередко происходили грабежи, всякого рода насилия и даже убийства.

Преступления достигли кульминационной стадии, когда в Желтуге произошло зверское убийство повара артели каторжан, бежавших с Карской каторги в декабре 1884 года.

Несмотря на то, что условия жизни в колонии были чрезвычайно грубыми, и почти все ее обитатели имели преступное прошлое, так что их было трудно удивить убийством, но убийство повара поразило всех своим исключительным зверством. Нужно было принимать какие-то меры к тому, чтобы подобные преступления не повторялись. Появилась необходимость ввести какой-то порядок и прекратить преступления.

Начались бесчисленные сходки и совещания, на которых обсуждались и предлагались различные способы и меры прекращения преступлений. Шесть дней прошло в этих многочисленных обсуждениях, и, в конце концов, все пришли к решению, что для наведения порядка в колонии нужно избрать главу или старшину, человека с каким-то образованием, решимостью, опытом и энергией и наделить его самой неограниченной властью и заданием навести в республике порядок. Предполагалось, что этот выборный человек не будет колебаться принять самые решительные меры для подавления и прекращения преступлений.

Прежде всего весь желтугинский поселок, по числу зимовьев, был разделен на пять участков, из которых один состоял исключительно из китайцев. Из описаний Желтуги и жизни в ней современниками, можно представить себе картину, как жили, работали и развлекались желтугинцы. В каждом из участков было избрано по два старосты, которые входили в состав правления колонии, состоявшего из десяти старост и возглавлявшегося выборным старшиной.

Самым интересным было то, что в результате общих выборов, главой республики или старшиной ее оказался выбранным не русский, не китаец, как представители двух больших национальных групп в Желтуге, а австро-венгерский подданный, словак по национальности по имени Карл Карлович Фоссе (по другим сведениям его имя было Адольф Карлович Фасс). Никто ничего не знал о прошлом Карла Фоссе, да и никто не интересовался, каким образом он оказался в заброшенной Желтуге, где-то в пограничном, маньчжурско-сибирском районе. История не упоминает, каким образом этот австрийский словак оказался на берегах Амура. Можно только предполагать, что это был человек с большой авантюристической жилкой, который, вероятно, побывал в Калифорнии и, возможно, попробовал свое счастье на калифорнийских приисках, прежде чем он появился на Амуре.

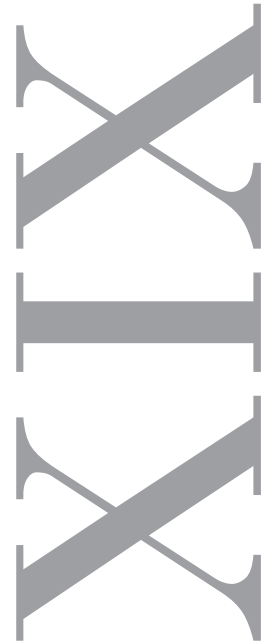
Может быть этот факт повлиял на то, что жители Желтуги решили, с выбором Фоссе главой своей общины, переиме-

новать колонию и назвать ее «Амурской Калифорнией». Выбор вольницы пал на Фоссе вероятно потому, что он значительно выделялся среди всех них своим образованием, а также и большой практической сметкой. Был он врожденным лидером – энергичным, беспощадным и, пожалуй, беспринципным, что очень ценилось в колонии, состоявшей в большинстве из буйного элемента, и вызывало к нему уважение.

Фоссе, выбранному старшиной правления «республики», было положено жалование в 400 рублей в месяц, неслыханный по тем временам заработок. По сведениям из некоторых источников, ему даже платили тысячу рублей в месяц. Крупные оклады жалования были также положены каждому из десяти старост участков. Им платили по двести рублей в месяц.

Старостам отдельных участков было дано право выносить приговоры или наказывать провинившихся за несерьезные преступления. Их приговоры не должны были превышать ста ударов кнутом.

Размеры наказания за более серьезные преступления решались уже «высшей инстанцией», то есть главой или старшиной всей республики. В этих случаях «мэр» Желтуги сам вел расследование, судил по законам республики и выносил приговор. Только в исключительных случаях самых тяжких преступлений, таких, как убийства, виновность подсудимых устанавливалась на общественных сходах, на которых также выносилось и решение о наказании. В таких случаях, когда считалось необходимым созвать общественный сход, сигналом для него служили выстрелы из обеих пушек, стоявших на центральной площади, носившей название «Орлиного поля». Самым интересным было то, что эта колония буйной вольницы, в конце концов, когда решила ввести в республике порядок, то разработала довольно сложное и весьма суровое уложение, в котором подробно описывались наказания за самые разнообразные преступления. В своей основе это уложение, или своего рода Свод Законов, в вопросах, касающихся убийств, базировалось на древнем библейском законе «око за око, зуб за зуб».

За все остальные преступления назначались различные телесные наказания в зависимости от серьезности проступка. По сведениям одного из авторов, современника Желтугинской эпопеи, «за воровство, за мужеложество и другие сверхъестественные пороки и преступления, за ношение оружия в пьяном виде, за подделку золотого песка, за выстрелы в пределах Желтуги без уважительной причины полагалось по 500 ударов терновиком, то есть кнутом, набитым гвоздями, что было равносильно смертной казни».

В начале существования Желтуги женщины туда не допускались, и поэтому в Уложении был параграф, в котором говорилось, что «за привод на прииск женщин, полагалось 400 ударов палкой». Среди других подобных мер наказания за различные преступления были такие, как за ночной шум 200 ударов палкой, за открытое пьянство – 100 розог.

Мало того, каждый наказанный в Желтуге изгонялся из колонии немедленно же, без права возвращения, и в момент изгнания, на границе, получал еще 100 добавочных ударов.

Немедленно же, с приходом к власти Карла Фоссе, постановления этого Уложения стали неукоснительно проводиться в жизнь, и на основании свидетельств современников, в Желтуге в один день было повешено тридцать человек, обвиненных в убийствах и было подвержено телесному наказанию несколько десятков человек, обвиненных в менее важных преступлениях. Эти наказания продолжались две недели, пока, наконец, «правосудие» не было удовлетворено.

Тяжелая рука «мэра» Фоссе, как видно, оказалась весьма ощутимой мерой превентивного воздействия. Преступность, как по мановению магической палочки, опустилась до минимума. Конечно, вести о наведенных в Желтуге порядках быстро распространились по Забайкалью и Приморью, и в республике стали смело появляться новые торговцы. В поселке выросло много новых торговых предприятий, и когда было разрешено женщинам жить в поселке, туда устремились и женщины самых разнообразных профессий, большей частью для работы в кафе-шантанах и игорных

притонах. Нужно, однако, отметить, что число женщин в общем было ограничено, и даже в самый расцвет этой экзотической республики женщины не превышали пяти процентов всех жителей поселка.

Источником общественного капитала желтугинцев были налоги и пошлины, которыми облагались торговые предприятия. Каждый торговец должен был вносить в «казну» республики 10 процентов стоимости своих товаров. Торговцы, торговавшие спиртными напитками, платили 25 процентов, в то время как содержатели трактиров и увеселительных заведений вносили в казну 20 процентов своей валовой ежемесячной выручки. За собранные налоги и пошлины управлением приисков выдавались официальные расписки с соответствующими печатями и подписью старшины.

Как видно, общественные суммы были немалыми, если судить по тем высоким ставкам жалованья, которые выдавались старшине республики и старостам. Мало того, при управлении находился платный казначей, заведовавший сбором пошлин и налогов. Средств колонии было достаточно для того, чтобы содержать стражу до 150 человек, которые возглавлялись старшиной охраны общественного порядка. Эти 150 стражников входили в состав трех патрулей, которым вменялось в обязанность обходить Желтугу каждую ночь. Эти же стражники исполняли обязанности пожарных.

Нет никакого сомнения в том, что Желтугинские прииски были богаты золотом. Разработка приисков велась на артельных началах, и каждый член должен был работать наравне со всеми остальными членами артели. Насколько богаты были прииски благородным металлом можно судить по тому, что в Желтуге считалось невыгодным разрабатывать яму, где на 100 пудов песка содержалось не более 5 золотников золота. В среднем каждая артель добывала в день до 15 золотников золота, но нередко были случаи, когда счастливая артель добывала и до 150 золотников золота в день. В самом же начале существования Желтуги рабочие в среднем добывали до полутора фунтов золота на каждые 100 пудов песка.

Желтугинская республика существовала недолго, и за ее короткую историю на приисках республики было добыто до 500 пудов золота. Большая часть желтугинского золота ушла в Китай, потому что китайские купцы платили за золото больше, чем русская администрация в Забайкалье или в Приамурье. В России платили по 3 рубля 60 копеек за золотник золота, а китайские торговцы скупали его по 4 рубля за золотник. Нет ничего удивительного поэтому, что большая часть золота была продана в Китай.

Как было сказано, эта республика вольницы существовала недолго. Республика, выросшая неожиданно, как болезненный нарост на теле Маньчжурии, была неприятной занозой как для Китая, так и для России. Как и во времена Албазина на Амуре за два столетия до Желтуги, это новая русская вольница на Амуре вновь оказалась предметом болезненных дипломатических трений между русским и китайским правительствами. История Желтуги, однако, оказалась мало отмеченной в анналах русско-китайских отношений, и с ее ликвидацией существование этой оригинальной колонии вольницы было предано забвению. Никакого влияния на последующие русско-китайские отношения эта колония не оказала. Тем не менее, Желтуга, как и Албазин в свое время, во время кратковременного существования колонии привлекла большое внимание обоих

государств и была предметом беспокойства китайского правительства, которое, в конце концов, вынуждено было принять меры к ликвидации колонии.

Конец Желтуги пришел глубокой, холодной зимой 1885 года, когда китайское правительство решило вписать последнюю страницу в историю существования этой колонии буйной вольницы. Были отправлены крупные китайские воинские части, которым были даны строгие инструкции снести Желтугу с лица маньчжурской территории и переловить всех «преступников», жителей приисков, как русских, так и китайцев.

В январе 1886 года «Амурская Калифорния» перестала существовать, когда китайские войска, окружившие ее, заняли территорию «республики». Все русские, захваченные там, были выданы русским властям, и беглые каторжники были быстро водворены на свои прежние места жительства. Китайцев, захваченных в Желтуге, ожидала более суровая кара. Все захваченные китайцы были казнены с величайшей жестокостью. По сведениям современников, не менее трехсот китайцев были публично обезглавлены на Орлином поле поселка. Этим актом была вписана последняя, финальная страница в историю Желтуги. Так закончилась короткая, бурная история Желтуги, этой Амурской Калифорнии, просуществовавшей всего только около трех лет.

«Амурская Калифорния», Сибирский Сборник, кн. 1, 1886 г.

А. Лебедев, «Желтугинская республика в Китае», Русское Богатство, т. 9, 1896 г. Министерство финансов, «Описание Маньчжурии», СПб. 1897, стр. 485.

М. Позднеев, «Описание Маньчжурии», СПб. т. 1, стр. 495.

В. И. Семевский, «Рабочие на сибирских золотых приисках», т. 2, СПб. 1898, стр. 914. Сибирский Сборник, 1886, т. 1, стр. 65.

(Из книги В. Петрова «Россия на Дальнем Востоке», Hermitage Publishers, Нью-Йорк, 1996 г.)

ВИКТОР ПОРФИРЬЕВИЧ ПЕТРОВ

(22 марта 1907, Харбин – 18 августа 2000, Роквилл, Мэрилэнд, США) – русско-американский писатель, историк, географ, общественный деятель. Родился в семье священника. Учился в гимназии в Благовещенске. После захвата большевиками Дальнего Востока (октябрь 1922) вернулся в Харбин.

В Харбине продолжал образование, окончил русскую гимназию и Харбинский юридический факультет. В 1930-1940 жил в Шанхае, где работал в крупной торговой фирме. Занимался также журналистской и писательской работой.

Вследствие военных действий и наступления японской армии переехал в США (1940). До 1945 служил в управлении железных дорог и писал для двух русских газет.

Продолжал образование. Бакалавр, магистр Американского университета в Вашингтоне. Защитил докторскую диссертацию, специализируясь в области международных отношений, истории и географии. Преподавал в Военно-морской школе при Колорадском университете (1945-1946), школе иностранных языков Военно-морского ведомства в Вашингтоне (1946-1965), где дослужился до звания полного профессора. Читал лекции по географии в Институте по изучению Китая и СССР при Университете Джорджа Вашингтона (1962-1967). Преподавал географию (1965-1967) в штатном колледже в Шиппенсбурге (штат Пенсильвания), университете штата Калифорния и в Университете Виктории в Британской Колумбии.

В общей сложности читал лекции в течение 35 лет. В 1967-1970 – помощник директора по программам Национального исследовательского фонда (National Science Foundation). Автор 8 книг на английском языке, посвященных промышленности СССР, Китая и Монголии, около 100 статей в научных журналах США, Великобритании, Греции, ФРГ и Японии, главным образом посвященных проблемам СССР и Китая. Имя про-

фессора Петрова впервые появилось в справочнике «Who is Who in America» в 1971 году.

Автор 27 книг на русском языке, более 300 статей в русских зарубежных газетах и журналах, посвященных преимущественно путешествиям и истории Русской Америки.

Деятельный член Конгресса русских американцев (с 1973), состоял членом Главного правления и председателем Вашингтонского отдела КРА. Представлял американцев русского происхождения в Госдепартаменте и в Белом Доме.

Татьяна Казакова
(Чита)

Несостоявшаяся реформа

ЧИТИНСКОЕ ГОРОДСКОЕ ПОЛИЦЕЙСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ БЫЛО ОБРАЗОВАНО В 1851 ГОДУ И ПОДЧИНЯЛОСЬ ЗАБАЙКАЛЬСКОМУ ОБЛАСТНОМУ ПРАВЛЕНИЮ. ГЛАВНОЙ ЕГО ЗАДАЧЕЙ БЫЛА «ОХРАНА ТИШИНЫ И СПОКОЙСТВИЯ» В ГОРОДЕ.

Читая документы, понимаешь, насколько разнообразны были обязанности полицейских. Так, например, полицмейстер Балкашин своим приказом от 18 октября 1904 года, поручает всем полицейским надзирателям, во исполнение обязательных постановлений городской Думы, привести в порядок свои участки, а именно: устроить тротуары; обязать жителей «содержать улицы в должном порядке, и не загромождать тротуары лесом, камнем и прочими строительными материалами»; обязать

домовладельцев «прикрепить над воротами дощечки с указанием фамилии домовладельца и номера дома, а на углах – название улиц»; наблюдать за порядком сушки и продажи невыделанных кож; следить за порядком в городе ночью. Все они были предупреждены, что в случае невыполнения своих обязанностей это отразится на их аттестации.

Кроме того, полиция вела учет иностранных граждан и ссыльнопоселенцев, занималась приемом, охраной и пересылкой арестованных, розыском беглых арестантов; сбором сведений и составлением ведомостей о населении города и составе его по сословиям и вероисповеданиям, о ценах на продукты первой необходимости, о численности рабочих, требуемых на заводы и промышленные предприятия; участвовала в мероприятиях по борьбе с эпидемиями и эпизоотиями; осуществляла надзор за деятельностью типографий, библиотек, домов терпимости, имевшихся в городе; вели следствие по различным делам. В 1914 году, при подготовке ко второй всеобщей переписи населения, из Министерства внутренних дел поступило циркулярное распоряжение всем полицмейстерам провести подготовительную работу: составить полные и точные списки населенных мест, распространить опросные листы и проследить за правильностью их заполнения. В городах составлялись точные списки всех «дворовых и усадебных мест по улицам и площадям», с указанием номера дома, фамилии, имени и отчества владельца. Причем в распоряжении указывалось, что «если при проведении переписи населения окажутся какие-либо неточно-

сти в списках населенных мест, то это будет рассматриваться как нерадение Ваше к службе и упущение по таковой». Такая работа по городу была проведена, и в данном фонде имеются списки жителей, проживавших в Чите в 1914 году.

Несмотря на такой объем работы, штаты городского управления, введенные в Забайкальской области в 1888 году, были небольшими. Возглавлял управление полицмейстер. В ведении полицейского управления состояли – помощник, четыре пристава, четыре помощника пристава, три столоначальника, секретарь управления. Службу в городе несли городовые: старших – 18, младших – 72 человека. Ведением следствия занималось сыскное отделение, состоящее из начальника, двух полицейских надзирателей и трех городских. Такие штаты, при значительном росте численности населения города, были явно недостаточны, а денежное довольствие полицейских «...не только не обеспечивало им надлежащего достатка, но даже лишало их возможности самого скромного существования...». Необходимы были изменения, и в 1914 году МВД приступило к разработке законопроекта о преобразованиях полиции в «пределах Азиатской России». Согласно этому проекту, все города России делились на пять разрядов и, в зависимости от того, к какому разряду отнесен город, устанавливались соответствующие штаты полиции и соответственно оклады по всем должностям. Военный губернатор поручил полицмейстеру города «...донести, какие изменения необходимо внести, в целях правильной постановки полицейского управления и сыскного отделения и к какому разряду должен быть отнесен город с городской и сыской полицией». Необходимо было дать предложения об изменении состава полиции, подкрепив их «...обоснованными на фактических данных статистическими сведениями» и составить описание города с его окраинами для отнесения его к определенному разряду. При определении разряда учитывалось: численность населения, его площадь, административное или торгово-промышленное значение; наличие железнодорожных путей сообщения; количество фабрик, заводов, численность

www.babs71.livejournal.com

рабочих, число ярмарок, число высших и средних учебных заведений, средняя годовая квартирная плата, стоимость найма прислуги в месяц, стоимость топлива и керосина, стоимость хлеба, мяса и сахара, развитие преступности – число грабежей, разбоев и дел «мировой подследственности в год». От условий несения службы в той или иной местности зависел размер содержания. К таким условиям были отнесены: состав населения, его бытовые и религиозные особенности, характер совершаемых преступлений и возможность «сокрытия следов преступлений», близость границы, многолюдность узловых центров. Основной целью реформы было повышение жалованья сотрудникам полиции и улучшение их материального положения, что позво-

Читинское полицейское управление

В функции управления входило:
обнародование в городе указов и постанов-
лений правительства;
охрана чистоты города;
надзор за строительством частных домов
«по планам и фасадам»;
участие в рациональном размещении фа-
брик и заводов;
контроль за безопасностью и исправно-
стью путей сообщения;
состояние пожарной охраны и медицин-
ской части города;
составление сведений и донесений о про-
исшествиях в городе;
производство следствия и взятие под
стражу;
надзор за состоянием тюрем;
исполнение судебных приговоров;
пересылка ссыльных в места назначения;
прием письменных и словесных жалоб
от граждан города и их решение, и многое
другое.

лило бы провести другие преобразова-
ния, и в первую очередь, пополнить ее
«новыми лицами, наиболее пригодными
для дела» и удержать в ее составе лю-
дей «уже имевших необходимый опыт и
знания». Успех же реформы зависел «с
одной стороны, от возможности предъ-
явления к личному составу повышенных
требований, а с другой – от возможно-
сти пополнения его людьми, которые
могли бы с полным сознанием важности
возлагаемых на них обязанностей нести
свою ответственную службу, не опасаясь
упреков и подозрений в недобросовест-
ном исполнении своего долга». И вторая
задача – «предотвратить расходы, кото-
рые не являются необходимыми», чтобы
избежать лишних издержек казны. В ре-
зультате работы, проведенной приста-
вами города, были составлены описания
каждой части города, а на их основании
и города в целом. В апреле 1915 года
полицмейстер представил губернатору
проект реформы Читинской полиции, к
которому прилагались предполагаемые
штаты, ведомости о росте преступности
за последние три года и описание горо-

да, который предлагалось отнести ко II разряду. В своем докладе губернатору полицмейстер объяснял это, прежде всего, экономическим ростом Читы «...вызванным проведением Забайкальской железной дороги, а так же движением на Дальний Восток и обратно войсковых масс по случаю – сначала китайского похода, а затем русско-японской войны», благодаря чему Чита в сравнительно небольшой период, 10-15 лет, из небольшого городка превратилась в довольно крупный торговый центр.

Город с населением 111612 человек, не считая большого количества войск, здесь расквартированных, занимал площадь в 88 квадратных верст и находился при «слиянии двух рек – Читы и Ингоды» и на линии Забайкальской железной дороги. Климат «крайне резкий, сухой и суровый». В городе было 38 промышленных предприятий, на который работало до 2000 рабочих. Проживавшие в городе китайцы занимались в основном огородничеством. В городе работали пять отделений банков, издавалось 3 газеты, действовало 14 просветительных и 9 благотворительных обществ, несколько типографий и литографий, 9 средних и 42 низших учебных заведения, театр, цирк, 4 кинематографа, 5 клубов, 4 гостиницы, 9 помещений, занятых меблированными комнатами и 23 постоянных двора. Кроме того, «в городе постоянно располагались: 2 стрелковых полка, стрелковая артиллерийская бригада, тяжелый артиллерийский дивизион, две казачьих льготных батареи, один казачий полк, штаб 2-го армейского корпуса, штаб стрелковой дивизии и многие другие, незначительные по численности воинские части и управления, расквартированные казарменно. Здесь же находилось управление Воинского начальника. Почти все они в 1915 г. находились на театре военных действий». Под надзором полиции состояло в 1911г. – 85, в 1912 г. – 127, в 1913 г. – 116 человек. Военнопленных было: немцев – 3936 человек, из них офицеров – 63; австрийских подданных – 9398 человек, офицеров – 364; турецких подданных – 210, офицеров – 27.

Средний заработок рабочего – около 2-х рублей в день. Квартирная плата составляла от 350 до 900 рублей и зави-

села от количества комнат и от района. Свободных квартир в городе было очень мало. Большой недостаток ощущался и в прислуге, поэтому мужчины получали от 25 до 40 рублей, женщины 25-30 рублей в месяц. Стоимость погонной сажени дров, а это был преимущественный вид топлива – от 5руб. до 7 рублей 50 копеек, пуд керосина – 3рубля 30 копеек. Очень дорогим было носильное платье и белье.

Характеризуя работу полиции, полицмейстер писал: «...развитие преступности, в общем, велико и весьма трудно поддается пресечению за недостаточностью штата полиции и перегрузкою его канцелярскою работою. Город окружен лесами и горами, дающему преступному люду прекрасное убежище на первых порах преследования. Чита – магнит для ссыльного, порочно-го элемента, наводняющего область. Борьба полиции с этим элементом крайне тяжела, причиняет массу хлопот. Много забот приносят властям так же китайские подданные, благодаря близости китайской границы, начинающие положительно наводнять область. Это такой элемент, борьба с которым при существующей регистрации их, паспорта без фотографий, почти невозможна. Будучи по обличью похожи друг на друга, обладая большою солидарностью, китайцы, при совершении ими преступления, если не застигнуты с поличным, – почти всегда неуловимы». Полицией было поставлено на учет китайских подданных в 1911 г. – 1086, в 1912 г. – 1391, в 1913

XX

г. – 1412 человек. Самый большой процент преступлений, «выдающихся по своей жестокости», были совершены китайскими подданными. Самыми распространенными преступлениями являлись убийства, разбои, кражи и грабежи. За 1911-1913 годы статистика следующая; убийств – 66, разбоев – 30, грабежей – 87 и краж – 829. Предлагая проект новых штатов, полицмейстер отмечал, что «... хотя г. Читу по справедливости следует считать во втором разряде, но оклады содержания чинам исчислены применительно к первому разряду городов европейской России, ввиду особой дороговизны жизни и крайне неблагоприятных климатических условий жизни в Чите». Всего проектируемый штат полиции был увеличен до 368 человек. Впервые была предусмотрена конная полиция в

www.plashch-kostjum.ru

www.oldmos.ru

количестве 25 человек «ввиду большой разбросанности города», должность фотографа, рассыльных, агентов сыскного отдела, бухгалтера, заведующего адресным столом, письмоводителей приставов. В своем докладе Иркутскому генерал-губернатору от 27 августа 1915 года, по вопросу реформирования полиции в Забайкальской области, Военный губернатор генерал-лейтенант А.И. Кияшко писал: «...вопрос о преобразовании полиции в Забайкальской области достаточно назрел, и преобразование ее является не только желательным, но и необходимым. Для правильной постановки полицейского дела в Забайкальской области нужна коренная ломка существующих ныне штатов с полной заменой их новыми, что представляет единственный способ создать кадр полиции в духе современных требований

и соответственно уравнивать служебное и обеспечить материальное положение чинов ее. Частичные же изменения и дополнения не приведут к желательным результатам» (ф.19, оп.1, д.393, л.54). Судя по документам, новые штаты утверждены не были. Как сообщалось в письме Министерства внутренних дел от 22 сентября 1915 года «...ввиду военных обстоятельств и вызванных ими затруднений государственного казначейства, производством приостановлены и не могут быть вновь возбуждаемы, впредь до окончания войны». Министерство указало, что «с объявлением войны

большое число мужского населения поступило в ряды войск, прекращена торговля спиртными напитками, не стало пьянства. Все это, укрепив нравственные и патриотические чувства населения, повлияло на сокращение преступности, и посему нет необходимости в укреплении чинов полиции».

В 1917 году, на основании постановления Временного правительства об упразднении Департамента полиции от 10.03.1917 г. Читинское полицейское управление было ликвидировано. На смену полиции пришла милиция.

Олег Черенщиков, кандидат исторических наук
(Сретенск)

КОКУЙ – родина Амурской военной флотилии

Со времени известных «муравьевских сплавов» и урегулирования пограничных отношений с Китаем обстановка в дальневосточном регионе страны до конца 19 века оставалась относительно спокойной.

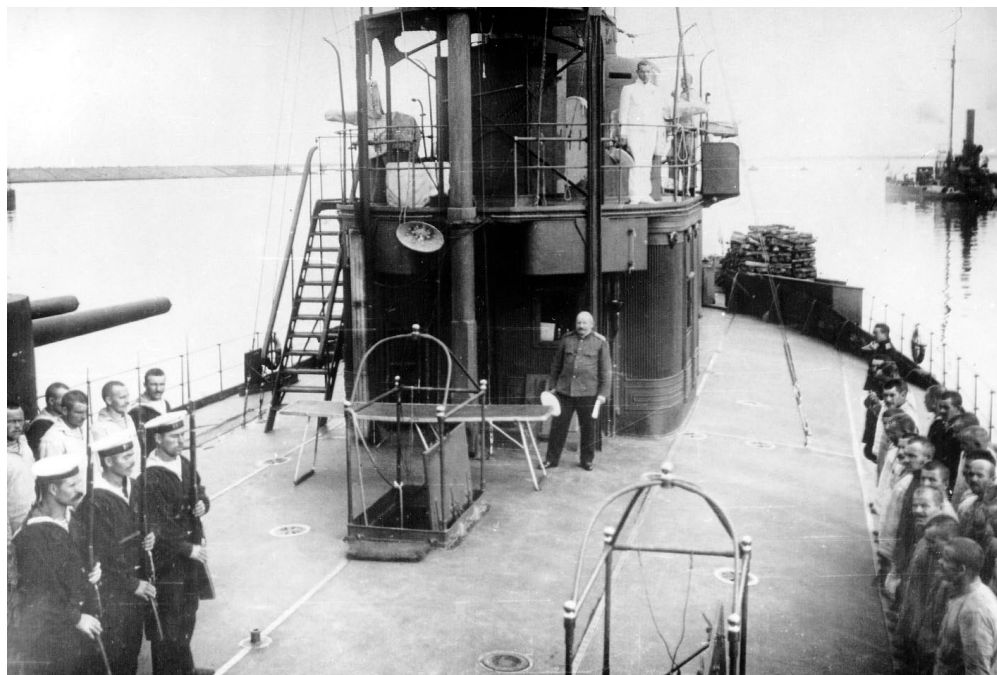
Вновь присоединенные земли по левобережью Амура и в Приморье активно осваивались русскими колонистами. К сожалению, последующее столетие почти целиком прошло под знаком эскалации напряженности по всему периметру дальневосточной границы России. Ее линия проходила целиком по рекам Амурского бассейна (Аргунь – Амур – Уссури). Эта своеобразная «дуга напряженности» периодически накалялась, прежде всего, проявлением агрессив-

ной политики стоящих у власти режимов сопредельных стран: Китая и Японии.

В 1900 году пограничная ситуация резко обострилась в связи с охватившим Китай «боксерским восстанием». У России в Северо-Восточном Китае (Маньчжурия) были свои экономические и политические интересы, и игнорировать данные обстоятельства руководство страны не могло. На территории Китая строилась КВЖД, активно развивался товарооборот по р. Сунгари. К тому же, шайки «хунхузов» постоянно держали в напряжении русские пограничные селения, а затем возникла и прямая угроза существования самой КВЖД, часть которой повстанцами была разобрана.

Строительство
канонерской лодки
типа «Вогул» в Кокуе,
1908 год

На палубе одной из башенных канонерок Амурской флотилии. Из собрания Н.Н. Афолина и архива редакции журнала «Судостроение»

Под вероятным ударом «хунхузов» оказался даже пограничный Благовещенск, который в начале июля был обстрелян с сопредельной стороны. Россия ввела в Китай экспедиционный корпус, основу которого составляли казаки и регулярные войска, расквартированные в Забайкалье, Приамурье и Приморье.

Несколько ранее, в начале 1897 года, по инициативе Приамурского генерал-губернатора С. Духовского была создана Амуро-Уссурийская казачья флотилия с главной базой в Имане. Она состояла из пароходов: «Атаман» (флагман) и «Казак Уссурийский», парового катера «Дозорный» и двух барж: «Лена» и «Булава». Экипажи этих судов, в основном, состояли из местных стрелковых казаков, знакомых с речным делом. Первым командиром эскадры стал легендарный Д.А. Лухманов, штурман дальнего плавания, впоследствии – Герой Социалистического труда, ученый и писатель-маринист. Сама флотилия находилась в оперативном подчинении командующего Приамурским военным округом. Ее суда несли патрульную службу, осуществляли перевозку грузов и пассажиров вплоть до 1917 года.

В 1900 году, во время «боксерского восстания», амурские гражданские пароходы «Селенга», «Сунгари», «Газимур», «Амазар» и «Хилок» в спешном порядке стали переоборудоваться в боевые корабли с полевыми орудиями и пулеметами, оснащаться командами стрелков и артиллеристов. Естественно, что подобные суда не могли справляться в полной мере с поставленными задачами того времени. Плюс ко всему флотилия могла лишь отчасти контролировать течение Уссури и незначительный участок Амура. Для переброски одной из групп русской армии из Сретенска в Благовещенск пришлось даже «реквизировать» частные пароходы. Тем не менее, довольно успешные действия Амуро-Уссурийской флотилии на Сунгари в ходе китайской кампании лишний раз доказали острую необходимость содержания мобильной речной группировки на Дальнем Востоке.

В связи с этим в 1903 году Совет Государственной обороны Российской империи принимает принципиальное решение о создании постоянной военной флотилии на Амуре. В основу утвержденного плана легла идея создания

подвижной обороны границы по Амуру и его устью исключительно силами речных кораблей. Работы по строительству, вооружению и комплектованию нового оперативного объединения были возложены на «Особый комитет по организации Амурской флотилии». Организационно и технически реализовать этот проект было крайне сложно, прежде всего, в силу удаленности Приамурского военного округа от Европейской части России.

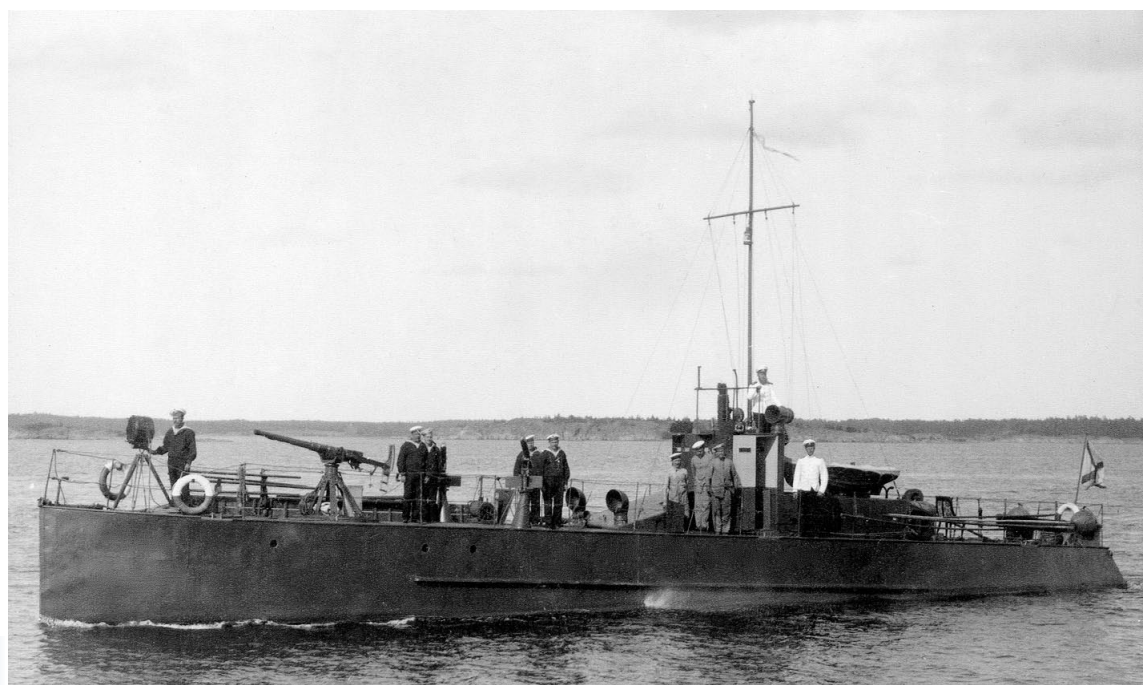
Тем не менее, план был претворен в полном объеме и достаточно оригинально. Принятое решение было достаточно дальновидным, так как после окончания русско-японской войны 1904-1905 годов, согласно Портсмутского договора России запрещалось использовать КВЖД в стратегических целях. Амурская железная дорога была еще только в планах, и значение Амура, как единственной транспортной артерии, вновькратно возросло.

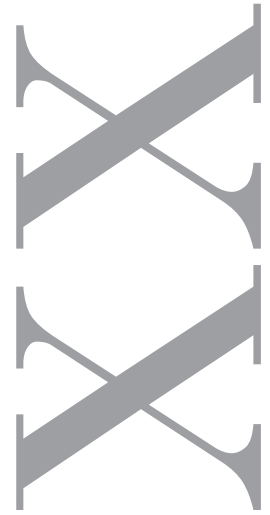
В реализации задуманной стратегии одним из звеньев цепи стал казачий поселок Кокуй. Судя по письменным источникам, в 30-40-е годы 18 века по обоим берегам Шилки в округе совре-

менного поселка и его окрестностей располагались следующие селения, входившие в состав Нерчинского уезда: Федосеево, Шайдурово (Кокуй), Алексеево. Вероятно, свои названия они получали по фамилиям основателей и были, по всей видимости, небольшими, как по количеству дворов, так и по населению. Наименование «Кокуй» среди краеведов толкуется по-разному. Мы ставим под сомнение его звенкийское происхождение и склоняемся к версии, что оно было привнесено переселенцами из центральной России и обозначает «возвышенное место».

После преобразований Н.Н. Муравьева-Амурского и последующих реформ 70-х годов 19 века Кокуй становится казачьим поселком Сретенской станицы 3-го военного отдела Забайкальского казачьего войска. Его население переходит в разряд казачьего сословия. К концу 19 века поселок представлял собой классическое сельское селение с тремя улицами, вытянувшимися вдоль Шилки, с небольшой часовней на берегу. Через Кокуй до Маргула проходил большой Московский (Сибирский) тракт. По данным Н.А. Крю-

Посыльное судно «Шашка». Из собрания Н.Н. Афонина и архива редакции журнала «Судостроение»

кова, в 1892-1893 годах в Кокуе насчитывалось 97 дворов с населением 512 человек, 470 десятин земли было занято под пашню, 12 десятин – под огороды (Крюков, 1895). В 1897 году на средства местных казаков была построена деревянная церковь. Она обслуживала так же поселки: Делюн, Епифанцево, Усть-Курлыч и Матакан. Основным занятием жителей традиционно являлось земледелие. Определенная часть занималась извозом и отхожими промыслами. В западной и восточной окраинах поселка располагались речные пристани: «Верхняя» и «Нижняя».

К началу 20 века численность населения поселка, в связи с прокладкой Транссибирской магистрали и основанием железнодорожного разъезда, увеличивается. В годы русско-японской войны 1904-1905 годов Кокуй становится перевалочной базой по снабжению действующей русской армии в Маньчжурии. На его территории размещаются военные склады, производится ремонт речных пристаней.

В 1907 году в поселке насчитывается уже 1500 жителей. Рост населения был, прежде всего, связан с появлением в Кокуе промышленных предприятий. Здесь разместились судостроительные филиалы и отделения Сормовского, Воткинского, Балтийского заводов и Муромский (Валенковский) завод. С Кокуя начинается наиболее удобный для судоходства фарватер Шилки, а железная дорога позволяла доставлять корпуса судов и иные механизмы в разобранном виде для последующей сборки кораблей непосредственно на месте.

По решению Совета Государственной обороны Российской империи военное ведомство заключило контракт с Сормовским заводом (г. Нижний Новгород) на постройку десяти паровых канонерских лодок. Они предназначались специально для плавания по Амуру. За прототип проекта была взята английская канонерская лодка «Yarrow». 2 апреля 1905 года приказом по флоту и Морскому ведомству был создан Отдельный отряд судов Сибирской флотилии, а ее командиром назначен капитан 1-го ранга А.А.Кононов. Головной корабль сормовской постройки был спущен на воду

7 сентября 1905 года и успешно прошел испытания на Волге. Приказом Морского ведомства от 14 ноября 1905 года канонеркам этой серии были присвоены названия: «Бурят», «Вогул», «Вотяк», «Зырянин», «Калмык», «Киргиз», «Корел», «Монгол», «Орочанин», «Сибиряк», и они были зачислены в список судов Российского флота (Сунгоркин, 1989).

В разобранном виде по железной дороге суда отправились в Кокуй. Там в районе «Верхней» пристани руководство Сормовского завода разместило свой филиал. Работы по монтажу судов велись вручную под открытым небом. Все главные и вспомогательные механизмы канонерок, а также паровые установки были исключительно отечественного производства (г. Нижний Новгород).

Канонерская лодка типа «Бурят» представляла собой плоскодонное речное судно длиной 54 и шириной 8,2 метра, водоизмещением 193 тонны. Вооружение состояло из двух 75-мм орудий (скорострельность – 8 выстрелов в минуту при боезапасе в 318 унитарных выстрела) и 4 пулеметов (7,62 мм). Осадка же, как и положено речному пароходу, была небольшой – 0,6 м. Максимальная скорость хода составляла более 11 узлов, скорость экономичного хода – 8 узлов. В состав экипажа входили: 3 офицера, 2 кондуктора и 35 матросов.

10 мая 1907 года в присутствии капитана 1 ранга А.А.Кононова над «Бурятю», «Монголом» и «Орочанином» взметнулись андреевские флаги и вымпелы. Затем корабли совершили первый поход по Шилке и Амуру, а осенью вернулись в Муравьевский затон Сретенска. Экипажи первых канонерок комплектовались балтийскими и черноморскими моряками. В Питере обучались и будущие судовые радиотелеграфисты. В Сретенском краеведческом музее имеется уникальный снимок из альбома сретенского промышленника Н.Е. Шустова, на котором запечатлены все три корабля головной серии, стоящие у левого берега Шилки. Как представляется, снимок был сделан в 1907 году после их спуска на воду.

Тем временем семь следующих канонерок в то время достраивались. По имеющимся у нас фотографиям видно,

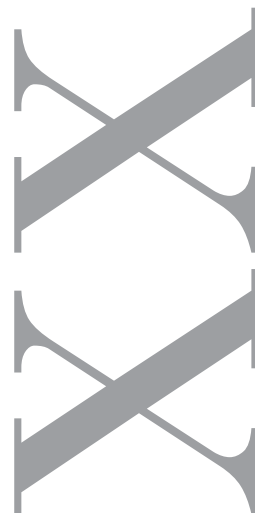
что суда собирались двумя рядами непосредственно на береговой террасе Шилки в западной окраине Кокуя, несколько ниже «Старой» («Верхней») пристани. Производственная территория временной судосборочной верфи проходила по линии современной улицы 2-я Набережная, так как на снимках хорошо просматриваются жилые дома поселка. С учетом совершенного похода первой тройки паровых канонерок Совет Государственной Обороны принял решение о принципиальной модернизации остальных семи. Это затянуло их производство и спуск на воду. Но игра стоила свеч! С канонерок были сняты высокие надпалубные надстройки, машинные отделения, погреба боезапаса и боевые рубки защитили противоосколочной броней. На каждый корабль установили по два более мощных 120-мм орудия (скорострельность – 9 выстрелов в минуту при боезапасе 150 выстрелов на ствол), гаубицу (122-мм) и 4 пулемета (7,62 мм). Личный состав каждой канонерки модернизированного типа состоял из 4 офицеров, двух кондукторов и 57 матросов. Корабли стали на 51 тонну тяжелее, но получили, как видим, более мощное вооружение и совершенную броневую защиту. Эти семь канонерок стали именоваться «бронепалубными» (тип «Вогул»). Их максимальная скорость хода в 10 узлов ненамного уступала предшественникам. Бронепалубные канонерки предназначались специально для плавания по Среднему Амуру.

Приемка и испытания бронепалубных канонерок проходили с мая по июль 1908 года. 28 ноября 1908 года приказом по Морскому ведомству все корабли отдельного отряда судов Сибирской флотилии были объединены в Амурскую речную флотилию. В оперативном отношении она подчинялась командующему Приамурским военным округом. В Осиповском затоне Хабаровска стала создаваться ее главная база. На зиму восемь канонерок спустились в Благовещенск, на одну из баз флотилии, а «Бурят» и «Зырянин» с командующим флотилией остались в Муравьевском затоне, положив начало Сретенскому отряду Амурской военной флотилии. К 1907 году в затоне для военных нужд

была построена мастерская с токарным станком. В 1911 году ледозащитную дамбу капитально отремонтировали и в этом же году в Муравьевском затоне зимовало до 68 единиц (!) коммерческих и казенных судов. Весной 1909 года все канонерки были оснащены радиотелеграфами немецкого производства («Telefunken»), а береговая стационарная станция в Затоне приняла первую радиотелеграмму от командующего войсками округа (Сунгоркин, 1989).

Опыт и последствия китайской кампании 1900 года и русско-японской войны 1904-1905 годов, мировые тенденции развития кораблестроения заставили правительство взяться за проектирование и строительство более совершенных кораблей для Амурской военной флотилии. К тому же было ясно, что десяти построенных канонерок явно недостаточно для охраны значительного речного пространства. Конструкторы были поставлены в крайне жесткие условия: осадка корабля не должна была превышать 1,2-1,4 м, запаса топлива должно хватать для перехода из Хабаровска в Благовещенск и обратно. Военное ведомство требовало установить дальнобойные морские орудия, надежную броню и обеспечить скорость хода не менее 10 узлов.

Таким образом, в стратегию проектирования принципиально новых кораблей легли следующие принципы: огневая мощь и дальнобойность корабельной артиллерии, усиленная броневая защита и автономность плавания. Акцент на скорость передвижения не делался. Опыт дальнейшего применения данных судов в боевых условиях на Амуре и Сунгари в 1929 и 1945 годах показал исключительную целесообразность избранной стратегии. На кораблях впервые в мировой практике речных судов были установлены силовые дизельные установки. Это был настоящий прорыв русской инженерной мысли! В острой конкурентной борьбе за реализацию проекта победил петербургский Балтийский завод, получивший от Комитета прибрежной обороны внушительный заказ на сумму 10 920 000 рублей. 12 мая 1907 года правление Балтийского завода подписало контракт на постройку

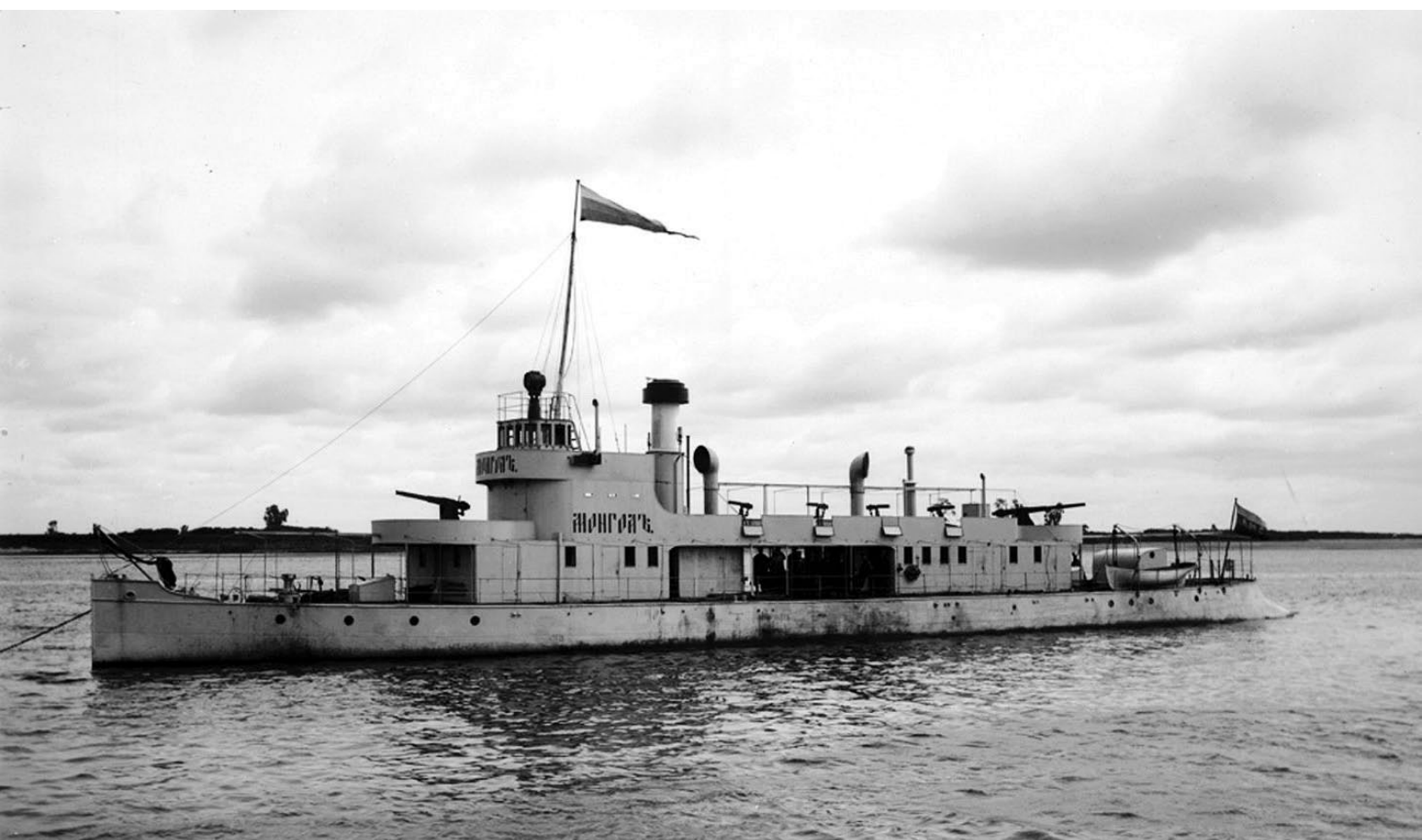
восьми канонерских лодок нового поколения для Амура. Спроектированы они были инженерами Н. Кутейниковым и П. Беляевым.

Данные канонерские лодки (тип «Шквал») стали именоваться «башенными», а в советское время – «мониторами». Длина их составляла 70,9 м, ширина – 12,8, осадка – 1,5 м, скорость хода 11 узлов, водоизмещение – 950 тонн. Корпус корабля был разделен на 11 отсеков с водонепроницаемыми переборками. В средней части корпус имел двойное дно, что увеличивало живучесть судна. Никаких надстроек, кроме боевой рубки и орудийных башен на палубе, корабль не имел. Четыре дизеля мощностью по 250 л.с. при 350 об/мин каждый обеспечивали достаточную для того времени быстротходность. Дальность плавания со-

ставляла 3 726 миль при скорости хода в 8 узлов. Толщина башенной и бортовой брони равнялась 114 мм, броневой палубы – 19 мм. Предусматривалась система управления артиллерийским огнем и радиотелеграф. Броня защищала корпуса судов по ватерлинии, палубу, машинное отделение и рубки управления. Со своими двумя 152-мм башенными орудиями и четырьмя 120-мм в двух башнях с электроприводами и семью пулеметами монитор представлял грозную боевую силу, не имеющую даже близких аналогов в мировой практике.

Главную канонерку «Шквал» строители собрали и испытали в Финском заливе. Корабли этого типа, как и канонерки сормовской постройки, планировали в разобранном виде доставлять в Кокуй по железной дороге для последующей

Канонерская лодка
«Монгол»

сборки корпусов. Окончательная доводка судов и их вооружение должны были проходить в Хабаровске, где питерцы также разместили свой филиал.

5 июля 1907 года с крупным сретенским предпринимателем Яковом Самуиловичем Андоверовым было заключено соглашение о строительстве мастерских, барачов, бани, кухни и дома для администрации «Амурского отделения Балтийского» в Кокуе на сумму в 122789 руб.06 коп. Поскольку в районе «Верхней» пристани уже действовал филиал Сормовского завода, «Амурское отделение Балтийского завода» разместилось в районе «Нижней», то есть в восточной

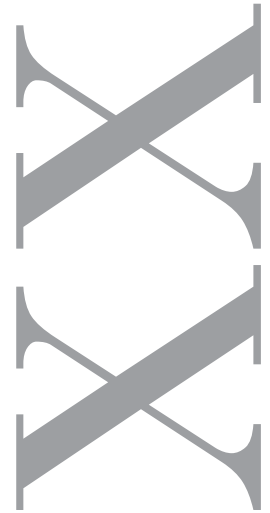
части территории современного Сретенского судостроительного завода. 31 июля 1907 года представитель Балтийского завода и начальник 16-го участка службы пути Забайкальской железной дороги составили акт на передачу участка земли во временное пользование «Амурскому отделению» на период строительства кораблей.

В Петербурге сборка судов производилась на временные болты. Блоки и секции тщательно подгонялись, собирались, затем разбирались на части, маркировались, грузились в эшелоны и следовали в Забайкалье. С каждым эшелонам ехало двое мастеровых, хорошо

Суда Амурской военной флотилии по состоянию на 1911 год
(«Общий очерк ...», с. 252., Черников, 2007, с. 430)

№	Наименования судов	Кол-во	Примечания
1	Пароходы колесные Буксирный пароход	2 1	«Селенга», «Хилок». «Сильный» – Сормовский филиал в Кокуе
2	Канонерки башенные типа «Шквал»	8	«Шквал» (собиран в Хабаровске), «Шторм», «Вихрь», «Вьюга», «Гроза», «Смерч», «Тайфун», «Ураган» – Амур- ский филиал Балтийского завода в Кокуе
3	Бронепалубные канонерки типа «Вогул»	7	«Вогул», «Вотьяк», «Зырянин», «Кал- мык», «Киргиз», «Корел», «Сибиряк» – Сормовский филиал в Кокуе
4	Канонерки типа «Бурят»	3	«Бурят», «Монгол», «Орочанин» – Сор- мовский филиал в Кокуе
5	Дизельные бронекатера (по- сылные суда) типа «Пика»	9	«Пика», «Пистолет», «Пуля», «Рапира», «Сабля», «Шашка», Кинжал», «Копье», «Палаш» – Путиловский завод, собра- ны в Кокуе
6	Паровые катера	3	
7	Баржи	3	1 бензинонефтеугольная баржа – Сор- мовский филиал в Кокуе
8	Плавучий док	1	Сормовский филиал в Кокуе
9	Плавучая мастерская	1	Амурский филиал Балтийского завода в Кокуе
10	Шаланды	5	
	Итого:	43	Из них кокуйской постройки (сборки) – 30

Автор и руководство
ООО «Сретенский
судостроительный
завод» выражают
признательность
Главному редактору
журнала «Судостро-
ение» за предостав-
ленные фотографии
из архива журнала и
собрания Н.Н. Афо-
нина.

знавших технологию сборки судов. 12 марта 1908 года с Балтики поступил первый эшелон из 19 вагонов и платформ с разобранными боевыми судами. В начале апреля из Петербурга отбыло еще три партии рабочих по 100 человек и около 300 пудов груза. 24 апреля они прибыли в Кокуй. Наряду с балтийскими рабочими, предприятие привлекало и местных мастеровых, которые освобождались на Сормовском филиале после сборки паровых канонерок (Сунгоркин, 1989).

В поселке к этому времени уже возвели судовые мастерские, оборудованные станками, котельную, компрессорную, мини-электростанцию и бараки для рабочих. Крыши зданий были покрыты оцинкованным железом. Была построена и плавучая мастерская для обеспечения достроечных работ на воде. Стапеля в два ряда располагались параллельно берегу Шилки, и спуск кораблей производился боком. В пяти больших с паровым отоплением и электрическим освещением бараках с общими нарами размещалось 650 рабочих, хотя, направляясь сюда, питерцы требовали помещения для жилья не более чем на 10 человек с железными кроватями и матрацами. В сравнении с Сормовским и иными судосборочными филиалами, в Кокуе «Амурское отделение Балтийского завода» выглядело как довольно солидное предприятие. Территория его была обнесена забором, уровень бытовых удобств рабочих был достаточно высоким. Имелась медпункт, баня и даже работала киноустановка.

Головной «Шквал» был спущен на воду 28 июня 1908 года. Сборка корпусов остальных канонерских лодок завершилась в ноябре 1908 года. В конце июня 1909 года они были спущены на воду. Затем семь башенных канонерок и плавучая мастерская с помощью буксирных пароходов «Амурского Общества Пароходства и Торговли» были отведены в Осиповский затон под Хабаровском, где уже создавалась главная база флотилии (Сунгоркин, 1989).

Осенью 1910 года Амурская военная флотилия пополнилась канонерками с грозными названиями: «Вихрь», «Вьюга», «Гроза», «Смерч», «Тайфун», «Ураган», «Шквал», «Шторм». Уже первые хо-

довые испытания башенных канонерок показали их высокую надежность и не случайно, что они были признаны самыми сильными в мире военными речными судами того времени. Новейшие артиллерийские системы, установленные на них, позволяли вести огонь на оба борта, что по тому времени было новым и важным преимуществом корабля такого типа. В 1910 году в Кокуе Амурским филиалом так же была построена плавмастерская для обслуживания судов Амурской военной флотилии, которую при большой воде отбуксировали в Хабаровск.

В 1909-1910 годах в Кокуе Путиловским заводом было достроено девять посыльных судов (бронекатеров) типа «Пика». Это были первые в мире речные бронекатера. По сравнению с канонерками они были небольшими по размерам. Длина их составляла 22 м, ширина – три, водоизмещение – 23,5 т, осадка – 0,51 м. Два двигателя мощностью 200 л.с. обеспечивали скорость хода до 15 узлов. Рубку, борта, палубу и погреба защищала противопулевая броня толщиной 7,9 мм. Вооружение судна состояло из 76-мм горной пушки. Катера также вошли в состав Амурской речной флотилии под названиями: «Кинжал», «Копье», «Палаш», «Пика», «Пистолет», «Пуля», «Рапира», «Сабля» и «Шашка» (Похитонов, Чапыгин, 2008, Черников, 2007)).

К началу Первой мировой войны Амурская военная флотилия была достаточно боеспособна и полностью выполняла возложенные на нее задачи по охране и обороне дальневосточных рубежей России. Ее костяк составляли канонерские лодки и бронекатера, собранные в Кокуе. Суды этого класса могли успешно вести борьбу как против речного флота неприятеля, так и против его сухопутной полевой артиллерии. Амурскую военную флотилию последовательно возглавляли: капитан 1-го ранга А.А. Кононов (1905-1910), контр-адмирал К.В. Бергель (1910-1913) и вице-адмирал А.А. Баженов (1913-1917).

С началом Первой мировой войны все бронекатера, кроме «Пики» и «Копья», на железнодорожных платформах были переброшены на запад в действующие флотилии Каспия и Балтики. Такая

же участь постигла часть артиллерии крупного калибра и дизельных установок с канонерских лодок.

В декабре 1917 года экипажи кораблей Амурской флотилии перешли на сторону Советской власти, и уже весной 1918 года «Орочанин» и «Пика» вели успешные боевые действия против белогвардейцев в районе Благовещенска. Во второй половине года ситуация в Приамурье с началом японской интервенции и активизацией внутренней контрреволюции обострилась. В начале сентября 1918 года «Орочанин», прикрывая отход каравана советских судов вверх по Зее, принял бой и был взорван экипажем во избежание захвата. 7 сентября 1918 года японцы захватили базу флотилии в Хабаровске, и канонерская лодка «Гроза» повторила участь «Орочанина». Большую часть кораблей амурские моряки привели в негодность, а сами перешли к партизанским действиям, принимая активное участие в борьбе с интервентами и белогвардейскими формированиями.

Имеются отрывочные сведения о том, что во время Гражданской войны в ходе стратегического наступления японо-белогвардейских войск в августе 1919 года против 3-го кавалерийского полка красных партизан на Шилке действовали канонерские лодки (?) с орудиями и пулеметами (Очерки истории Восточного Забайкалья, 2007, с.18). Так же есть упоминания о том, что, якобы весной 1921 года японцы появлялись в нижнем течении Шилки на «канонерских лодках». Очевидцы из местных жителей видели их, якобы в районе села Горбица, но что это были конкретно за суда, к сожалению, установить не удалось.

В октябре 1920 года интервенты увели на Сахалин два парохода и канонерки: «Шквал», «Бурят», «Монгол», «Вотьяк». Эти суда были возвращены только в 1925-1926 годах. После образования Дальне-Восточной республики и изгнания интервентов, оставшиеся канонерки были отремонтированы, вооружены и вошли в состав вооруженных сил ДВР, принимая активное участие в боевых действиях на заключительном этапе гражданской войны.

В советское время канонерские лодки всех типов (кроме «Грозы», «Оро-

чанина», «Калмыка», «Киргиза», «Коре-ла» и «Зырянина»), а также два бронекатера составили костяк Дальневосточной военной флотилии. Они неоднократно подвергались модернизации и перевооружению. В октябре 1929, во время конфликта на КВЖД, огнем советских мониторов и канонерок была уничтожена китайская Сунгарийская флотилия. За вклад в победу 20 мая 1930 года Дальневосточная военная флотилия была награждена орденом Боевого Красного Знамени, а с 27 июня 1931 года стала именоваться Краснознаменной Амурской флотилией (КАФ).

В первой половине 40-х годов флотилия в состоянии полной боевой готовности несла службу по охране амурских рубежей в условиях непрекращающихся провокаций со стороны японцев. Корабли получили дополнительное зенитное вооружение. В состав трех бригад КАФа в 1945 году входило: 6 мониторов, 11 канонерских лодок, 59 катеров, 12 тральщиков и вспомогательные суда. Во время маньчжурской наступательной операции августа 1945 года флотилия с первых минут действовала на острие молниеносного удара. Мониторы и канонерки своим огнем подавляли вражеские укрепления и опорные пункты, прикрывали высадку десанта, способствовали оперативному продвижению наших войск в глубь территории Китая. Часть кораблей флотилии с боями прошли по Сунгари до Харбина. Капитану, ставшей «гвардейской», канонерской лодки «Пролетарий» (бывший «Вогул») – старшему лейтенанту И.А. Сорневу, за успешное проведение операции по овладению городом Фуюань в устье р. Уссури, было присвоено звание Героя Советского Союза.

После войны корабли флотилии вновь несли службу на Амуре по охране государственной границы, а также использовались в качестве учебных судов. После прихода к власти Н.С. Хрущева Краснознаменную Амурскую флотилию постигла печальная участь. В 1955 году она была фактически ликвидирована. Бронекатера были списаны еще в 1954 году, а последние канонерки исключили из состава флота и уничтожили в 1958-м («Бурят», «Тайфун», «Вихрь», «Шквал»,

«Шторм», «Вьюга», «Ураган», «Сибиряк»). С позиции сегодняшнего дня данное решение политического руководства представляется ошибочным. Воззрения Н.С. Хрущева о том, что «век артиллерии закончился» на практике оказались мифом. Плюс ко всему с начала 60-х годов обострились отношения с некогда дружественным Китаем. Последнее потребовало от советского правительства реализации комплекса крайне затратных мероприятий по воссозданию боевой мощи на Амуре. К этому времени корабельный завод Сретенского судостроительного завода, основанного в далеком 1935 году, вновь, как и в годы Великой Отечественной войны, не остался в стороне от этого процесса, подхватив своеобразную

эстафету от своих предшественников. Но это уже другая история.

Уже минул столетний юбилей со дня спуска на воду в Кокуе канонерских лодок Амурской флотилии. Российские корабли создали боевые корабли, которые верой и правдой служили Отечеству около полувека. Мы преклоняем головы перед инженерной мыслью и мастерством рабочих, создавших уникальные суда с непревзойденными до сегодняшнего дня техническими и боевыми параметрами. Мы преклоняем головы перед экипажами канонерских лодок, которые в труднейших ситуациях, вне зависимости от политической конъюнктуры, оставались верными воинскому долгу, чести и служению Родине.

Автор и руководство ООО «Сретенский судостроительный завод» выражают признательность Главному редактору журнала «Судостроение» за предоставленные фотографии из архива журнала и собрания Н.Н. Афонина.

«Бомбардировка Благовещенска» // «Мир Божий», СПб, сентябрь 1900, с. 18-20

Вологдин Е. Корабли, люди и их судьбы // «Советское Забайкалье», 12.03.2010, 26.03.2010.

Головачев Д.М. Поселки по линии Забайкальской железной дороги (По данным обследования крестьянскими начальниками по распоряжению Военного Губернатора Забайкальской области весной 1907 года). – Чита: 1908.

«Записки путешественников и исследователей (вторая половина 17-18 вв)». Хрестоматия. Том 1. – Новосибирск: 2007, с. 480.

Коренев Н. Новь березовой рощи. «Советское Забайкалье», 21.01.1967.

Крюков Н.А. Восточное Забайкалье в сельскохозяйственном отношении. – Санкт-Петербург: 1895.

Куловеров В.Д. Настольная книга по истории поселка Кокуй Сретенского района Читинской области (рукопись) – архив Кокуйского краеведческого музея.

Лайд А.П. Краткая историческая справка Сретенского судостроительного завода 1935-1985 годы, (рукопись) – фонд Кокуйского краеведческого музея.

Лухманов Д. Жизнь моряка. – Ленинград: 1985, с. 512.

«Общий очерк сети водных путей сообщения в Приамурском крае». – Санкт-Петербург: 1912, с. 720.

Пахолков П.И. Записки об Амуре, за первые годы со времени занятия его Россией в 1854 году // «Мемуары сибиряков. 19 век», Новосибирск: 2003.

Похитонов П.П., Чапыгин В.П. Из истории военного кораблестроения в поселке Кокуй Сретенского района Читинской области (1906-80-е годы XX века) // Сретенский район: история и современность. – Чита: 2008, с. 122-133.

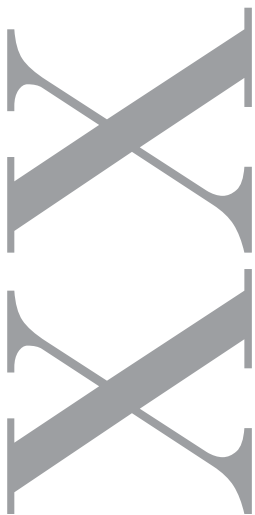
Сунгоркин Н. Родина Амурской флотилии. «Советское Забайкалье», 11.05.1989 г.

Чапыгин В., Чапыгин П. Былая слава Сретенского судостроительного // «Забайкалье: наука, культура, жизнь. № 3 (13) июнь 2004.

Чапыгин П.В., Чапыгин В.П. Победа ковалась в тылу. – Сретенск: 2005, 23 с.

Черенщиков О.Ю. Рождение Амурской флотилии // «Забайкалье», № 9, 13 декабря, 2010.

Черников И.И. Энциклопедия мониторов (защитники речных границ России). – Санкт-Петербург, «Судостроение»: 2007, 696 с.

Александр Чашин
(Чита)

Сретенский лагерь военнопленных Первой мировой войны (1914-1918 гг.)

20 июля 1914 года была объявлена мобилизация, и Забайкальская область оказалась на военном положении. С началом Первой мировой войны на фронт был отправлен личный состав 16-го Сибирского стрелкового полка и строевые казаки Сретенской станицы.

Сретенск был удален от театра военных действий, несмотря на это и его

быстро настигло эхо боев. Известно, что наряду с трагической неудачей двух русских армий в Восточной Пруссии, первые месяцы войны ознаменовались разгромом четырех австро-венгерских армий, успешным оттеснением немцев с берегов Вислы и удачной Лодзинской операцией. Результатом стало пленение нескольких сотен тысяч военнослужащих враждебных государств.

В соответствии с распоряжением Главного Управления Генерального Штаба в 1914 году, военнопленных немцев, австрийцев и венгров размещали в Сибири, Туркестане и на Дальнем Востоке. Летом 1915 года количество пленных в округах Сибири резко возросло и достигло в Иркутском военном округе 200 000 человек. В 1916-1917 годах, размещение военнопленных на территории России приобрело иной характер за счет сокращения числа пленных, отправляемых в Восточную Сибирь, и перевода больших партий военнопленных в Европейскую Россию для участия в тыловых и сельскохозяйственных работах.

При определении мест размещения военнопленных была указана и Забайкальская область. Решение центра направить в Забайкалье значительное число военнопленных заставило местные власти оперативно решать нестандартные задачи. В первую очередь, необходимо было определить места расположения лагерей² и порядок их функционирования. В Государственном архиве Забайкальского края сохранились документы, рассказывающие о мерах по приему, охране и созданию условий для содержания военнопленных в Забайкальской области³. По законам того, еще относительно гуманного вре-

В Первую мировую войну 1914-1918 годов было вовлечено 38 государств, с населением свыше 1,5 миллиарда человек. Мобилизации охватили 70 миллионов человек. Численность действовавших армий к концу войны достигала 38 миллионов человек. Свыше 60% армий вовлеченных государств составляли мужчины в возрасте до 35 лет. Война унесла 9,5 миллионов человеческих жизней. 20 миллионов человек было ранено. Жестокой реальностью мировой геополитической трагедии явились многомиллионные жертвы и беспредельные людские страдания. Впервые в истории человечества возникли проблемы крупномасштабных чрезвычайных миграционных потоков, связанных со срочным перемещением, организацией и регулированием повседневных потребностей миллионов людей. Особой категорией таких лиц, подвергшихся суровым испытаниям, стали 10 миллионов военнопленных. Из них к началу 1917 года в России находилось более двух миллионов человек. В это же время общее число русских, попавших во вражеский плен, по различным данным, составляло от 3,6 до 3,9 миллионов человек¹.

мени, для военнопленных должны были быть созданы вполне человеческие условия проживания. Военному губернатору Забайкальской области уже через несколько месяцев после начала войны пришлось непосредственно заниматься этими вопросами. Никто не знал, какое количество военнопленных прибудет в Забайкальскую область, поэтому первоначально изучался вопрос размещения военнопленных, в том числе и в станицах и поселках Забайкальского Казачьего Войска, за 100 верстной полосой от границ Монголии и Маньчжурии во избежание побегов⁴.

Однако со временем ряд объективных причин заставил принять решение размещения военнопленных в местах, находящихся в непосредственной близости к железной дороге или на крупных трактах.

Таковыми местами в Забайкальской области были определены: Чита, Песчанка, Антипи́ха, Сретенск, Нерчинск, Даурия, Березовка, Троицкосавск, Кяхта, Верхнеудинск, Баргузин, Мысовск.

Специальные концентрационные лагеря в Забайкалье не строились, так как на это не было времени и средств.

Первые партии военнопленных стали прибывать в Забайкальскую область

уже в октябре 1914 года. На 18 октября 1914 года военнопленные были распределены по лагерям следующим образом:

1. Березовка – 11000 человек.
2. Сретенск – 1000 человек.
3. Даурия – 1500 человек.
4. Песчанка и Антипи́ха – 6000 человек.

К зиме 1915-1916 годов военнопленных уже числилось в Чите, Песчанке и Антипи́хе – 32 500 человек, в Троицкосавске – 6 700 человек, в Сретенске – 11 000 человек, это при том, что все население города Сретенска тогда составляло примерно 7 000 человек.

Несмотря на то, что к приему военнопленных готовились, все же мест для размещения катастрофически не хватало. В связи с этим, Военный Губернатор Забайкальской области обратился к домовладельцам области с просьбой о выделении помещений в их домах на добровольных началах. И такие люди в станице Сретенской нашлись.

Основная часть военнопленных офицеров австро-венгерской и германской армий в Сретенске были размещены в военном гарнизоне, в бывших казармах 16-го Сибирского стрелкового полка, и лишь незначительная часть офицеров, в основном высших чинов,

Лагерь военнопленных в станице Сретенской. Шесть каменных корпусов на переднем плане – офицерские квартиры военнопленных⁵.

в самом городе на частных квартирах. Нижние же чины – у домовладельцев, часть – в помещениях переселенческого пункта у железнодорожной станции (до 1917 года).

Из приведенной ниже таблицы⁶ видно, какое количество пленных было размещено у домовладельцев с октября 1914 года по февраль 1916 года (Таблица 1).

Еще несколько домовладельцев готовы были предоставить дополнительно места для расквартирования, что и было сделано позднее (Таблица 2).

Из Государственной казны, за расквартирование военнопленных нижних чинов производилась оплата квартирных окладов, установленных за расквартирование нижних чинов Русской Армии, а именно:

1. На наем помещений – 3 рубля в год на одного человека.

2. За отопление и освещение помещений, в течение 7 месяцев, с октября по апрель – 1 рубль 50 копеек в год на одного человека, и за дрова для варки пищи и хлебопечения из оклада 1 рубль 50 копеек в год на одного человека.

3. За расквартирование военнопленных штаб и обер-офицеров плата производилась военным начальством, в распоряжении которого они состояли, из расчета квартирных денег, установленных для генералов штаб и обер-офицеров Русской Армии, но в половинном размере.

Домовладельцам было выгодно заключать такие соглашения, так как они имели с этого гарантированный, постоянный доход в тяжелое военное время.

За размещением, созданием необходимых жизненных и бытовых условий, приготовлением пищи, окарауливанием военнопленных следили соответствующие городские чиновники и начальник Сретенского гарнизона. Окарауливание военнопленных Сретенского лагеря было возложено на 719-ю пешую Уфимскую дружину Государственного ополчения.

В соответствии с официальными распоряжениями русских властей, «способ довольствия» военнопленных был единым по всей стране. Пленные солдаты (нижние чины) питались из общего котла по нормам, установленным для нижних чинов русской армии. Ежеднев-

Таблица 1

№	Фамилии, имена и отчества домовладельцев	Количество военнопленных
1	Осипенко Алексей Михайлович	82
2	Симятицкий Давид Исаевич	134
3	Гуменный Дмитрий Семенович	51
4	Коляденко Сергей Матвеевич	50
5	Сретенское Станичное Правление	196
6	Шадрин Иван Федорович	83
7	Межев Дмитрий Семенович	73
8	Остапенко Алексей Михайлович	21
9	Замешаева Матрена Игнатьевна	20
10	Деревцов Николай Максимович	49
11	Федоров Роман Харитонович	76
12	Астафьев Марк Иванович	75
13	Барбас Ревекка Иосифовна	76
14	Торговый Дом «Чурин и Ко»	198

15	Штейн Михаил Алексеевич	40
16	Цоглин Яков Матвеевич	100
17	Васильев Иван Иванович	51
18	Танхимович Михаил Абрамович	106
19	Андоверова Зинаида Иосифовна	85
20	Рябов Иван Тихонович	68
21	Белозеров (наследники)	71
22	Орликов Александр Вульфович	180
23	Торговый Дом «Лукин и сыновья»	468
	ВСЕГО	2 353

Таблица 2

№	Фамилии, имена и отчества домовладельцев	Количество военнопленных
1	Белозеров (наследники)	100
2	Филимонов (наследники)	50
3	Торговый Дом «Братья Замошниковы»	100
4	Мошкович Григорий Павлович	100
5	Штейн Михаил Алексеевич	167
6	Зимин Роман Николаевич	50
	ВСЕГО	567

но пленному полагался обед из щей или супа с 0,25 фунтами мяса, 0,43 золотника чаю, 6 золотников сахара, 3 фунта хлеба. При старших офицерах на службе состояли денщики, выполнявшие роль прислуги и поваров.

Другие же офицеры, не имевшие такой возможности, питались в столовой гарнизона. Получая от военного ведомства жалование от 50 рублей, в зависимости от чина, имели возможность покупать дополнительно продукты и товары первой необходимости в отрядных лавках, находящихся на территории лагеря, и у местного населения на рынках. В летнее время в меню добавлялись овощи и другие сельскохозяйственные продукты, выращенные силами военнопленных, или купленные у населения. В своих воспоминаниях практически все офицеры выражали удовлетворенность

своим питанием. Нижние чины, расквартированные у домовладельцев и в переселенческом пункте, получали готовую пищу из двух кухонь, специально организованных для этих целей.

Весьма существенными были различия в положении пленных офицеров и нижних чинов. Все воюющие стороны признавали за пленными офицерами, классными чиновниками и кадетами право на уважительное отношение и пристойные условия содержания. Каждая сторона внимательно наблюдала: не ущемляет ли противник права попавших в плен офицеров, и если таковые нарушения становились известны, – тут же отвечала соответствующими изменениями в положении пленных на своей территории.

Юридические основы того, что офицеры имели в плену довольно непло-

Лагерь военнопленных в станице Сретенской. Пленные офицеры австро-венгерской армии у цветников перед своими квартирами. 19 июля 1916 г.

хие условия жизни, положила Гаагская конвенция 1907 года, провозгласившая принципы гуманного обращения с военнопленными. В октябре 1914 года Николай II утвердил «Положение о военнопленных», где говорилось о том, что с военнопленными, «как с законными защитниками своего отечества, надлежит обращаться человеколюбиво».

Военнопленные офицеры, квартировавшие у домовладельцев и в квартирах в гарнизоне, больше имели возможности свободно передвигаться по городу, посещать увеселительные заведения, бильярдные, кофейни и т.д. Досуг их ничем не ограничивался, и они были представлены сами себе.

Чтобы занять военнопленных делами, лагерный Комитет организовывал спортивные мероприятия – соревнования по футболу, волейболу, легкой атлетике. Устраивались театральные уличные представления, организовывались музыкальные оркестры.

Офицеры были обязаны отмечаться в лагерной канцелярии или на переключках. Понимая, что война рано или поздно закончится, они испытывали естественную тревогу о своей судьбе

после возвращения на родину. Некоторые пытались бежать в Китай. На его территории были организованы пункты по оказанию помощи бежавшим германским и австрийским военнопленным, которые занимались переправкой беглых на родину. Но побегι зачастую были неудачными, так как добраться до границы через территорию Забайкальского казачьего войска было практически невозможно.

Отношение местного населения к военнопленным в целом отмечалось доброжелательностью. Однако находились и такие, кому по разным причинам не нравилось такое соседство. К примеру, в Читинской газете была напечатана статья гласного городской Думы Карнакова. Он в категорической форме выражал протест против предложения городского головы потесниться и принять военнопленных. Карнаков доказывал, что «город мал», пленных необходимо размещать подальше от населения, надо беречь от них наших женщин. Городские власти же объясняли, что если военнопленные будут размещены в плохих условиях, это может вызвать ответную реакцию властей Австрии и Герма-

нии, где были русские военнопленные, и нашим братьям так же будут созданы нечеловеческие условия.

Проявление разных форм сочувствия и ослабленного контроля, особенно к офицерам, было столь распространено, что из Петрограда всем командующим тыловыми военными округами 23 октября 1914 года была послана специальная телеграмма. В

ней, в частности, подчеркивалось, что «военнопленные офицеры в городах Сибири катаются с дамами, в кофейнях пьют кофе днем и ночью, и даже административные лица с ними знакомятся и угощают их обедами. Учитывая то обстоятельство, что в Германии в отношении наших офицеров установлены совершенно иного рода отношения, что подтверждается целым рядом сведе-

Лагерь военнопленных в станице Сретенской. Денщики военнопленных офицеров разбирают воду. 20 июля 1916 г.

Лагерь военнопленных в станице Сретенской. Военные офицеры австро-германской армии принимают солнечные ванны. 20 июля 1916 г.

Лагерь военнопленных в станице Сретенской. Пленные офицеры германской армии развлекают своих товарищей устройством уличных театров.
21 июля 1916 г.

ний, приходится прийти к заключению, что оказание разного рода послаблений и снисхождений немецким и австрийским военнопленным офицерам является явной несправедливостью в отношении наших офицеров, которые в Германии терпят всякого рода лишения, размещены тесным казарменным порядком и живут под весьма строгим, если не сказать более, режимом». Да-

лее предлагалось на местах отдать соответствующие распоряжения, чтобы «подобные случаи не могли иметь места при следовании пленных офицеров по территории округа, а в пунктах постоянного размещения, находящихся в пределах округа, военнопленных офицеров германцев и австрийцев содержать казарменным порядком под строгим надзором, то есть таким же по-

Лагерь военнопленных в станице Сретенской. Военнопленные австро-германской армии – футболисты – сами развлекаются и товарищей развлекают.
20 июля 1916 г.

рядком, каким содержатся в Германии и Австрии наши пленные офицеры».⁷

Такое распоряжение было отдано и в Сретенске⁸ начальником Сретенского гарнизона.

«Подтверждая настоящим, что Сретенск, как и вся страна находится на военном положении, а поэтому все распоряжения и приказы, как Сретенского Станичного Правления так и мои должны быть выполняемы безусловно всеми без исключения как учреждениями и организациями всех ведомств, так и частными лицами и виновные в неисполнении распоряжений будут мной отдаваться под суд и караемы со всей строгостью законов военного времени.

Всем военнопленным воспрещается выходить из казармы без надлежащих удостоверений и пропусков, а нарушение этого будет мной строго караться. В виду недостаточности в данное время охраны, предлагаю военнопленным иметь свой надзор за выполнением моих распоряжений, а в случае нарушения их, мною будет изменен весь режим и порядок содержания военнопленных, а за самовольную отлучку, как из лагеря, так и с работ я буду придавать военному суду. Запрещаю хождение военнопленным по городу и посещение ресторанов, кофеен, чайных, билиардных, садов и всяких публичных зрелищ и учреждений и мест развле-

чений. Запрещаю пленным разговоры на немецком языке на улицах, в публичных местах, и если будут задержаны патрулями военнопленные без надлежащих пропусков и удостоверений или просто гуляющие по городу без серьезной надобности, то будут немедленно забираемы в лагерь без права выхода, а находящиеся на работах в учреждениях, предприятиях или у частных лиц – немедленно оттуда убираться».

Несмотря на всеобщее военное положение, культурная и театральная жизнь в Сретенске продолжалась. Но так как гостиница с театральным залом М.А. Штейна, единственное театральное помещение, где устраивались благотворительные спектакли, вечера, обслуживая нужды общественных благотворительных организаций, были заняты военнопленными, общественность убедительно просила станичное Правление освободить эти помещения от постоя. Обращение было услышано, и культурно-театральная жизнь была возобновлена.

Некоторые недоразумения между военнопленными и местным населением стали возникать «на почве денежных расчетов». Разрешение под конвоем посещать магазины и рынки было объявлено военнопленным сразу же по прибытии на места размещения. Однако их естественное желание приобрести продукты и товары первой необходимости

Лагерь военнопленных в станице Сретенской. Австрийский оркестр из пленных нижних чинов.
24 июля 1916 г.

наталкивалось на отказ продавцов принимать иностранные деньги. Торговцы отказывались даже от серебряной монеты, поясняя, что «хоть и серебро, да не наше!». В целях устранения таких расчетных затруднений, которые требовали быстрого решения в масштабах всей страны, Главное Управление Генерального Штаба (ГУГШ) сделало запрос министерству финансов. Им было отдано распоряжение отделениям Государственного банка, губернским и уездным казначействам о приеме германских кредитных билетов по цене 30 копеек за марку, австрийских – по 25 копеек за крону. Для золотых и серебряных полновесных монет устанавливались курсы:

Также получали пособие из средств Тяньзинского Общества по оказанию помощи германским и австрийским военнопленным и Шведской и Датской миссий. Пособие поступало на имя уполномоченных этих миссий, и далее распределялось по лагерям.

Наряду с вопросами размещения, быта, охраны здоровья военнопленных необходимо было решать и вопросы их занятости, привлечения на общественно-полезные работы и правила их поведения, а также вопрос взаимоотношения местного населения с военнопленными.

4 февраля 1915 года помощник полицмейстера в докладной записке писал Военному Губернатору Забайкальской области.

«Во исполнение приказа Вашего Превосходительства, представляю соображения для издания Обязательного Постановления об ограничении сношений населения с военнопленными. Представлялось бы крайне необходимым воспретить жителям под опасением трехмесячного ареста и 3-х тысяч рублей штрафа:

1. Всякие разговоры непосредственно с военнопленными на всех иностранных языках. Переговоры с ними допускаются только через переводчиков, назначенных военным начальником.

2. Прием пленных у себя в домах в качестве гостей, или под видом оказания им материальной помощи.

3. Снабжение их платьем или оружием.

4. Организация или способствование побегам военнопленным или укрывательство их.

5. Прием и передача военнопленным помимо военного начальства корреспонденций: телеграфной, денежной, заказной и простой или личная корреспонденция с ними.

6. Продажа военнопленным предметов роскоши, излишества, не считая предметов первой необходимости.

7. Продажа, снабжение или угощение их спиртными напитками.

8. Прием от военнопленных их монеты в уплату за забранные товары, или

Лагерь военнопленных в станице Сретенской. Почтовая карточка военнопленного. 10 ноября 1914 г.

германская марка – по 46,17 копеек, австрийская – 39,15 копеек. Никелированные, бронзовые и медные монеты к приему не принимались.

Военнопленные не были лишены права переписки, и имели возможность получать и отправлять свои письма, используя специальные почтовые карточки, а также получать посылки со своей родины через посредство Международного общества Красного креста. Причем, принимались протесты на несоответствие веса посылок. Кроме пособия от казны, получали материальную помощь от разных благотворительных обществ под наблюдением военного Губернатора и чинов полиции.

Лагерь военнопленных в станице Сретенской. Армянский оркестр из пленных армян турецкой армии. 11 июля 1916 г.

в виде размена на монету Российского чекана.

9. Организацию благотворительных или вспомогательных обществ или кружков, с целью снабжения военнопленных какими-то ни было предметами или деньгами, помимо военного начальства.

10. Появление военнопленных в обществе, публичных местах.

11. Посещение военнопленных в их помещениях без разрешения военного начальства.

12. Демонстративное проявление сочувствия к военнопленным.

13. Распространение ложных слухов о якобы бедственном положении военнопленных».

Большая часть вышеперечисленных пунктов позднее была отражена в Обязательном Постановлении «Об ограничении сношений населения с военнопленными».

После вступления в войну Турции, в октябре 1914 года, был открыт Кавказский фронт. Российские войска действовали здесь весьма успешно, и вскоре в тыловые регионы страны стали поступать и турецкие военнопленные. В Забайкальскую область первые военно-

пленные турецкой армии прибыли в начале 1915 года, и были распределены по лагерям Сретенска, Даурии и Баргузина. В Сретенск была направлена партия из 43 военнопленных турецкой армии, в числе которых были армяне.

Несмотря на небольшое число турецких военнопленных, международные благотворительные организации проявляли пристальное внимание к условиям их содержания. Особые трудности возникали из-за отсутствия переводчиков турецкого языка. В Сретенске военнопленные турецкой армии пробыли до 1917 года, позднее были перераспределены в Даурский лагерь.

Суровые климатические условия и холодные, долгие зимы стали для военнопленных серьезным испытанием. Зима принесла немало проблем и выявила массу недостатков в организации размещения, питания, медицинского обслуживания и быта. Большая скученность военнопленных при размещении, возможность открытого контакта с местным населением, в основном в постоянных дворах, недостаточное питание, холод и плохое обмундирование привели к тому, что среди военнопленных стали возникать случаи различных заболеваний, в том числе и сыпным ти-

Лагерь военнопленных в станице Сретенской. Группа австро-германских военнопленных у корпуса № 2 после снятия карантина. 10 июля 1916 г.

фом. О первых же случаях заболевания сыпным тифом сразу же был информирован Военный Губернатор Забайкальской области.

«Комиссионно, от 25 декабря 1915 года. В числе мер по ограждению населения Сретенской станицы и других селений от эпидемии сыпного тифа и других заразных болезней, появившихся и распространяющихся в последнее время среди военнопленных Сретенского гарнизона, между прочим, признала необходимым закрыть в поселке Сретенском постоянный двор в доме Замошников, так как во дворе расквартированы и военнопленные нижние чины. Принимая во внимание, что закрытие постоянных дворов относится к предметам ведения гражданской администрации, по полицейской части, На-

казной атаман просит надлежащего распоряжения о закрытии означенного постоянного двора».

За наказного атамана полковник ОРЛОВ.

Управляющий отделением надворный советник.

11 февраля 1916 года старший врач 719-й пешей Уфимской дружины Государственного ополчения лекарь Алексеев, запиской № 228 докладывал Забайкальскому Областному Распорядительному Комитету о состоянии дел в Сретенском лагере.

«Уведомляю Комитет, что случаев смерти военнопленных от сыпного тифа в частных домах станицы Сре-

тенской не было, так как все заболевшие немедленно отправлялись в околосок, или приемный покой в военном городке. Заболевшие сыпным тифом наблюдались с декабря по настоящее время. Наибольшее число их приходится на дома Андоверова, Михайлова, Зимина откуда все военнопленные расквартированы в военном городке. Так как в станице имеется только две кухни, откуда пленные брали пищу, что обуславливало частое общение обитателей разных домов, что зараза легко могла передаваться из дома в дом, поэтому все дома приходится считать подозрительными и периодически дезинфицировать. Ввиду этого точная регистрация заболеваний, приходящихся на каждый дом довольно затруднительна, так как частичный характер заболевания зачастую выясняется лишь после многодневного наблюдения больного, не имеет практического значения».

Учитывая серьезность создавшегося положения, Распорядительным Комитетом были приняты все необходимые меры по локализации эпидемии. Все больные были переведены в лазарет военного гарнизона, в специально отведенные, отдельно стоящие бараки за территорией лагеря. К 10 марта 1916 года все военнопленные нижние чины, а их оказалось около 3000 человек, были выведены из обывательских квартир станицы Сретенской. Большая часть из них была размещена в военном гарнизоне, остальные отправлены по железной дороге в европейскую часть России.

Совсем по-иному представлялась и излагалась картина событий, происходящих в Сретенском лагере авторами книги⁹ Juhl E. Klante M., Epstein H.

«Когда шведская делегация прибыла с гуманитарной помощью в Иркутск, то они узнали, что кроме задачи помощи им необходимо решать и другие задачи. Так в Сретенске, маленьком казачьем городке с населением в семь тысяч человек, что располагался восточнее озера Байкал, осенью 1915 года разраз-

илась эпидемия тифа. Там, в двух больших бараках, было размещено 11 000 военнопленных. Узнав об этом, Эльза Брендстрем и Этель фон Хейденстам, в Рождество 1915 года прибыли в Сретенск. Русские посты, чтобы не заразиться, отошли от лагеря на несколько сот метров. Поэтому обе сестры без труда попали в лагерь. Что они увидели, Эльза Брендстрем описывала позднее так: «пол был усеян людьми, одни полу-

Elsa Brandström

Эльза
Брендстрем

голые, другие в униформе и обуви; стояло несколько железных кроватей без матрацев или соломенных тюфяков, на кроватях лежало по двое больных и часто под ними еще по два. Во всем помещении не было ни одного одеяла или подушки, тут и там вместо подушек под головами лежали полена, не хватало воды, чтобы попить, не то, чтобы стирать и варить. Здоровенного роста врач со слезами на глазах разводил руками, как без медикаментов, кроватей, посуды, что-то можно было здесь предпринимать...

Баракы зимой было невозможно отопить. Воду доставляли в ведрах из реки Шилки. Пленные при этом часто обмораживали конечности, которые затем приходилось ампутировать. Добровольно никто не хотел делать эту работу. Врач безрезультатно просил выделить для больных соседний пустой барак, чтобы разделить больных и здоровых. Также безрезультатно добивалась присланная для военнопленных американская амбулатория с врачами, медсестрами и материалами, разрешение у Штаба в Иркутске посетить Сретенск, чтобы воспрепятствовать разрастанию эпидемии. Пленные оставались без какой-либо помощи и были представлены сами себе. И вопреки всему, сколько все же сверхчеловеческого встречалось на каждом шагу! Так, например, в углу лежал один молодой мужчина, ни одно животное во дворе его отца не находилось в такой грязи как он. «Передайте привет моей маме, но не рассказывайте, в какой нищете я умираю» – была его последняя просьба. Отцы семейств сопротивлялись смерти, но, в конце концов, они сдавались, последние мысли их относились к женам и детям и их губы шептали: «Пусть ваша жизнь не будет слишком трудной. Я бы с удовольствием жил, чтобы заблудиться о вас!». Другой военнопленный, незадолго до своей смерти писал в своем дневнике: «Мою жизнь захватывает ночь боли, а неразумный солнечный блеск не хочет покидать мое сердце». На каждом шагу встречалась борьба между молодой жизнью и преждевременной смертью. Тот, кто заглянул в эту могилу, или кто сам там был и обреченно смотрел перед собой, тот понял правду слов поэта: «Если наш взгляд видит чудовищное, то разум отказывается что-либо понимать...».

Обе сестры обнаружили, что состояние в лагере такое, что возможен бунт. Ненависть и сомнения военнопленных росли, так как они знали, что желающих им помочь в лагерь не пускают. Сестры после посещения лагеря направились

к коменданту и потребовали, чтобы он следовал с ними в лагерь. Он воспротивился, так как вход в лагерь был воспрещен. Но они от имени Красного Креста настояли, чтобы комендант посетил подведомственный ему лагерь. Побывав в одном из бараков, он от ужаса сравнил его с адом, и что он себе подобного представить не мог. Тотчас он дал сестрам полную свободу действий. Разрешено было задействовать пустые бараки. Из привезенного материала на сорокаградусном морозе, вне барак, шились мешки для соломы. Больных изолировали, отмыли, продезинфицировали, одели в чистое и уложили на соломенные мешки, каждому выдали по подушке и два одеяла. Все это удалось сделать в течение нескольких недель.

Спустя два месяца эпидемия в Сретенске была затухающей. В Сретенске, по признанию Эльзы Брендстрем, им помогло то, что они имели деньги и там израсходовали 30 тысяч рублей, оснастив полностью больницу на 550 коек, купив материал для мешков с соломой, подушки, одеяла, котелки, четырех лошадей, которые стали принадлежать только военнопленным, и с ними стали привозить воду, емкости для воды, сани, посуду. Солдатам деньги были частично розданы на руки наличными».

Эльза Брендстрем, в своей книге¹⁰ описывая события зимы 1915-1916 года в Сретенском лагере, рассказывала о военнопленных, размещенных на территории бывшего переселенческого пункта у железнодорожной станции, рассчитанного на 3000 человек. В частности, она писала: «На другой стороне реки, на крутой горе расположены бараки, которые были построены русскими строителями, приехавшими в Восточную Сибирь», что «больных собирали в нескольких бараках...», а авторы книги Juhl E. Klante M., Epstein H. указывают на то, что «там в двух больших бараках, было размещено 11 000 военнопленных» (!).

По мнению авторов книги, Забайкальский Областной Распорядительный Комитет, администрация лагеря, а также лагерный Комитет военнопленных, в работу которого входило взаимодействие с различными благотворительными организациями, международными

обществами Красного Креста, бездействовали...

Факты, приведенные в книге авторами Juhl E. Klante M., Epstein H., на мой взгляд, по меньшей мере, сильно преувеличены, искажены и приукрашены, и с ними нельзя согласиться в полной мере.

К сожалению, нет точных данных о числе заболевших и умерших военнопленных в Сретенском лагере.

Эльза Брендстрем – сестра милосердия Шведского Красного Креста, проследившая судьбы военнопленных в России и Сибири от начала, до конца плена. Благодаря ее пребыванию в Петербурге с 1908 года, где ее отец был шведским послом, она познакомилась уже перед войной с русскими условиями, и сразу же после начала войны приступила к сотрудничеству со всеми организациями, которые занимались пленными.

В 1927 году в Берлине опубликовала свою книгу «Среди военнопленных в России и Сибири в 1914-1920 годах», которая была написана на основании фактов, полученных ей за пять лет пребывания среди военнопленных, в качестве

сестры милосердия – делегата Шведского Красного Креста и по поручению Шведского и Датского посольств.

В своей книге Эльза Брендстрем писала:

«Моя деятельность привела меня в большие сборные пункты в Европейской части России, и через всю Сибирь от Омска до Владивостока. Я работала в первый год войны в Петербурге по обмену тяжело ранеными военнопленными между Россией и Германией, зимой 1915-16 годов – в Сибири, весной 1916 года – в Пензе в пропускном пункте для пленных, которых направляли на работы, и затем – 6 месяцев в Москве, позднее в Петербурге, и со второй половины 1917 года до лета 1920 года – в Сибири. Моя деятельность была связана примерно с 700 000 пленных в лагерях, лазаретах и на рабочих местах. Я старалась, как это только было возможно показать в моих записях объективную картину плена. При этом я пыталась описать судьбы многих

Пароход «Адмирал Лихачев» на фоне пересеченного пункта.

пленных и привела лишь некоторые случаи, чтобы осветить положение в общем. Работа, которая выполнялась на родине учреждениями и частными лицами, описана в книге, каким образом она происходила в России. Военнопленные мало знали, какую бесконечную работу и энергию использовали на родине, чтобы достичь порой незначительных результатов. Чисто количественный результат этой работы показывают таблицы в конце книги. Все приведенные там отправления действительно попали в руки пленных, но, а большинство частных отправок из-за ненадежности русского почтового, банковского и транспортного дела пропали безвозвратно. Россия – страна контрастов, и эта своеобразность проявилась как раз в отношении военнопленных. Поэтому, в моих рассказах есть некоторые констатации,

которые могут показаться читателю противоречивыми. В России пленные пользовались в определенные времена свободой и благополучием, которого не было у военнопленных в других странах. Но это радушие не уравнивает смерть почти 600 000 товарищей, которые умерли в нужде и лишениях или нищете. Многие сотни тысяч вернулись домой физически или душевно разбитыми. Мое горячее желание помочь возвратившимся домой военнопленным, так как многие из них не могут решиться на борьбу за жизнь, и должны обеспечиваться государством из-за своей полной инвалидности. Поэтому, я надеюсь, благодаря выручке и пожертвованиям создать рабочие санатории, в которых бывшие военнопленные из России могли бы получить возможность стать снова жизнелюбивыми людьми».

ТРУД ВОЕННОПЛЕННЫХ

С появлением военнопленных в Забайкалье, испытывавшем хронический дефицит рабочих рук, столь значительного контингента трудоспособных мужчин, было принято решение о привлечении их военными и гражданскими властями для решения ряда хозяйственных задач. Первоначально на этом настаивали медики, полагавшие, что таким способом можно укрепить здоровье пленных, постоянно находившихся в казармах, и предотвратить распространение инфекционных болезней. Порядок организации их труда регламентировался нормативными документами, утвержденными Советом Министров, среди которых были:

«Правила о порядке предоставления военнопленных для исполнения казенных и общественных работ в распоряжение заинтересованных в том ведомств»¹¹ от 16 сентября 1914 года, «Правила об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы» от 28 февраля 1915 года, и дополнения к ним от 22 апреля и 1го июля 1915 года, «Правила об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предпри-

ятиях» от 17 марта 1915 года. (Собрание Указаний и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Петроград. 1915 год. Собр. № 281).

Земским учреждениям и городским общественным управлениям, предполагающим организовывать работы с применением труда военнопленных, предписывалось проведение работ на основании вышеназванных правил¹² на следующих началах:

1. Военнопленные, нижние воинские чины могут быть предоставлены в распоряжение земских учреждений и городских общественных управлений лишь для производства дорожно-строительных и других земляных, мостильных и других работ, не требующих особых специальных познаний и подготовки. При распределении военнопленных на означенные работы, преимущество отдается работам, носящим капитальный характер, и имеющим более или менее их широкое общественное применение.

2. Назначение на работы военнопленных небольшими партиями представляется нежелательным.

Лагерь военнопленных в станице Сретенской. Военные нижние чины портные.
20 июля 1916 г.

3. Ближайшее заведование производимыми трудом военнопленных работами, равно как и работы по содержанию, снабжению одеждой, обувью и бельем, а так же довольствию военнопленных и оказание им надлежащей медицинской помощи возлагаются на земские учреждения и городские общественные управления. При этом,

военнопленные в местах работы должны размещаться в бараках, и лишь при отсутствии таковых в ближайших селениях в частных домах, но непременно казарменным порядком¹³. Продовольствоваться во время работы нижние чины должны из общего котла, на одинаковом основании с нижними чинами русской армии.

Лагерь военнопленных в станице Сретенской. Военнопленные нижние чины – хлебопеки.
20 июля 1916 г.

Лагерь военнопленных в станице Сретенской.
Военнопленные нижние чины.
Сапожная мастерская.
20 июля 1916 г.

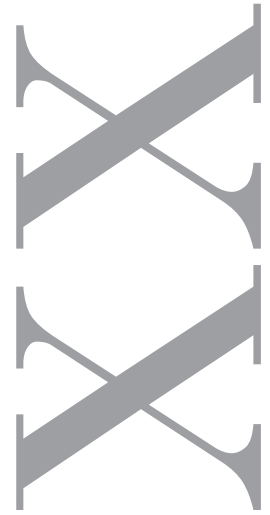
4. Надзор за военнопленными возлагается на особо для сего нанимаемых в достаточном количестве по распоряжению Губернского начальства, десятников и сторожей, которые должны быть вооружены тем, чем общее руководство этой охраной вверяется. При весьма значительном числе военнопленных рабочих и недостаточности надзора десятников и сторожей, надзор этот

по предварительному соглашению Губернатора в каждом отдельном случае с Командующим войсками округа, может быть усиливается местной военной властью, путем командирования на место работ ополченцев.

5. Назначенные на работы военнопленные принимают подлежат уездным исправником или становым приставом, который подписывает со-

Лагерь военнопленных в станице Сретенской.
Военнопленные нижние чины – свиноводы.
20 июля 1916 г.

вместно с лицом, сдающим военнопленных, поименный их список.

6. Все расходы, связанные с содержанием военнопленных и с использованием их как рабочей силы, подлежат отнесению на счета, специально отпускаемые из средств Государственного Казначейства на сей предмет сумм, их коих, одновременно с представлением подлежащим земским учреждениям и городским управлениям военнопленных, будут авансом переводимые потребные суммы: земствам и городам – на расходы по содержанию военнопленных, снабжению их одеждой и помещением, губернским же начальствам – на расходы по организации потребного надзора за военнопленными. В израсходовании означенных средств подлежащие учреждения и должностные лица обязаны подробной отчетностью.

7. Ходатайства земств и городов о предоставлении в их распоряжение на указанных основаниях военнопленных, должны быть направляемы губернскими и областными начальствами Министерству Внутренних Дел с предоставлением нижеследующих данных:

- о местах производства работ;
- о характере самих работ;
- о потребном числе военнопленных для каждой отдельной работы;
- о продолженной продолжительности производства проектируемых работ, и о намеченном сроке приступа к ним;
- о помещениях, в которых предусмотрено разместить военнопленных;
- о лицах, назначенных для приема пленных от начальника военного конвоя;
- о расходах на все время производства работ на наем, содержание всего необходимого количества десятников и сторожей для военнопленных;
- о стоимости продовольствия на каждого военнопленного;
- о расходах по снабжению всех военнопленных одеждой, обувью и бельем;

– о средствах, необходимых на приспособление, наем или устройство помещений для пленных.

Первоначально, по расчетам властей, труд военнопленных не должен был оплачиваться. Однако работая без компенсации, пленные давали низкую производительность труда. Поэтому Правительство постепенно вносило изменения в правила использования труда пленных и отменяло ограничения на оплату. Менялась и оценка роли труда пленных. Если от 2-го сентября 1914 года устанавливалась «желательность принудительного обращения военнопленных на казенные и общественные работы...», то уже 17 марта 1916 года Главное Управление Генерального Штаба предписывало, чтобы «ни один военнопленный, сколько-нибудь трудоспособный, не оставался в лагере без назначения».

Офицеров, в отличие от нижних чинов, к обязательному труду не привлекали. Зато некоторые из них могли подыскать себе в городе хорошо оплачиваемую работу. Востребован был труд инженеров, бухгалтеров, каменщиков, сапожников и портных.

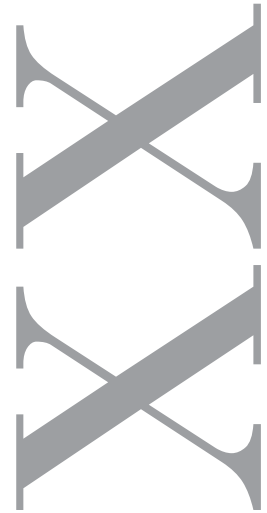
В Сретенске военнопленные работали в лагерных кустарных мастерских, созданных для удовлетворения собственных нужд: делали зажигалки, портсигары, мундштуки, чинили и шили обувь, головные уборы, одежду, мастерили игрушки и музыкальные инструменты, отливали из металла кольца, ложки и рукоятки ножей; в Военно-промышленном Комитете, в хлебопекарне для военнопленных, на лагерном подсобном хозяйстве, у подрядчика Плома, в почтово-телеграфной конторе, у владельца фотографии Мацкевича, в Сретенском станичном Правлении на общественных и сельскохозяйственных работах, на лесозаготовках и сплаве леса по рекам Черная, Иралга. В Сретенске и сегодня сохранилась часть переулка М.А. Штейна, вымощенная булыжником военнопленными. На кожевенном заводе Я.С. Андоверова и Шкловского работало постоянно 119 военнопленных сапожников. Труд их оплачивался. За каждую сшитую пару солдатских сапог им платили 99 копеек. В сапожной мастерской при потре-

**Сведения о военнопленных нижних чинах Забайкальской области,
отправленных на работы по состоянию на 1 марта 1916 года.**

Наименование работ	Герман- ская армия	Австрийская армия			Турецкая армия
		Австро- немцев	Славян	Румын	
Сельскохозяйственные работы	10	2	–	–	–
Земские учреждения	–	–	–	–	–
Городские учреждения	13	17	–	–	–
Горнопромышленные	44	12	–	–	–
Торгово-промышленные	–	–	–	–	–
Ведомство путей сообщения	14	79	26	1	–
Землеустройства	–	5	–	–	–
Частным лицам	41	138	–	–	–
Отправлено в Казанский округ на сельскохозяй- ственные работы	84	800	989	322	639

**Сведения о числе военнопленных, находившихся на работах в Забайкальской области
на 1 марта 1916 года.**

Названия работ	Из какого гарнизона отпущены и сколько						Итого
	Читин- ский	Троицко- савский	Нерчин- ский	Сретен- ский	Даурский	Березов- ский	
С.Х. работы	12	–	20	–	–	44	76
Городские учреждения	30	–	–	–	–	6	36
Горно- промышленные	56	–	–	–	–	60	116
Вед. путей сообщения	120	–	–	–	–	–	–
Землеустройства	5	–	–	–	–	–	5
Военное ведомство	391	–	–	141	–	2	534
У частных лиц	179	3	–	22	–	69	273
Отправлено На с.х. работы в Казанский округ	2834	–	–	–	–	–	2834
Всего	3627	3	20	163	–	181	3994

бительском обществе «Эконом» работали военнопленные из Варшавы.

Из приведенных ниже таблиц¹⁴ видно, какое количество военнопленных использовалось на разных работах в Забайкальской области на 1 марта 1916 года.

На примере этих таблиц видно, что военнопленных широко использовали на различных работах.

Газета «Забайкальская Новь» 13 июля 1917 года писала:

**«Военнопленные
для сельскохозяйственных работ».**

«Обсудив доклад представителя областного продовольственного агронома Иконникова, «О необходимости предоставления военнопленных для нужд сельского населения при уборке хлебов и трав», и необходимости немедленного распоряжения об отпуске 50-ти военнопленных областному продовольственному Комитету

МЕЖДУНАРОДНЫЕ МИССИИ КРАСНОГО КРЕСТА

С 1915 года началось активное взаимное посещение лагерей военнопленных делегациями Красного Креста воюющих и нейтральных стран. Главным Управлением Генерального Штаба были разработаны специальные правила посещения пунктов размещения военнопленных уполномоченными Красного Креста.

1. Разрешалось посещение военнопленных, но обязательно в присутствии русского офицера, владеющего немецким языком.

2. Разрешалось заполнять опросные бланки, делать отметки и записи о положении военнопленных, раздавать им деньги и подарки в размере до 50-ти рублей или 100 марок офицерам и 10 рублей или 20 марок нижним чинам.

3. Члены делегации могли иметь при себе фотоаппараты, делать снимки военнопленных и оставлять их у себя (по распоряжению военных властей, этот пункт мог отменяться).

для осушения хлеба на станции Борзя, совет солдатских депутатов постановил:

1. Немедленно откомандировать 50 чехов военнопленных для строительной комиссии.

2. Экстренно телеграфировать окружному бюро и командующему войсками Иркутского военного округа, о необходимости откомандирования 500 человек военнопленных солдат из состава строительной Комиссии для обслуживания сельского населения при уборочных работах.

3. Снять всех военнопленных у Читинской городской Управы и у частных лиц, не работающих на оборону.

Трудились военнопленные в целом удовлетворительно. Применение этой массовой дешевой рабочей силы давало большую экономию бюджетных средств, что достигалось, прежде всего, за счет низкой оплаты труда.

4. Запрещалось передавать военнопленным письма, а также брать их от военнопленных.

Все поездки находились под строгим контролем Петрограда, откуда поступали дополнительные инструкции относительно каждой делегации и рассылались по местам. К примеру, Управляющий Канцелярией Иркутского Генерал – Губернатора 13 октября 1915 года в своем письме за № 188¹⁵ писал Военному Губернатору Забайкальской области:

«В дополнение от 9 мин. Сентября за № 9901 Канцелярия имеет честь уведомить Ваше Превосходительство, что на днях имеет отбыть из Иркутска в Забайкальскую область для осмотра мест расселения военнопленных германцев, делегация из германской сестры милосердия Фон – Вальслебен, делегата Датского Красного Креста Мейера и прапорщика Егерского полка Семенова – Тяньшанского.

Для присутствования при осмотре означенной делегацией, находящихся в г. Верхнеудинске военнопленных германцев, Главным Начальником

Края командирован делопроизводитель Канцелярии Коллежский Ассесор В.Л. Першке.

Из Верхнеудинска делегация имеет отбыть прямо в город Читу, где осмотр ею военнопленных германцев должен происходить согласно телеграмме Министра за № 1275, при непременно всегда присутствии одного из чинов областной администрации, знающего немецкий язык. По прибытии в Читу делегация имеет представится Вашему Превосходительству и получить от Вас соответствующие указания.

О дне выезда делегации из Иркутска и Верхнеудинска, а так же о всех изменениях, как маршрута, так и состава делегации Ваше Превосходительство будете извещены телеграфом».

На документе имеется резолюция Военного Губернатора Забайкальской области:

«При осмотре делегаций военнопленных в Чите, Нерчинске, Даурии, Сре-тенске присутствовать Надворному Советнику А.Г. Гюргенсу, коллежскому секретарю Заболотскому и присяжному переводчику Жаркову. Кроме того, в каждом из названных пунктах комендантскому адъютанту или коменданту».

Уполномоченные Американского Посольства в Петрограде также могли с разрешения канцелярии Иркутского Генерал – Губернатора посещать места расселения военнопленных в присутствии представителя местной полицейской власти, для раздачи последним, без различия национальности, денежного пособия не более 30 рублей в месяц одному лицу и оказывать им вообще продовольственную помощь.

В приказе Военного Губернатора Забайкальской области от 15 января 1916 года указывалось:

«Второму секретарю Американского Посольства Стерлингу разрешено посетить места расселения неприятельских военнопленных, с выдачей им пособия.

Для присутствования при осмотре вышесказанными лицами пленных,

находящихся в городах Баргузине, Чите, Нерчинске, станице Сретенской командирую Надворного Советника А.Г. Гюргенса».

Миссия Стерлинга носила ознакомительный характер, он изучал нужды и пожелания военнопленных.

Все эти делегации и Миссии, по мнению Жандармского Управления Забайкальской области, не всегда имели ознакомительные и благотворительные цели.

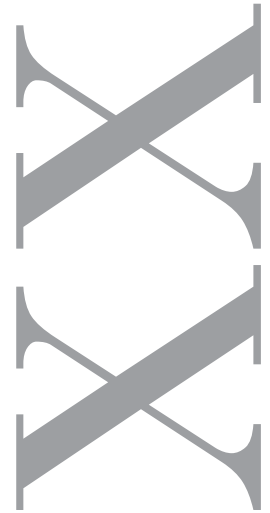
Так, в июле 1916 года Забайкальскую область посетила делегация Шведского общества Красного Креста. Хотя и сообщалось, что « делегация допущена к посещению мест внутреннего водворения военнопленных для ознакомления с их нуждами и передачи доставленных из-за границы подарков», имела явно секретные цели. По этому поводу Жандармское Управление в своем письме от 01.07.1916 года за № 3514¹⁶ информировало Военного Губернатора.

ЛИЧНО. Совершенно секретно.

«По прибытии в Россию делегации Шведского общества Красного Креста, в состав коей входят Гальстрем и Петр Ионасон, высшими военными властями были получены сведения, что делегация эта, объезжая союзные армии, старается выяснить для враждебных нам центральных держав способность к продолжительной борьбе наших боевых средств, духа армии и настроения народа.

Будучи снабжены денежными средствами в неограниченном количестве, делегаты, в особенности молодежь, среди коей особенно выделяется Гальстрем, вела широкий образ жизни, посещая рестораны и другие увеселительные места, заходили на местах необходимые им знакомства в женской среде, преимущественно еврейской, и на почве этого получали необходимые сведения, и пользовались своими знакомыми женщинами, как посредниками для достижения своих секретных целей.

В отношении Гальстрема, за время проживания его в Чите имеются следующие негласные сведения:

1. Гальстрем находится в близких отношениях к жене Читинского купца Рахили Марковны Файнгольд, коей Александр Григорьевич Файнгольд в апреле прошлого года способствовал побегу из Читы военнопленных офицеров Дебрецени, Полмай, Томко и Дьенешу.

2. Гальстрем способствует нелегальной передаче и отправке корреспонденции военнопленных офицеров за границу при своих посещениях их помещений. Особенно часто отправляются документы, рисующие в тенденциозно – извращенных красках, якобы, бедственное положение пленных в России в отношении режима и содержания. Гальстрем отправляет эти документы через Шведское Консульство в Петрограде за границу.

3. В январе сего года на имя Гальстрем был получен денежный перевод из Тяньцзина через Сибирский банк на 10 000 рублей для военнопленных в Чите от Елизаветы Густавны Ханнекен, которая по сведениям Генерального Штаба является одним из агентов существующего на средства Германского Правительства в Китае, с центрами в Тяньцзине, Пекине и Шанхае, «общества оказания денежной помощи Германским пленным в Сибири». Это «Общество», завязывая под предлогом благотворительности сношения как с военнопленными, так и со свободно проживающими в России лицами немецкого происхождения и евреями, ведет широкую военную разведку, пользуясь так же содействием умышленно для сего сдающихся нам в плен особо избранных германских офицеров и нижних чинов.

Во время поездки в Китай, Петр Ионасон имел несомненное свидание с Елизаветой Ханнекен и вообще деятельности Ионасона и Гальстрема тождественны.

Принимая во внимание вышеизложенное, я полагаю бы, что эти лица доверием Русского Правительства пользоваться не могут».

В сентябре 1916 года Забайкалье посетила миссия Датского Красного Креста. В ее состав входили: делегат Датского

Красного Креста Отто Фоглер, австро-венгерская сестра милосердия графиня Нора Кинская и представитель Российского общества Красного Креста князь Б.Г. Кочакидзе. В отношении Отто Фоглера Военному губернатору Жандармское Управление в своем письме от 14 сентября 1916 года за № 1510¹⁷ докладывало следующее:

«В составе второй делегации значится датский подданный Отто Фоглер, про которого имеются следующие неблагоприятные сведения:

Отто Фоглер, проживая в 1914-1915 годах, в станице Стретенской, в качестве пивовара, а потом совладельца на заводе Шустова, обратил на себя внимание проявлением особой симпатии к прибывшим в Стретенск военнопленным офицерам немецкой национальности. Принимал их у себя на квартире, снабжал дорогими закусками и пивом, оказывал им всякого рода услуги, ездил во время войны из Стретенска за границу.

Во время приезда в ноябре 1915 года германской делегатки баронессы Вальслебен в станицу Стретенскую, Фоглер имел общение с членами делегации и сопровождал ее от Стретенска до станции Приисковой Забайкальской железной дороги.

По поступившим в июне сего года агентурным сведениям, заслуживающим доверия, Фоглер исполнял секретные поручения военнопленных офицеров Читинского гарнизона в нелегальных сношениях их с границей путем отправки важной корреспонденции».

По сравнению с другими делегациями, миссия, возглавляемая графиней Кинской, особенно тщательно знакомилась как с порядком размещения и быта, так и условиями организации труда военнопленных. Безусловно, это во многом объяснялось тем, что брат графини также находился в плену в Омске. Миссией было отмечено, что одним из положительных моментов является то, что в лагерях Забайкальской области существовали Комитеты военнопленных.

В этой поездке графиня Нора Кинская также выполняла миссию по передаче во-

еннопленным специального письма «Относительно льгот военнопленным офицерам»¹⁸, подготовленного в июне 1916 года военным министерством Австро-Венгрии в связи с многочисленными обращениями родственников военнопленных, которые испытывали естественную тревогу о судьбе своих родных, находящихся в плену, после возвращения на родину. В письме говорилось:

«По Высочайшему повелению Его Величества Императора и Короля военное министерство имеет честь просить сестер Красного Креста, едущих в Россию, сообщить военнопленным офицерам, чиновникам, кандидатам на офицеров и чиновников что причины, заставившие их сдать в плен, будут рассматриваться доброжелательно, и что родина ценит все сделанное офицерами и врачами для нижних чинов». Кроме того, военное министерство давало сестрам полномочия «передать военнопленным офицерам, чиновникам, кандидатам на офицеров и чиновников, чтобы они лучше перестали делать неудачные попытки к побегам, хотя они доказывают их похвальные намерения. Подобные бесполезные усилия влекут за собой ухудшение положения остальных военнопленных, и таким образом, наносят вред оборонительной силе монархии».

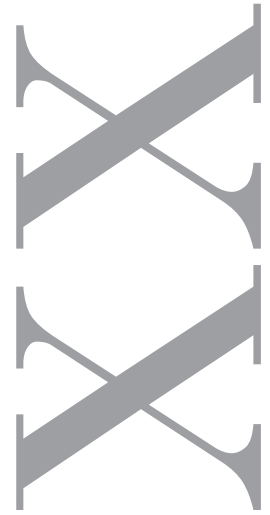
Находившимся в России офицерам военное министерство предлагало «всеми силами помогать военнопленным нижним чинам и тактично и энергично защищать их интересы перед русскими властями, что уже теперь практикуется во многих лагерях военнопленных с большим успехом». Далее в письме подчеркивалось: «Энергичное выступление на защиту подчиненных не должно, однако, сводиться к бесцельным и безрезультативным требованиям и спорам. Если военнопленные офицеры добросовестно отнесутся к этой обязанности, то окажут этим ценные услуги оборонительной силе монархии». Военное министерство рекомендовало австро-венгерским военнопленным офицерам: «в целях прогулок и фи-

зических упражнений, а так же для других особых дел (например, для посещения зубного врача, покупок) вне лагеря, давать честное слово в том, что они не будут во время этих прогулок не убегать, не делать попыток к побегу и ничего в это время не предпринимать такого, чтобы было направлено против безопасности государства, в коем они находятся».

Поскольку честное слово офицера высоко ценилось, в письме разъяснялось, что обязательства эти «действительны лишь в вышеупомянутых случаях. Честное слово дается военнопленными офицерами в вышеприведенной форме, которая не может быть изменена, перед выходом на время свободы и подтверждается письменно. Обязательства эти прекращаются по возвращении в лагерь. В случае, если военнопленный офицер не исполнит данного обязательства, то потеряет право на льготы и будет снова возвращен в Россию, если два его товарища подтвердят, что вместо исполнения обязательства он использовал данную свободу для совершения побега». В завершении письма особо отмечалось, что «данная просьба, по согласию между императорским и королевским министерством государственной обороны, касается полностью офицеров и императорского, и королевского венгерского ландвера, а также императорского и королевского венгерского ландштурма».

В своих беседах с военнопленными офицерами графиня Кинская передала поручение императора Франса Иосифа прекратить побег, так как побег стали вообще бесцельными и лишь отражаются на оставшихся введением более тяжелого режима. «Это не приказ императора, а его желание, и с ним, конечно, каждому пленному надлежит считаться», – сказала она.

В целом, результаты посещения Забайкальских лагерей различными делегациями обществ Красного Креста в 1915 – начале 1917 годов, говорили о том, что содержание, как офицеров, так и нижних чинов, было нормальным и отвечало правовому статусу военнопленных, определенных в Брюссельской декларации и Гаагской конвенции 1907 года «О законах и обычаях сухопутной войны».

ПОЛОЖЕНИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ В 1917 НАЧАЛЕ 1918 ГОДА

После февральских событий 1917 года и отречения Николая II от престола, положение военнопленных изменилось в части, касавшейся ослабления режима и содержания. Внимание Временного правительства было обращено на смягчение участи, прежде всего, российских военнопленных, а через этот шаг враждебным странам давалось понять, что таковые же меры будут предприняты к их подданным. Вопрос о гуманитарной помощи российским военнопленным и, косвенно, военнопленным противника был рассмотрен Временным правительством России в первый же месяц своей деятельности. 22 марта 1917 года было утверждено «Положение о Центральном Комитете по делам военнопленных при Главном Управлении Российского Общества Красного Креста». В нем, в частности, говорилось, что для согласования и объединения деятельности всех учреждений этого Комитета и других общественных организаций, занимавшихся делами о военнопленных и оказанием им помощи, как в России, так и за границей, Комитету предоставляется право созывать съезды своих представителей, выработать инструкции и осуществлять их. Тем самым были подтверждены связи российского Красного Креста со своими зарубежными партнерами.

Тяжелая общая обстановка в стране сказалась на условиях содержания и режима военнопленных. По воспоминаниям самих военнопленных, паек, выдаваемый военным ведомством, был значительно уменьшен¹⁹. Снабжение продуктами, одеждой, бельем, предметами быта, медикаментами ухудшилось. Порой дело доходило до крайности.

Вот что писала газета «Забайкальская Новь» от 29 июня 1917 года:

«Ходатайство военнопленных»

«Совет солдатских депутатов нашел возможность удовлетворить ходатайство военнопленных врачей о выдаче им форменной одежды умер-

ших в Чите военнопленных, для раздачи нуждающимся военнопленным».

По существу, после Октябрьской революции пленные часто оказывались без продовольственного и финансового снабжения со стороны новых властей. В этот период все больше возрастала роль Красного Креста и других общественных организаций.

В 1917 году, транспорты с гуманитарной помощью Красного Креста часто задерживались на станциях, и чтобы они шли дальше, приходилось давать взятки. Еще при первом транспорте русские власти пытались сами раздавать эту гуманитарную помощь, но шведские представители настояли на том, чтобы они сами от начала и до конца проводили эту работу²⁰. В конце 1917 года генерал Брендстрем, хорошо знавший ситуацию в России, несколько раз обращался к германскому правительству о выделении многих миллионов марок для военнопленных, но положение в Германии с финансами было напряженным. В конце 1917 года Эльза Брендстрем и Этель фон Хейденстам поехали в Берлин и рассказали об увиденном в Сибири императрице Августе Виктории, обещавшей помочь. В результате чего для военнопленных в России и в Сибири было выделено три миллиона марок, а также 100 тысяч лично пожертвовал кайзер. В Вене шведки добились посильной помощи Датскому Красному Кресту для опеки военнопленных австро-венгерской армии²¹.

Эти деньги в виде небольших сумм выдавались непосредственно военнопленным, и были зачастую их основной поддержкой. Потребность в помощи у военнопленных возрастала по мере сокращения опеки со стороны соответствующих российских ведомств. Все надежды связывались с Красным Крестом. Унтер-офицер Карл Бауэр, представитель Комитета военнопленных Сретенского лагеря, писал 3 марта 1918 года в адрес Шведского Красного Креста в Иркутск ответ на два запроса Гамбургского земельного объединения Красного Креста, что запрашиваемые Абель, Манн, Гертнер, Мальэст находятся в лагере, и получили осенью 1917 года все, как и многие другие пленные, кроме мундиров. Некоторым военнопленным удавалось получать финансовую помощь от родственников через Красный Крест.

ДЕНЬГИ ВОЕННОПЛЕННЫХ

За время 1914-1920 годов, стабильный курс бумажного рубля был только в 1914 году, а начиная с 1915 года, постепенно падал приблизительно так: 1915 год на 30%, 1916 год на 50%, 1917 год на 70%, и далее – все это привело к инфляции в этот период. Учитывая то, что отпускаемых государством денег на лагерные нужды не хватало, на рынке образовался дефицит товаров и цены значительно выросли, а жалование военнопленным снизилось примерно вдвое, администрации лагеря совместно с лагерным Комитетом военноплен-

ных пришлось искать дополнительные пути материальной поддержки военнопленных. По примеру других лагерей, в Сретенском лагере были выпущены собственные деньги, которые шли на питание, одежду и обувь, выдавались на руки в качестве зарплаты, поощрений и премий. Эти деньги принимались в отрядных и лагерных лавках, буфетах, находящихся на территории лагеря, а иногда даже в качестве мелких разменных денежных знаков населением города.

При разработке эскизов и оформлении денежных знаков, художниками из военнопленных использовались знаки, символы, персонажи, несущие определенный смысл, элементы национальных орнаментов и мотивов Венгрии и Германии, подчеркивающие характерную особенность, присущую лишь Сретенскому лагерю.

Изготовлены эти денежные знаки на гектографе: 1-й выпуск – на почтовых карточках шведского Красного Креста, 2-й и 3-й выпуски – на пергаментной бумаге, 4-й и 5-й выпуски – на ферротипной бумаге. По всей вероятности, первые выпуски были незначительными, так как за первым выпуском 1916 года последовал второй, более объемный, с дополнительными номиналами в 10 копеек, 15 копеек, 20 копеек и 50 копеек, а затем и третий 1917 года с дополнительным номиналом в 2 копейки. Низкое качество бумаги при изготовлении данных бон не позволяло находиться им в обращении длительное время. Они быстро ветшали и приходили в негодность. После закрытия лагеря, в начале 1920 года, большая часть бон была уничтожена, и лишь незначительная часть осталась на руках у военнопленных и у населения. Хотя боны эти по своему виду примитивны, тем не менее, они уникальны, и сегодня представляют большую коллекционную редкость.

Фактически, эти боны были первыми денежными суррогатами местного значения. Ниже приводятся иллюстрации бон 3 и 50 копеек Сретенского лагеря военнопленных 2-го выпуска 1916 года.

Лагерные боны в Забайкальской области выпускались в Троицкосавске, Давурии, Березовке, Чите, Песчанке и Сретенске и имели хождение только внутри

лагерей. Как правило, выпуски ограничивались мелкими купюрами. Оформление и изготовление этих денежных знаков, в силу технических трудностей и возможностей, было весьма примитивным и отличалось особенностями, присущими каждому лагерю в отдельности. Бумага для этих целей использовалась любая, какую удавалось найти. Так, например, в Читинском лагере военнопленных боны в 1, 2 и 3 копейки были отпечатаны на пишущей машинке на почтовых карточках Шведского Красно-

го Креста. Печатались лагерные боны в типографиях, самодельными штампами, на пишущих машинках, рисовались от руки, размножались на ротаторах. К сожалению, многие лагерные боны утрачены безвозвратно. Но все же, какая-то часть бон осталась, и сегодня бережно сохраняется в собраниях музеев, у коллекционеров-бонистов в России и за границей.

ВОЕННОПЛЕННЫЕ В УСЛОВИЯХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В условиях политической нестабильности возникало все больше проблем с сохранением порядка содержания лагерей военнопленных. Обострился вопрос охраны лагерей. В 1917 году численный состав военнослужащих стал настолько ограниченным, что людей не хватало для несения караульной службы, охраны военнопленных и охраны железных дорог. Охрана лагерей военнопленных была возложена на дружины народного ополчения, далеко не всегда блиставшие своей дисциплиной. В своих воспоминаниях, в книге «О себе», Г.М. Семенов пишет, какая картина представилась ему в Даурском лагере, по прибытию его в Штаб формирований Особого Маньчжурского отряда (в качестве комиссара Временного правительства).

«В Даурию я приехал ночью 28 ноября (1917 года) и остановился у поселкового атамана Даурского поселка. Казаки жаловались на распущенность и бесчинства солдат дружины, охранявшей лагерь. Утром я отправился в казармы, где помещался лагерь и дружина, его охранявшая. Даурский гарнизон состоял из одной ополченческой дружины. Обязанности его заключались в окарауливании лагеря военнопленных; но состояние дружины, совершенно разложившейся, было таково, что не ополченцы окарауливали военнопленных, а скорее последние контролировали дружину». И далее: «Пьянство и грабежи в казачьем поселке были прекращены самыми строгими мерами воздействия, для чего мне пришлось сформировать нечто вроде военно-полицейской команды из военнопленных германцев и турок. Команда эта была поручена барону Унгерну, хорошо владевшему немецким языком и занимавшему должность моего помощника».

Брестский договор Советской республики с Германией, заключенный в марте 1918 года, предусматривал освобождение всех военнопленных. Поскольку стало известно, что солдат, возвращающихся из русского плена,

германское командование сразу же отправляло на Западный фронт, многие военнопленные не торопились покидать Россию. Да и тем, кто стремился вернуться в Германию, вырваться из Сибири было трудно по многим разным причинам, в том числе и из-за развала транспорта.

В период власти атамана Семенова содержание военнопленных в Сретенском лагере стабилизировалось. Хотя рыночные цены на продукты росли ежемесячно, снабжение продовольствием осуществлялось в достаточной мере. В целом в Сибири, с мая 1918 года по январь 1919 года, цены на продукты выросли более чем в семь раз²². Интересна справка Совета Кооперативных Съездов Забайкальской области «О закупочных ценах рынка на мясо»:

- в апреле и мае 1919 года – 55-80 рублей за пуд;
- в июне-августе 1919 года – 80-120 рублей за пуд;
- в сентябре-октябре 1919 года – 240 рублей за пуд;
- в январе-феврале 1920 года – 1100 рублей за пуд.

С апреля 1920 года, когда в распоряжении закупщиков появились Читинские денежные знаки («воробы» и «голубки»), цена с 1300 рублей поднялась на 4000 рублей за пуд мяса. Примерно в такой же пропорции росли цены и на другие продукты питания.

И все же, в сложившейся сложной обстановке руководство лагеря делало все возможное для обеспечения нормальной жизни военнопленных, осуществляя контроль, проводя проверки, выявляя замечания и устраняя их.

Во время Гражданской войны положение военнопленных ухудшилось в плане их безопасности.

Некоторое время в Сретенске жил и работал большевик Адольф Осипович. С началом Гражданской войны ему было поручено руководством проведение агитационной работы среди военнопленных Сретенского лагеря, с целью привлечения последних на сторону Советов. Часть военнопленных, в основном, венгров в 1918 году приняла идеи революции и в дальнейшем сражалась в рядах красноармейских отрядов ин-

ПРИКАЗЪ

По частям Стретенского гарнизона № 107.

Января 25 дня 1919 года, станица Стретенская.

Января 17 дня, 1919 года, в 11 часов дня, мною посещен Стретенский лагерь военнопленных нижних чинов.

По списку военнопленных состоит 656, на довольствии 163. Помещение, занимаемое военнопленными – бывшая столовая 16го Сибирского стрелкового полка, большое, и военнопленные размещены в нем свободно. Само помещение, как не приспособленное для этой цели, не соответствует своему назначению. Температура в помещении очень низкая, 6-7 градусов. Окна промерзли, с потолка капает вода, образовавшаяся от прикосновения пара к железным балкам потолка. В умывальной комнате очень холодно, и вода в умывальниках замерзает. Для сушки белья приспособлений нет. Само помещение содержится чисто и опрятно. Заведующему военнопленными, с согласия заведующего зданием, местного инженера подпоручика Андреева, разрешаю поставить две железные печи с добавкой одной сажени дров сверх отпускаемых. Матрацы имеются не у всех, а так же у многих военнопленных имеется по одной смене белья. Заведующему военнопленными озаботиться приобретением матрацев, хотя бы из дешевой материи. Баней пользуются военнопленные каждую субботу и мыльным довольствием удовлетворены. Вид у военнопленных здоровый, за исключением признанных комиссией инвалидами. Кухня содержится чисто, продукты хранятся опрятно. На обед был приготовлен постный суп, очень вкусный (по раскладке должен быть суп с рыбой, но военнопленные получают по желанию рыбу в сыром виде). Каша тоже хорошая, хлеб хорошего качества. Находящиеся на работах военнопленные просят прибавить порции хлеба (хлеба выдается один фунт). Заведующему военнопленными регулировать работу между ними, дабы уравнивать пребывание на свежем воздухе и получение продовольственного пайка. Стоимость содержания одного военнопленного 58,9 копеек в день. Амбулатория военнопленных обслуживается военнопленным врачом, СекеВинеръ. В амбулатории чисто и опрятно, медикаменты необходимые имеются. Заболевание военнопленных за последние три месяца нормальное. По докладу врача, кожных болезней нет, но есть много венерических больных. Нельзя не обратить внимание на то, что не смотря на не совсем приспособленное для жилья помещение, благодаря внимательному отношению к делу военнопленного врача СекеВинеръ, среди военнопленных мало больных, и совершенно отсутствует кожная болезнь. В общем, содержание военнопленных удовлетворительное.

Приказываю, заведующему военнопленными прапорщику
Лахтину устранить замеченные недостатки.

Подлинный подписал: временно исполняющий обязанности Начальника
Стретенского гарнизона, Полковник – Ходачинский²³.

тернационалистов²⁴. Известно, что часть военнопленных, в основном немцев и австрийцев, приняла сторону «белых» и воевала в подразделениях атамана Семенова и барона Унгерна. Начальником унгерновской гауптвахты был бывший военнопленный Даурского лагеря – подполковник Аксель Лауренц. Основная же масса военнопленных предпочла не принимать какую-либо из сторон и терпеливо ожидала решения вопроса о возвращении на Родину.

Период боев за город Сретенск, с начала 1920 года, для военнопленных был особенно тяжелым периодом повышенного риска для жизни. Так, при боях 3 апреля, партизаны под командованием И.Е. Фадеева, ожидая приказа об отходе из Сретенска, укры-

лись в казармах гарнизона, скрываясь от массированного орудийного огня, ведущегося из поселка Матакан и своих позиций японскими войсками. В этом бою пострадало много военнопленных.

В Сретенске, в пади Филиппиха, на гарнизонном кладбище, силами самих военнопленных на их добровольные пожертвования был установлен общий памятник погибшим и умершим в плену офицерам и нижним чинам.

Надпись на памятнике на венгерском языке:

«В память товарищей, умерших далеко от Родины. Военнопленные офицеры и солдаты союзных, австрийской-венгерской-немецкой и турецкой армий. 1914-1915-1916 гг.».

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

В апреле 1920 года военнопленных из Сретенского лагеря стали постепенно выводить и отправлять в Приморье.

Вот что сообщала газета «Забайкальская Новь» 6 мая 1920 года:

«Эвакуация бывших военнопленных на родину».

«На днях, Шведский Красный Крест закончит эвакуацию бывших пленных германцев и турок из Забайкалья в лагеря Приморской области, которые назначены сборными пунктами для пленных, отправляемых на родину. Первая партия немцев уже отбыла из Владивостока в Германию.

1-го мая Шведский Красный Крест, с согласия главнокомандующего, атамана Семенова, начал так же эвакуацию австро-венгерских пленных».

Дальневосточная Республика была провозглашена 6 апреля 1920 года на съезде представителей трудящихся Прибайкалья в городе Верхнеудинске.

В июне 1920 года Президиум Народного собрания ДВР принял окончательное постановление о ликвидации лагерей «бывших военнопленных империалистической войны», и одновре-

менно объявил их контингент свободными гражданами Дальневосточной Республики. На судьбу бывших пленных власти перестали обращать внимание. Но для нескольких тысяч новых граждан ДВР долгожданная свобода в такой ситуации приобрела принудительный характер. Военнопленных, оставшихся на территории «белого» российского Приморья в сборных пунктах, постигла такая же участь. С осени 1920 года их перевели на «вольное содержание» и заставили освободить занимаемые ранее помещения, что, по сути, означало быть выброшенными на улицу. Последние военнопленные при помощи иностранных консульств и миссий Красного Креста покинули Владивосток лишь в середине 1921 года. К этому времени их соотечественники, бывшие в английском и французском плену, давно уже были на родине. У. Черчилль, активизировавший данный процесс в конце августа 1919 года, писал: «репатриация огромных масс германских солдат... продолжалась непрерывно до тех пор, пока это печальное воспоминание о военном времени не исчезло окончательно из нашей повседневной жизни».

93% военнопленных присуждены были жить в Сибири свыше 5 лет.

Сегодня о пребывании в Сретенске военнопленных Первой мировой войны, австро-венгерской, немецкой и турец-

кой армий напоминают сохранившиеся в архиве документы, фотографии и денежные знаки – свидетели прошлого. К большому сожалению, об этом событии в современном Сретенске ничего не было известно, и эта тема местными краеведами никогда не разрабатывалась. Нет и памятника военнопленным в пади Филиппиха, и все попытки автора найти какое-либо материальное подтверждение его существования оказались безрезультатными.

Лагерь военнопленных в станции Сретенской. Падь Филиппиха. Общий памятник на кладбище пленных, сооруженный на добровольные пожертвования.
10 июля 1916 г.

¹ Т.Я. Иконникова «Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914-1918 гг.)» Хабаровск 2004 г. С. 10.

² Под определением «лагерь», здесь следует понимать место размещения военнопленных в определенном населенном пункте.

³ ГАЗК Ф. 94. Оп. 1. Д. 850

⁴ ГАЗКФ. 56. Оп. 10. Д. 9

⁵ Надписи на почтовых карточках здесь и далее сделаны Начальником Сретенского гарнизона капитаном Ивановым.

⁶ ГАЗКФ. 56. Оп. 10. Д. 18. Л. 180

⁷ Т.Я. Иконникова «Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914-1918 гг.)» Хабаровск 2004 г. С. 16.

⁸ ГАЗКФ. 364. Оп. 2. Д. 40. Л. 2

⁹ «Weg und Werkeiner grosse Frau in Schweden, Sibirien, Deutschland, America», Stuttgart. 1962 S. 74, 77. (Путь и деятельность сильной женщины в Швеции, Сибири, Германии и в Америке).

¹⁰ Э. Брендстрем «Среди военнопленных в России и в Сибири в 1914-20-х годах». Берлин 1927 год.

¹¹ ГАЗК Ф. 94. Оп. 1. Д. 943. Л. 77, Об.

¹² ГАЗК Ф. 94. Оп. 1. Д. 943. 13 Уст. Зем. Пов. Изд. 1899 г., ст. 463

¹⁴ ГАЗК Ф. 1. Оп. 1. Д. 10459. Л. 27. Л. 249

¹⁵ ГАЗК Ф. 14. Оп. 1. Д. 28

¹⁶ ГАЗК Ф. 14. Оп. 1. Д. 28

¹⁷ ГАЗК Ф. 14. Оп. 1. Д. 28

¹⁸ Т.Я. Иконникова «Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914-1918 гг.)» Хабаровск 2004 г. С. 30-31.

¹⁹ Кондратьев В.А. Из истории борьбы немецких военнопленных – интернационалистов за установление Советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке 1917-1920 гг. Ноябрьская революция в Германии. Сборник статей и материалов 1960 г. с. 485

²⁰ И. Шлейхер «Пленные стран четвертого союза в Сибири: некоторые вопросы транспортировки и содержания в лагерях».

²¹ Там же.

²² Л.М. Спирин «Разгром армии Колчака».

²⁴ Авдеева Н.А. «Венгерские интернационалисты в борьбе за Советскую власть на Дальнем Востоке» 1917-1922 гг. Н.А. Авдеева, А.И. Крушанов, Б.И. Мухачев, Н.А. Шиндялов – М. – Наука, 1980 год, стр. 76-90.

²³ ГАЗК Ф. 364. Оп. 2. Д. 2. Л. 43

Надежда Закаблукская, кандидат исторических наук
(Чита)

1917 год в жизни А.К. Кузнецова, гласного Читинской Городской Думы

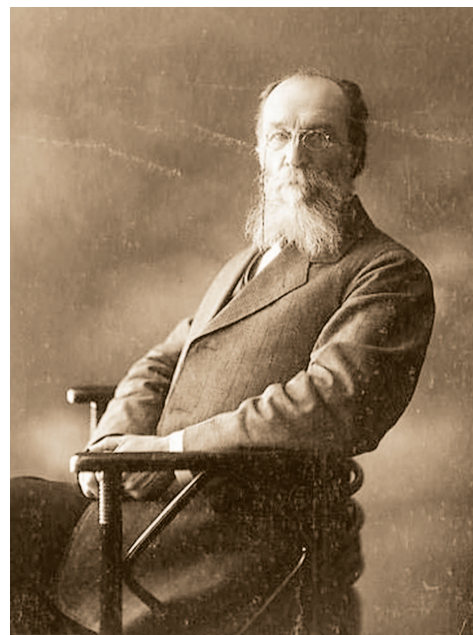
ИМЯ А.К. КУЗНЕЦОВА, ПОЛИТССЫЛЬНОГО, ИССЛЕДОВАТЕЛЯ СИБИРИ, ОРГАНИЗАТОРА МУЗЕЙНОГО ДЕЛА В ВОСТОЧНОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ, ШИРОКО ИЗВЕСТНО. ЕГО НАУЧНО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДО СИХ ПОР ВЫЗЫВАЕТ ИНТЕРЕС УЧЕНЫХ, КРАЕВЕДОВ.

Деятельность А.К. Кузнецова далеко выходила за рамки научных интересов, он активно занимался и общественно-политической деятельностью, в том числе и годы первой русской революции, за участие в которой подвергся репрессиям. В ноябре 1905г. на состоявшемся съезде партии социалистов-революционеров он был избран почетным членом областного комитета. В декабре того же года, по постановлению экстренного заседания гласных городской Думы, вошел в комиссию «для наблюдения за правильным ходом почтово-телеграфных дел и денежной отчетности»¹. В своих воспоминаниях, написанных уже в 1920-х годах, этим событиям он посвятил немало строк.

Однако, менее всего раскрыта его роль как гласного городских дум: Нерчинской и Читинской. Поэтому данная статья есть первая попытка показать деятельность А.К.Кузнецова как гласного Читинской городской Думы в 1917 году.

Победа Февральской революции всколыхнула политическую и общественную жизнь в области. Все политические партии перешли на легальное положение, развернув активную деятельность за расширение своего влияния в обществе. 3 марта 1917 года собрание Читинской городской Думы обсудило вопрос о создании нового органа власти – Комитета общественной безопасности (КОБ). Было решено учредить Комитет из 25 человек – представителей от общественных, рабочих, всех политических партий и национальных

организаций. В целях наилучшего формирования КОБа, а также равномерного распределения представительства от общественных организаций, общее собрание избрало комиссию из 15 человек. В нее вошли: Цыбин, М.Н. Богданов,

Анисимов, Перевозчиков, А.А. Войлошников, З.Р. Рубинштейн, Преображенский, Коковская, Крутиков, Афанасьев, А.К. Кузнецов, Фортус, А.М. Флегонтов, С.Ф. Завадский, Г.А. Оболдуев. Заседание комиссии было назначено на 4 марта 1917 года². Ее задачи заключались в организации новой власти и кон-

троля над действием существующей. 5 марта 1917 года состоялось 1-е заседание Забайкальского Комитета общественной безопасности, председателем которого был избран А.А. Дудукалов.

На заседании городской Думы от 27 апреля 1917 года Городской голова Н.И. Савич доложил о поступивших заявлениях от лиц, избранных в число гласных. От местного отделения Географического общества гласным Думы был избран А.К. Кузнецов. Он состоял и членом Городской управы. Как гласный Думы он был избран в техническо-строительную и садовую комиссии, распорядительный

совет городской библиотеки. На этом же заседании А.К. Кузнецов совместно с А.Н. Бек, председателем общества Народного дома и члена Общества народных чтений, обратились к гласным Думы с заявлением о передаче в аренду на пять лет сада им. Жуковского указанным общественным организациям. В заявлении были оговорены как условия передачи, так и планируемая деятельность данных организаций. Она заключалась в устройстве лекций, детских чтений с демонстрацией картин «при помощи волшебного фонаря», детского научного кинематографа, детских игр под руко-

Музей Читинского отделения Русского географического общества. Вид с улицы Уссурийской (Чкалова). 1924 г. (фото из частного архива).

водством педагогов, воскресной школы, библиотеки, а также дальнейшего развития ботанического сада. Условия аренды были признаны гласными приемлемыми для дальнейшей работы. 12 мая на очередном заседании городской Думы было рассмотрено около двадцати вопросов. Они касались экономического состояния города, его благоустройства, развития народного образования. Основное внимание привлек доклад Городского головы Н.И. Савича о деятельности городского самоуправления за 1916-1917 годы³.

В мае же 1917 года Городская управа на основе закона Временного правительства приступила к подготовительным работам по выборам в городскую Думу нового созыва. Руководство работами взял на себя член управы К.М. Стерхов и гласный Думы В.С. Фадеев. 15 мая Городская управа начала составление избирательного списка.

Выборы в Думу проходили на основе всеобщего, равного и тайного голосования. В них могли принять участие лица, достигшие 20-летнего возраста. В гласные Читинской городской Думы были поданы списки от Женского союза, внепартийной группы демократических избирателей г. Читы, Читинской организации Российской социал-демократической рабочей партии, от Общества профессионального союза легковых извозчиков г. Читы, от Читинского отдела Партии Народной свободы, от магометанской группы избирателей, от союза мелких торговцев г. Читы, от домовладельческой группы 5 избирательного участка, от Читинской группы партии социалистов-революционеров, от Братства Св. Кирилла и Мефодия и Союза ревнителей православной церкви, от общества домовладельцев, от Читинской сионистской организации, от Трудовой народно-социалистической партии, от избирателей по 10 избирательному участку, от дружины государственного ополчения⁴. Алексей Кириллович Кузнецов шел по списку № 9 от партии социалистов-революционеров. Кстати, его имя и открывало этот список. Выборы гласных в городскую Думу проходили 23 июля 1917 года.

11 августа 1917 года Городской голова Н.И. Савич, обратившись к новому

составу Думы, отметил, чтобы она «руководствовалась не духом партийности, а интересами дела, чтобы интересы партии не ставились выше интересов населения»⁵. На заседании Председателем Думы большинством голосов был избран А.М. Флегонтов, заместителем председателя К.С. Шрейбер. Думу возглавил А.А. Лопатин. В Городскую управу вошли Н.Н. Жуков, П.Н. Меженин, И.С. Вайвод, Н.М. Ананьин. Одновременно обсуждался вопрос и о городских комиссиях. В основу их формирования был положен принцип представительства всех думских фракций. Всего было предложено создать 17 комиссий. А.К. Кузнецов был избран в ревизионную, финансово-бюджетную, садовую комиссии. Он также вошел в Совет городской библиотеки. В Совет музея были избраны П.И. Шемелин и К.Н. Тульчинский.

Складывающаяся общественно-политическая ситуация в стране, области влияла и на работу городской Думы. С августа 1917 года на ее заседаниях обсуждалось отношение к происходящим событиям. Так, на заседании от 19 августа Читинская городская дума призвала поддерживать всеми силами Временное правительство, «пока в нем участвуют представители революционной демократии»⁶. 26 августа дума предлагает кандидатом в областные комиссары М.Н. Богданова, а П.И. Шемелина делегирует на общее собрание общественных организаций, Комитетов политических партий, Совета солдатских и рабочих депутатов и Союза профессиональных союзов для выбора областного комиссара.

Откликнулась особой резолюцией Читинская городская Дума и на выступление генерала Корнилова в Петрограде. В ней гласные Думы вновь обращались к гражданам сплотиться «тесными рядами вокруг демократических организаций для пресечения на местах каких бы то ни было контрреволюционных попыток... и поддержать Временное правительство»⁷. 5 сентября 1917 года состоялись выборы представителя Читинской Думы на съезд демократических организаций в Петрограде. Гласные Думы без прений большинством голосов выбрали на съезд А.М. Флегонтова, члена партии социалистов-революционеров.

Особо нужно отметить очередное заседание Читинской городской Думы от 22 ноября 1917 года, на котором рассматривалось отношение к роспуску Московской и Петроградской дум, а соответственно и к власти большевиков. Прошел практически месяц после свершения вооруженного восстания в Петрограде. О событиях Октябрьской социалистической революции стало известно в Чите вечером 25 октября. Областной и уездные КОБы, городские Думы, Войсковое правление, земские управы отказались признать законность новой власти. На этом заседании Думой большинством против одного при 4 воздержавшихся была принята резолюция, с которой от имени фракции народных социалистов выступил К.С. Шрейбер. В ней подчеркивалось, что «известие о роспуске Московской думы, известие о разгоне самочинным «правительством» большевиков Думы Петрограда не может не вызывать глубокого возмущения, как всякое злое дело. Читинская Дума не может обойти молчанием эти вопиющие факты, она всеми силами протестует против них, будучи твердо уверена, что вся истинно революционная демократия с великим негодованием расценит их, как проявление безудержного насилия, убивающая самую идею всеобщего

избирательного права и оскорбляющего все городское население в лице его истинных избранников»⁸. От голосования воздержался М.М. Фромберг, член Читинской объединенной организации РСДРП, большевик. Большинство гласных Читинской Думы не признала установление Советской власти в области. А.К. Кузнецов, по всей вероятности, также вошел в это число, но активных действий против новой власти не предпринимал.

Н.Н. Жуков, хорошо знавший Кузнецова, его первый биограф, писал, что «наступившие раскаты Октябрьской революции были встречены Алексеем Кирилловичем недоверчиво и даже враждебно, но <...> убедившись в правильности занятой коммунистической партией позиции, начинает с конца 1920 года работать рука об руку не за страх, а за совесть»⁹. Правнучка Кузнецова А. Смирнова, напротив, отмечала, что «в 1917 году ее прадед радостно приветствовал Великую Октябрьскую революцию. Он столько лет боролся за свободу и справедливость! Как миллионы людей, как и весь народ, он был обманут этой революцией. Вместо свободы наступил развал, неразбериха, дикие репрессии, несправедливость и гражданская война...»¹⁰.

¹ ГАРФ, Ф. Д-7, оп. 1906, д. 8, ч. 17, л. 27

² ГАЗК, Ф. 226, оп. 1, д. 49, л. 108

³ ГАЗК, Ф. 226, оп. 1, д. 49, л. 210-228

⁴ ГАЗК, Ф. 94, оп. 4, д. 52, л. 75-83

⁵ ГАЗК, Ф. 226, оп. 1, д. 49, л. 240.

⁶ ГАЗК, Ф. 226, оп. 1, д. 55, л. 255-255 об.

⁷ ГАЗК, Ф. 226, оп. 1, д. 55, л. 275-275 об.

⁸ ГАЗК, Ф. 226, оп. 1, д. 55, л. 439-439 об.

⁹ Жуков Н.Н. Жизнь и деятельность Алексея Кирилловича Кузнецова. – Чита: «Печатное дело», 1929. – С. 45

¹⁰ Смирнова А. Воспоминания. История семьи.

Александр Литвинцев
(Нерчинск)

ЗНАМЕНСКИЕ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ДЕТЕЙ ПОСЛЕДНЕГО НАСТОЯТЕЛЯ
ЦЕРКВИ УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ В с. КАЛИНИНО.

Маленькому Вадиму Знаменскому было тогда всего 3 года, но впечатление о первом, и, как оказалось, последнем его участии в богослужении в церкви Успения Пресвятой Богородицы отложилось в памяти на всю жизнь. Кто знает, как сложилась бы его судьба в дальнейшем, но та Пасхальная служба стала последней и для самой церкви.

Дед Вадима, Иоанн Григорьевич Знаменский (6.02.1839 – 10.05.1918), родился в семье священника Тульской Епархии Григория Иоанновича Знаменского в селе Вышние Залегощи Васильевского уезда. Совсем молодым, в 1861 году, он приехал служить в Забайкалье в качестве миссионера. На протяжении 40 лет он был бессменным настоятелем храма в с. Монастырском. В

семье Иоанна Григорьевича и Елены Андреевны родилось восемь детей, трое из них – сыновья Леонид, Яков и Николай – в дальнейшем также стали священниками. И отец Иоанн, и матушка Елена были похоронены за алтарем Успенской церкви, с юго-восточной стороны. Безымянные надгробные плиты до сих пор лежат в этом месте.

Отец Вадима, Николай Иоаннович Знаменский, родился 19 декабря 1878 года. После окончания Иркутской духовной семинарии в начале 1900-х годов сначала служил в г. Баргузине, а затем в железнодорожной церкви ст. Чита I. В 1921 году его перевели в Нерчинский Воскресенский Собор, а с 1924 года и до самого закрытия и ликвидации храма в 1929 году он был настоятелем Успенской церкви в уже переименованном с. Калинино. В январе 1930 года Николай Иоаннович был арестован и заключен в Нерчинскую тюрьму. Первоначально он был сослан в район Керби (ныне Осипенко) Уссурийского края, а затем в с. Тымское Томской области. Тюремный режим и ссылка не смогли сломать могучего атлета и принудить к отречению от веры, что было условием освобождения. Свою мученическую смерть он нашел в 1933 году в колонии ссыльных на берегах Оби вместе с другими 115 репрессированными служителями церкви. Место захоронения его неизвестно.

Вскоре после ареста Николая Иоанновича были арестованы его сыновья Виталий и Анатолий (судьба последнего осталась неизвестной) и его жена Клавдия Исидоровна. Сегодня из восьми детей Николая Иоанновича в живых осталось двое – дочь Валерия, живущая в Хабаровске, и сын Вадим, проживающий в Риге и, несмотря на все свои заслуги, являющийся «негражданином» Латвии. Они, по всей видимости, последние сви-

Иоанн Григорьевич
Знаменский

детели былого величия древнейшего храма Забайкалья.

Вообще же в роду Знаменских сегодня насчитывается более 300 потомков, проживающих в различных частях бывшего СССР, а также в Японии, США, Великобритании, Германии и других странах. Многие из них стали достойными людьми: врачами, инженерами, писателями, военными, учеными...

Из воспоминаний Вадима Николаевича Знаменского: «1932 год. Мне 6 лет. Мы, группа босоногих несмышленишек, собираемся посетить пустую церковь Успения. Неподдельный страх и трепет охватывает всех при приближении к ней. Но любопытство побеждает, и мы входим через распахнутую дверь. Сразу поражает необычное эхо звуков. Стекла выбиты, на окнах только узорчатые решетки. Гуляют сквозняки. Порывы ветра ворошат обрывки бумаг, рукописей. Отдельные листочки, поднятые ветром, падают на пол как подстреленные птицы. Вдоль стены два массивных сундука с развороченными крышками. В одном остатки старинных книг, в другом – шнурованные и отдельные листы рукописей, заполненные аккуратным красивым почерком. Крупные шрифты и заголовки удастся прочитать – даты, названия месяцев, имена и фамилии селян. Осмелев, ватага забралась по винтовой лестнице на колокольню. Большой 40-пудовый колокол висит без «языка», удастся дотянуться рукой и ощутить его холодный металл. Вскоре колокол был сброшен с колокольни и, пробив каменную плиту, треснувший, он долго торчал из земли...»

«Село Калинино. Весна 1929 года. Снег растаял, но еще прохладно. Малиновый звон большого колокола с утра извещает о начале праздника. Мы с мамой идем по деревянным мосткам через речку Чистую. Близость бурлящей воды вызывает страх. Преодолеваем небольшой подъем в горку и выходим на главную улицу села, проходим мимо здания с большими белыми ставнями – это школа. Выходим на широкую площадь, минуем калитку в металлической ограде, шагаем по каменным плитам. Вблизи церкви колокольный звон становится громоподобным. Внутри храма звуки воспринимаются гулко. Народ постепенно заполняет зал. Много свечей в подсвечниках у стен и в блестящих люстрах излучают мягкий свет. Сверху, с необыкновенной конусообразной высоты стен смотрят ангелы, по периметру стен – лики святых в блестящих окладах. Мы становимся возле возвышения, огражденного позолоченным барьером, рядом стойка с бархатистой темно-вишневой накидкой с блестками. Хочется все потрогать руками, но существует запрет. Рядом узорчатое дымящееся кадило. Слышно пение. Служба завершается раздачей причастия. Человек в ярком одеянии держит в руках сосуд и угощает всех. Досталась и мне чайная ложечка сладкого кагора...»

Николай Иоаннович
Знаменский

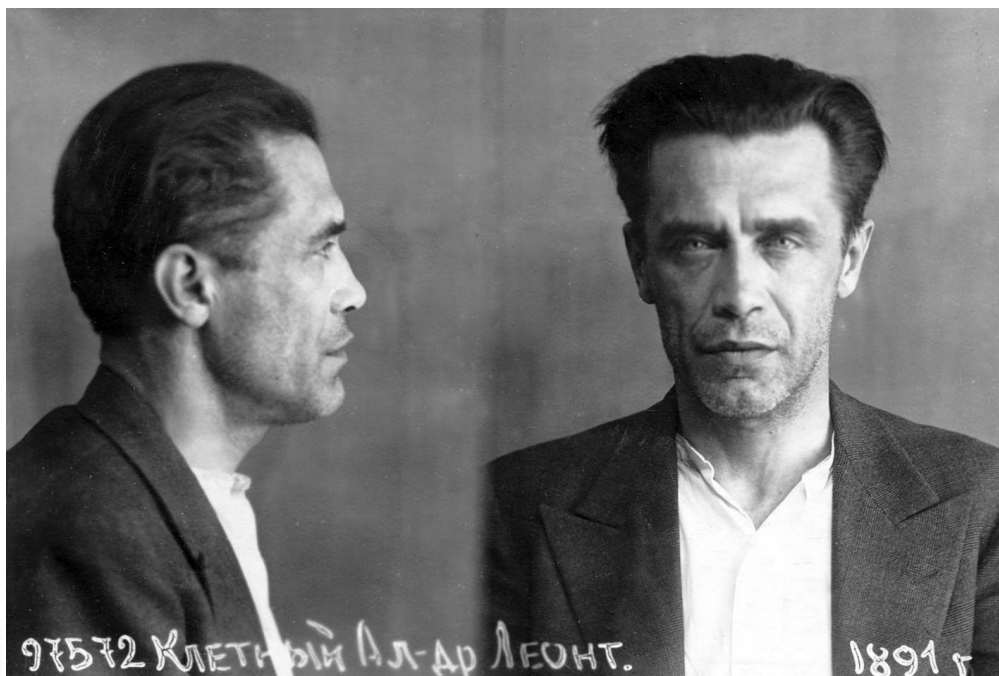
Алексей Соловьев
(Чита)

Специалисты мирового уровня

СОВЕТСКИЕ РАЗВЕДЧИКИ, ЯПОНОВЕДЫ, ЛИНГВИСТЫ И ПЕРЕВОДЧИКИ В.М. КОНСТАНТИНОВ И А.Л. КЛЕТНЫЙ СЧИТАЛИСЬ СРЕДИ ВОСТОКОВЕДОВ СПЕЦИАЛИСТАМИ МИРОВОГО УРОВНЯ.

Доктор исторических наук, профессор, академик, научный сотрудник Института востоковедения Российской Академии наук И.А. Латышев, проработавший 15 лет собственным корреспондентом газеты «Правда» в Японии, с нескрываемым восхищением писал о В.М. Константинове в книге: «Япония, японцы и японоведы»: «В начале 30-х годов Константинов обладал всеми возможностями стать наряду с Конрадом и Невским звездой советского японоведения первой величины. Ведь редко кому из наших соотечественников до-

велось в молодости учиться в одном из престижных японских университетов и овладеть в полной мере японским языком. А судьба, казалось бы, несла Владимира Михайловича на своих крыльях: находясь несколько лет в Японии в качестве сотрудника военного атташата советского посольства, он прошел одновременно курс учебы в университете Васэда¹. Точно так же можно сказать и о А.Л. Клетном, который изучал японский язык в Киевском коммерческом институте и, будучи одаренным юношей, дважды направлялся институтом в Япо-

97572 Клетный А.Л.-др. ЛЕОНТ.

1891 г.

нию для совершенствования языка. Константинов и Клетный печатали в журналах свои исследования, привлекавшие внимание научной общественности. Их лебединый полет прервал в 1938 году «ежовский черный ворон»². В это время В.М. Константинов с отличием оканчивал спецфакультет военной академии им. Фрунзе, а А.Л. Клетный заведовал там же кафедрой японского языка. За плечами у каждого из них было такое боевое прошлое, неопровержимо доказывающее их преданность, что только сумасшедший мог назвать их «врагами народа». Но Сталин на одном из закрытых совещаний выразил недоверие разведывательной информации, и Ежов беспощадно громил военную разведку и разведку государственной безопасности, уничтожая бесценные кадры советской разведки.

Владимир Михайлович Константинов родился 1 августа 1903 года в Иркутске в семье сельского учителя, активного революционера, члена РСДРП, приговоренного к каторжным работам и отбывавшего тюремный срок в Александровском центральном, а затем ссылку в Иркутской губернии. В рядах Народно-революционной армии Дальневосточной Республики молодой Константинов воевал с японскими интервентами и белогвардейцами на Дальнем Востоке. После занятий журналистикой в Кузбассе учился в 1923-1927 годах на японском отделении дипломатического факультета Московского института востоковедения, где его «присмотрели» кадровики Разведывательного Управления штаба Красной Армии. Под прикрытием секретаря военного атташе в Японии в 1927-1933 годах приобрел опыт ведения разведки и добывал секретную военную, экономическую и политическую информацию, необходимую для обороны родной страны. Владел японским, китайским, английским, французским, немецким языками.

В 1933-1935 годах Владимира Михайловича назначают помощником начальника отделения Разведуправления. Руководитель военной разведки СССР Ян Берзин в 1933 году принимает решение о направлении Рихарда Зорге в Японию и поручает Константинову по-

знакомить его с особенностями жизни и работы в стране Восходящего солнца. Константинов конспиративно встречается с будущим легендарным разведчиком в Москве и Париже. Затем вновь в Токио ведет разведывательную работу, прикрываясь должностью 1-го секретаря полпредства СССР³, учится в академии до ареста 20 августа 1938 года.

Из архивного уголовного дела на Александра Леонтьевича Клетного видно, что он родился в 1891 году в Киеве, в 1912-1918 годах изучал японский язык в Киевском институте. В сентябре 1925 года прибыл переводчиком в Генеральное консульство СССР в Сеул. В те времена Корея была японской колонией. Там, в 1927-1930 годах, под прикрытием

Владимир
Михайлович
Константинов

генерального консула возглавлял резидентуру советской разведки Иван Андреевич Чичаев. Он завербовал сотрудника японской политической полиции, от которого в дальнейшем поступала важнейшая информация. Наиболее важным документом, полученным от него в 1929 году, был одобренный японским императором меморандум маршала Танака о планах по установлению гегемонии в Азии и во всем мире. На Токийском Международном трибунале над главными японскими военными преступниками (1946-1948 гг.) меморандум фигурировал в качестве официального докумен-

та за номером 169. Этот документ И.А. Чичаев получил от источника вместе с А.Л. Клетным. В 1930 году А.Л. Клетного перевели в Японию, где он продолжал выполнять разведывательные задания. С 1933 до ареста 17 сентября 1938 года возглавлял кафедру японского языка и переводил документы в разведывательном отделе Главного Управления госбезопасности НКВД⁴. Александр Леонтьевич, кроме японского и китайского, владел украинским, корейским, английским и немецким языками.

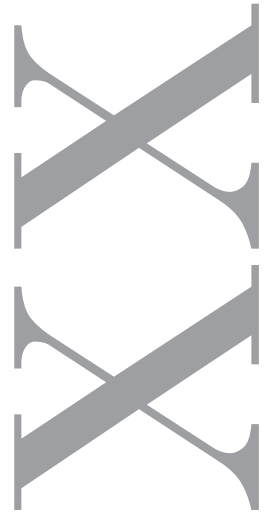
В.М. Константинова и А.Л. Клетного содержали в Бутырской, Лефортовской тюрьмах и во внутренней тюрьме на Лубянке. Мерами физического воздействия и шантажом добились признания в шпионаже в пользу Японии. Им грозил расстрел, но приговор к высшей мере наказания предотвратило руководство 1-го (разведывательного) Управления НКВД, которое использовало выдающихся японоведов для перевода с японского оперативно важных документов. В книге «ГРУ: дела и люди» В.М. Лурье и В.Я. Кочик пишут, что в 1940 году В.М. Константинов перевел японский документ, в котором шла речь о сроках нападения Германии на СССР⁵.

Через два дня после начала войны, 24 июня 1941 года, Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила В.М. Константинова и А.Л. Клетного к 20 годам лишения свободы с конфискацией имущества и поражением в правах на 5 лет за «шпионскую деятельность» в пользу японской разведки. Приговор объявлен окончательным и обжалованию не подлежал⁶.

В августе 1941 года по этапу на Колыму их доставили в пересыльную Читинскую тюрьму. Начальник отдела контрразведки Читинского Управления КГБ в 80-х годах прошлого века полковник Сергей Иннокентьевич Кудреватых вспоминал, что в 1942 году, когда он лейтенантом был призван в органы госбезопасности, ему посчастливилось познакомиться, а потом долгое время работать с А.Л. Клетным. Со слов Кудреватых, начальник управления И.Б. Портнов, узнав, что в Читу прибыли знатоки японского и китайского языков, приказал перевести арестантов во внутреннюю тюрьму. Для

них оборудовали в камерах кабинеты и спальни, собрали необходимую библиотеку, обеспечили нормальным питанием и привлекли к контрразведывательной работе – к переводу и обработке документов, получаемых разведкой в Маньчжурии, где с 1932 года властвовали японские милитаристы, работе с китайскими перебежчиками, а позднее с японскими военнопленными.

Внутренняя тюрьма для временно-го содержания арестованных была построена в 1938 году во дворе шумовского дворца, занимаемого Управлением НКВД, и через нее прошли тысячи оклеветанных забайкальцев. Но если для них срок пребывания в тюрьме исчислялся днями, иногда несколькими месяцами, то А.Л. Клетный провел в «кабинете и спальне» Читинской внутренней тюрьмы девять долгих лет. С.И. Кудреватых вспоминал, что А.Л. Клетный обладал энциклопедическими знаниями, в совершенстве знал все диалекты японского языка, японские обычаи и традиции, мог быстро установить контакт с японцем и получить необходимую информацию. В этом С.И. Кудреватых убедился, когда в 1946-1949 годах ему приходилось работать с японскими пленными по розыску свидетелей преступной подготовки бактериологической войны и по другим делам. В 1944-1945 годах Клетный подготовил уникальную научную работу, двухтомник «Маньчжурия. Забайкальское направление», в которой, наряду с описанием природных особенностей регионов Маньчжурии, на основании разведывательных данных указал численность населения, национальный состав, в том числе наличие русских эмигрантов, их общественные организации, размещение японских спецслужб, данные о Хайларском укрепленном районе и другие сведения. Эта работа использовалась военным командованием и органами госбезопасности во время подготовки и проведения Маньчжурской стратегической наступательной операции в августе 1945 года. Одновременно А.Л. Клетный составил сборник о белой эмиграции в Маньчжурии. Во время боевых действий с 16 августа 1945 года в составе оперативной группы УНКГБ по Читинской области находился в Маньчжурии для

определения ценности захваченных документов японских разведывательных и контрразведывательных органов. По этим документам им было установлено свыше 700 агентов японской разведки в Китае и СССР⁷.

В.М. Константинова в 1942 году увезли из Читы в Хабаровск, где он продолжал работать с документами разведки и контрразведки во внутренней тюрьме Управления госбезопасности. В 1949 году Владимиру Михайловичу поручили важнейшую работу по подготовке Хабаровского процесса над японскими военными преступниками, виновными в подготовке и применении бактериологического оружия⁸. Он организовал и контролировал работу свыше ста ученых и преподавателей японского языка, командированных из различных регионов страны для перевода японских трофейных документов и работы с японскими пленными⁹. Военный трибунал получил неопровержимые доказательства.

В марте 1950 года А.Л. Клетного этапировали из Читы в Хабаровск. Совместно с В.М. Константиновым они обрабатывали трофейные японские документы. По ходатайству руководства Хабаровского управления госбезопасности Особое Собрание при МГБ СССР освободило их 19 ноября 1952 года. Освободило не полностью, а с правом проживания только в Хабаровске. Они продолжали работать референтами в УМГБ-УКГБ по Хабаровскому краю. Проживали на квартирах в Хабаровске. Только после реабилитации 26 мая 1956

года В.М. Константинов и А.Л. Клетный обрели полную свободу.

В.М. Константинов сразу же уехал в Москву. Там его ждали жена и дети. В Чите и Хабаровске он находил время заниматься научной работой, и продолжил ее в Московском институте востоковедения Академии Наук СССР с 1956 года до конца жизни в 1967. В 1961 году защитил докторскую диссертацию. Опубликовал множество научных работ, многих талантливых молодых людей ввел в большую науку. Стал ученым, известным во всем мире. Издавался под псевдонимом «М. Аирский». Его сын, Алексей Владимирович Постников, – ученый с мировым именем, доктор наук, академик, президент Международного Центра Рерихов. В 2011 году выступал с докладом на международной конференции в Чите, подготовил несколько научных статей для Энциклопедии Забайкалья.

У А.Л. Клетного судьба сложилась по-иному. В Москве его никто не ждал. Жену арестовали в 1938 году, через 18 лет разлуки он не смог ее найти, детей не было. Мать умерла, не дождавись сына. Он решил уехать во Владивосток и работать в университете. Но сил на научную работу уже не было. В 1959 году А.Л. Клетный умер¹⁰.

Несмотря на то, что В.М. Константинов и А.Л. Клетный внесли весомый вклад в обеспечение безопасности страны, их имена долгое время оставались в тени. Они не имели заслуженных наград. Так пусть будет для них наградой благодарная память потомков.

¹ И.А. Латышев. «Япония, японцы и японоведы». – readr.ru/igor-latishev-yaponiya...yaponovedi.html? ...

Университет Васэда в Токио широко известен как один из наиболее престижных частных университетов Японии.

² «ежовский черный ворон»: Н.И. Ежов – нарком внутренних дел в 1936-1938 гг., организатор и руководитель массовых репрессий, расстрелян 4 февраля 1940 г. «Черный ворон» – так в народе называли служебные автомобили НКВД ГАЗ-М1 («Эмка»). Эти машины были всегда черного цвета и использовались для перевозки арестованных.

³ Лурье В.М., Кочик В.Я. ГРУ: дела и люди. – СПб., 2002, с. 408.

⁴ Архив ФСБ России, дело Р-23744, том 3, л.487

⁵ Лурье В.М., Кочик В.Я. ГРУ: дела и люди. – СПб., 2002, с. 408.

⁶ Архив ФСБ России, дело Р-23744, том 3, л.451.

⁷ Там же, л. 488.

⁸ Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1950.

⁹ Архив ФСБ России, дело Р-23744, том 3, л.484.

¹⁰ Люди и судьбы. Библиограф. словарь востоковедов – жертв политического террора в совет. Период (1917–1991). Сост. Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. – СПб., 2003. – 496 с.

*Редакция журнала выражает благодарность коллективу
Государственного учреждения культуры
«Центр охраны и сохранения объектов культурного наследия»
Забайкальского края за помощь в подготовке публикаций.*

Забайкальский исторический журнал
ХРОНОГРАФ

Учредитель

Региональная общественная организация
«Забайкальское общество любителей истории»

Главный редактор С.В. Кудрявцев

Корректор Т.В. Максимова

Дизайн, верстка А.А. Бальжинимаев

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена.
Ответственность за достоверность информации несет автор.

Отпечатано в типографии «Домино»,
г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 54-а, тел.: 8 (3012) 22-15-15.

Заказ №

Тираж: 999 экз.

ул. Амурская, 48

«Люди никогда не довольны настоящим и, по опыту имея мало надежды на будущее, украшают невозвратимое минувшее всеми увесами своего воображения»

А.С. Пушкин

ул. Новобульварная, 20

ул. Нечаева, 48

ул. Бутина, 93

ул. Таежная, 16

